

ANGOR

— БАРНАР —

МИР НА КОСТЯХ

2

Annotation

Отважный наёмник продолжит свой путь, пролегающий по суровым землям Барнара. Ему предстоит узнать всю страшную правду о прошлом...

Конрад открыл глаза. Холодные тонкие пальцы Амелии медленно сползли с его скул. С неба хлынули крупные капли дождя.

Он смотрел на её нежную ровную кожу и соблазнительное мерцание глаз. Наёмнику казалось, что их брэнная жизнь уже позади. Словно они с ней в божественных чертогах разгуливают среди фруктовых деревьев. Сейчас он подхватит её на руки и быстро помчится, перепрыгивая через глубокие лужи, в уютный дом. Где в большом камине будет пылать задорный огонь. Возле того он скинет с неё сырое платье, разотрет её пупырчатые от холода груди руками. Те порозовеют, и Конрад закутает Амелию в тёплую оленью шкуру и отнесет наверх. А сам спустится в погреб. Достанет вино и сыр. Уложит аккуратно виноград в плетеную корзину и поднимется к своей желанной женщине. Оголённая чародейка лежит на боку и упирается головой о ладонь. Она томно дышит с приоткрытым ртом. Сейчас он кинется в её объятия и растворится в них навечно, как сахар в горячем пунше.

Но наёмника из его мечтаний вырвал замогильный возглас Узгулуна.

— Вы хотели избавиться от меня, но в результате избавились от себя. Неужели вы, смертные, никак не поймете, что я часть той силы, которая двигает всю вашу жалкую жизнь.

Ведьма направилась прямо к нему. Она, задрав голову кверху, злобно взирала в его пасть. Амелия использовала огненное заклинание, сформировав огромную сферу, которая молниеносно врезалась в тело Узгулуна. Вокруг образовалась ослепляющая вспышка, поднявшая столбы дыма и пыли. Узгулун скрылся в них.

После того, как всё рассеялось, чародейка поняла, что её колдовство не оказало никакого эффекта.

Повелитель хаоса рассмеялся злобным смехом.

— Вы, как жалкие сорняки! Ни на что не способны! После того, как я сожгу мир, я наконец, избавлюсь от вас и построю своё царство. Ваши ничтожные попытки не смогут противостоять мне и моим замыслам. Когда вы все исчезните, я примусь за ваших высокомерных богов и за трусливых демонов. Без хаоса не будет ни вашего сопливого счастья, ни войн и ни порядка, — Узгулун подошёл ближе к ней. — По указке богов, я защищал ваши души. Я устал прислуживать тем мерзким созданиям. Стоило пойти против их воли, как меня сразу же изгнали с небес. Неблагодарные твари: за один проступок лишили всего. В преисподней я взрастил планы по порабощению мира. Там я наслаждался страданиями усопших. Они были для меня, словно песня для ушей. Я тот самый раб, который крутил чертово колесо перевоплощений. И боги избавили от того.

Повелитель хаоса направил меч на чародейку. Конрад непроизвольно отбросил её назад, заслонив своей спиной.

— Вдруг у тебя хватит сил. Сделай портал и убирайся отсюда, — прошептал быстро Конрад, прижавшись к лицу Амелии.

— Но куда? Это ведь всё уже не имеет значения, — ведьма шокировано глядела на него.

— Стройся! — раздался самоуверенный клич.

Узгулун отвернулся от людей и уставился на выступающую с выстроенных в ряд кораблей армию гномов.

Те спускались по подмосткам, восседая на бурых медведях, тела коих были покрыты золотыми доспехами. Головы зверей венчали тяжеловесные шлемы на медных застежках

снизу. Бородатые всадники правили ими с помощью крепкой сбруи, усеянной сияющими алмазами.

На крупном и чёрном медведе впереди ехал их дож Бофур. Туловище его защищала непробиваемая кираса. Спину медведя под ним устилала белоснежная попона, обшитая по краям серебряными нитями.

В первых линиях по бокам шествовали с высоко задранными подбородками гонфалоньеры. Марш их являлся столь ровным и одновременным, что казалось, будто это идёт одно существо, а не множество воинов. В руках тех развевались пурпурные знамёна со смарагдами.

На гномьих ногах звенели кольчужные искусные шоссы. Поверх брони трепыхала яркая ткань налатника. Железными перчатками те ударяли в свои треугольные щиты, отбивая ритм боевой песни.

"... Кровь прольём, но отомстим!

И луну окрасим в алый.

Дух у нас неукротим.

Враг, не жди пощады..."

На поясах сверкали резные топоры. В нагрудных карманах покоились лёгкие острые дротики. За их спинами волоклись усовершенствованные пушки с пустотелыми ядрами, в которых дожидалась своего момента горячая смесь.

Рядом с дожем на рыжем медведе восседал тот самый Ормонд. Он приходился Бофуру двоюродным братом. Друзья древнего рода полуночных звёзд решили уйти из всеобщей истории, как храбрые и последние защитники всех живых. Они как могли, оберегали осколок, но Узгулун их обвёл, уничтожив все хитрости и уловки. Осталось только взглянуть ублюдку прямо в лицо...

— Заряжай! — скомандовал рыжеволосый предводитель гномов.

— Что они делают? Повелителя хаоса уже никто не сможет убить, — прошептала вслух замороженная огромным полчищем армии ведьма.

— Они не собираются его убивать. Они собираются погибнуть, как настоящие воины, — Конрад вынул меч из ножен. — И я их прекрасно понимаю, — наёмник взглянул на девушку. — Амелия, оставайся здесь. Я попытаюсь вместе с гномами отобрать у Узгулуна осколок.

— Я буду обрушивать всю свою силу на него. Скорее беги! Я прикрою!

Она завязала свои волосы в пышный хвост снизу у затылка на скорую руку и принялась подготавливать заклинания.

Пушки палили ядрами по плоти повелителя хаоса, и те взрывались. В воздухе тут и там расплзались огненные волны. Узгулун злобно зарычал и чуть не повалился на землю, но смог удержаться благодаря своим толстым уродливым щупальцам.

Наёмник ринулся к нему и в прыжке наполовину разрубил его мускулистую руку. Тёмная кровь хлынула на лицо и шею Конрада. Враг расвирепел. Сквозь разорванную плоть виднелась кость. И он взмахнул крыльями, чтобы подняться и испепелить всех дотла.

Амелия скрестила ладони. Её глаза побелели. Из рта вырвалось заклинание, на которое ушла большая часть её сил. Голова кружилась от голода. Над тварью раскинулся огромный удерживающий купол. Повелитель хаоса не смог его пробить.

Молнии на клинке яростно засверкали и понеслись на нападавших гномов. Но ведьма создала кольцевой портал под ногами и гномы, и люди быстро исчезли за куполом. Узгулун

мог ожидать чего угодно, но только не такой безумной дерзости от таких слабых созданий. Через секунду всё войско вновь переместилось обратно. Повелитель хаоса повторил свой удар, но Амелия вновь использовала трюк с перемещением. Девушка не знала, насколько её хватит. Однако всё это ей жутко нравилось. Как же сладостно выводить из себя проклятого Узгулуна. Все они были уже одной ногой в пропасти. А на краю пропасти остаётся только веселиться. Так неужели стоит упускать такую возможность?

Узгулун сжал руку в кулак и метнул её вперёд. Сокрушительная волна ринулась на смертных. Но чародейка развернула ту на него самого. Повелитель хаоса рухнул на спину.

— Нацепить колодки из флэксibiliана!!! — пронёсся над холмами приказ Бофура.

Гномы подъехали на медведях. На цепях позади них были пристегнуты колодки из самого прочного материала, который могли раздобыть в глубинных шахтах только они. Железные звенья быстро перерубили, и воины приступили к выполнению указаний.

Повелитель хаоса попытался подняться, но Конрад взбежал на него сверху и со всего лёту вонзил клинок в грудь. Узгулун зарычал и взмахнул своим мечом, но зверь Ормонда вцепился зубами тому в руку. Сам гном спрыгнул и отрубил ему кисть.

По сырой траве побежали струи крови. Дождь разошёлся до такой степени, что видимость стала чудовищной.

Узгулун смотрел в небо, и в его взгляде читалась холодная усмешка. Тело монстра превращалось в тёмные клубы мрака.

— Где он? — прорычал Бофур, сжимая рукоятку топора. — Кто-нибудь его видит?

Во мгле слышались крики. Гномы стояли с открытыми ртами и безуспешно таранились в ничто. Повелитель хаоса мог быть одновременно как всем, так и ничем. Тела врагов рвались на куски под его мыслями. Он забирался в их плоть и вырастал внутри них. Ошмётки мяса и оторванные головы с бородами валились градом.

— Конрад? — вырвалось из уст Амелии.

Девушка кружилась на месте. Она знала, что это конец. Он должен был настать. Но человек всегда продолжает надеяться на победу. И в этом и есть особая сила, которая движет их цивилизацией.

Пограничье

Тара бежала на стража с трупом другого на спине. Ей не хватало воздуха. Всё тело трясло от слабости. Атакующий навёл на неё остриё. Девушка насадила труп на копьё и резко с ним повернулась. Стрелы полетели на неё. Однако волшебница вовремя полностью закрылась своим щитом из плоти.

Копьё вывернулось из рук нападавшего. Ведьма рванула к ногам и разрубила мечом его тазовые кости. Арбалеты перезаряжались. Клинок врага успел отрубить ей край волос. Тара опрокинулась на спину и закрыла глаза на мгновение. Открыв их вновь, она увидела, как на неё уже нёсся стражник, заноса свой меч. Чародейка быстро выбила его ногами. Лезвие полетело ей в гортань, но девушка ухватилась за клинок голыми руками. Жгучая боль пронзила кожу. Полилась яркая кровь.

Ведьма развернула его и вскочила, чуть не потеряв сознание. В глазах сверкали искры и ползла темнота. Едва устояв на месте, она воткнула клинок в спину стражнику, пока тот пытался вырвать копьё из трупа.

Таре уже начинало казаться, что она полноценная часть Терминаса. Ибо ведьма больше не чувствовала своего собственного разума. Будто это её двойник делает всё за неё.

Итак. Три арбалетчика. Стрелы готовы. Бездушные синие глаза пронизывали её

насквозь. Чародейка облизнула губы. Взгляд у девушки стал как у пьяной. Ноги хаотично топтались назад и вперёд. Больше не осталось мочи, чтобы поднимать трупы и использовать их вместо щитов. Да и это бы уже не помогло.

Тара поняла, почему до сих пор жива. Кольцо Гильдегарды придавало ей небесные силы и выносливость. Без него она бы точно не смогла так ярко сражаться на мечах. Волшебница решила прислушаться к ним полностью и закрыла глаза. В её мыслях призрачные очертания стрел замедленно неслись на неё. Она не спеша уклонилась сначала от одной, затем от второй и третьей.

Воины вновь перезаряжали арбалеты. Ведьма подбежала к ним и прикончила каждого. Она молча уселась на землю. Переломила древко стрелы в своей голени и вынула её. С помощью зубов оторвала кусок ткани и перевязала рану. Выражение лица Тары так и говорило о том, что ей уже давно всё понятно в этом мире. Она улыбнулась. Осмотрелась по сторонам и отправилась за тусклым мерцанием светлячков, круживших в сером тумане.

Ведьма вышла к древним могильным плитам. Под коими были погребены служители князя тьмы. Из пурпурных облаков доносился непонятный шёпот и взмахи крыльев. Кто-то уже видел её. Где-то по земле пробегали жуткие твари. Их челюсти ждали падали. И тут она заметила одного из хранителей Терминаса. Безликое существо в капюшоне и в доспехах приближалось к ней. За его плечами развевались чёрные крылья. В руках он держал наджак с удлинённой рукояткой.

— Король пограничья ждёт тебя, — голос его прошипел над её ухом. — Твоя сестра у него.

Тара последовала за ним. Вскоре в красном небе стали видны высокие башни со сверкающими вокруг них молниями.

Среди серых гор стоял покрытый плесенью дворец с большим ржавым куполом. Он был окружён глубоким рвом, залитым человеческой кровью. В нём плавали зубы и вздутые скользкие кишки. Иногда в них что-то отвратительно шевелилось. К горлу ведьмы подступила тошнота. Всё её тело передёрнуло.

К замку шёл каменный высокий мост, разрушенный в некоторых местах по краям. По кругу возле купола летали мрачные трупы с бурыми глазами. Стоял зловонный запах.

На гигантском троне возле главной стены дворца восседал сам король Терминаса. Ведьма исподлобья глядела на него. Кожа девушки покрылась мурашками от неизбежности. На высоком теле правителя висел серый тряпичный комбинезон, заляпанный грязью и отходами. Голову покрывал металлический шлем с вертикальными прорезями у рта. Глаз не было видно. На шее висело ожерелье из человеческих высушенных голов. В одной руке тот держал тяжеловесную красную саблю из железа.

— Карлин!! — ведьма шла к нему навстречу и звала сестру, стараясь разглядеть её в этой серой массе душ.

Король пограничья поднялся, и хранители приволокли к нему на цепях Карлин. Она испуганно вертела головой по сторонам, но, заметив Тару, замерла на месте.

— Что... Как!? — сорвалось с её бескровных губ. — Как ты сюда попала!?

— Я пришла за тобой. Я вытащу тебя отсюда! — прокричала та.

Лицо Карлин выражало недоумение и непонимание происходящего.

— Уходи отсюда быстро! Зачем ты пришла?

— Без тебя я никуда не уйду!

Тара ринулась к сестре, а лезвие сабли правителя медленно поползло по зелёному

камню. Скрежет, издаваемый при этом, заставлял Тару сморщить лоб. Клинок понёсся на ведьму. Его плечи заслоняли небо. Высокая фигура двинулась к чародейке. Мост под ним хрупко дрожал.

Тара поняла, что сестру вернуть будет совсем не просто. Придётся использовать хитрость и уловки.

Карлин в ужасе наблюдала за происходящим, будучи не в силах помочь сестре. Цепями её руки и ноги приковали к полу.

Тара тем временем прихрамывала, но бодро перебирала потными ступнями. Длинные ноги короля уже стучали рядом с ней, а сабля была нацелена на её голову. Ведьма отпрыгнула в сторону от удара. Но преследователь схватил её рукой за голову и принялся ту сжимать. Перед глазами всё поплыло. Она брыкалась, как беспомощная муха в паутине у паука. Но дотянувшись до своего оружия, девушка отрубила ему два пальца и, наконец, рухнула на землю, сильно ударившись рёбрами.

— Ну ты и говно собачье! — взревела чародейка, всадив королю меч щиколотку.

Правитель резко взмахнул ногой вверх. Та постаралась удержаться за его одежду, но ничего не вышло. Она едва успела вынуть меч, чтобы не потерять, как её отбросило далеко. Пока тело кувыркалось в воздухе, она громко орала.

Упав на землю неудачно, ведьма поглядела на руку. Та была вывихнута. Не было времени мешкать, поэтому Тара, резко одернув руку, вправила её на место, стиснув зубы.

— Твою ж мать! — выругалась чародейка.

Лоб горел от бушевавшей внутри крови. Казалось, что всё тело охватил чёртов пожар.

Гигант размахнулся саблей, прицелившись к её шее. Девушка успела вовремя пригнуться. В миллиметре над макушкой промчалось красное лезвие. Чародейка помчалась во всю прыть в обратном направлении и спрыгнула в ров с кровью.

Король двинулся за ней. Он выжидал, когда она вынырнет.

Тара заплыла под мост и скрылась от его взора. Правитель решил, что та захлебнулась. Поэтому приказал отвести Карлин обратно в темницу.

Тара проследила за тем, куда ведут сестру и дождавшись подходящего момента, минуя стражников, пробралась в башню заточения. Помимо Карлин, там находилось много других узников. Их измученные голоса разносились по мрачным коридорам. И сестра не имела никакого понятия за какой решёткой сидит Карлин. Поэтому ей приходилось оглядывать каждую тюремную камеру в её поисках, стараясь при этом не поднять тревогу.

В тени трудно было разглядеть чьи-либо лица. Тара шёпотом звала сестру. Вдруг послышались шаги. Она спряталась за выступом стены. В двери появился надсмотрщик со змеиным туловищем. В руках тот держал фонарь и освещал им комнату.

Чародейка выглянула из укрытия, чтобы проверить ушёл ли он. В самый последний момент девушка успела скрыться за углом, когда страж направил на неё свет.

Сердце так и колотилось в груди. Ведьма прислонила руку к губам, чтобы не было слышно её сбивчивого дыхания.

Пробирающий до костей ветер разгуливал по башне, продираясь сквозь щели и узкие окна. Из-за него ни черта не было слышно, лишь одно наглое завывание в ушах. Сырость и вонь неслись со всех сторон, ударяя резко по носу. Волосы на голове трепетали. Движения тела сковывала липкая, засыхающая отвратительными ошмётками кровь.

Тара решила вынырнуть из своего укрытия, так как помнила слова леди Эрлин. Чем больше они здесь проведут, тем сложнее будет вырваться из Терминаса, ибо души их станут его полноценной и безмолвной частью. Но не успела девушка выглянуть, как на неё обрушился выдвигающийся из эфеса со скоростью зайца клинок.

Надсмотрщик минутой ранее разглядел на тусклых плитах её кровавые следы. Ведьма увернулась и со всей силы ударила его локтем в грудь. Она коленом выбила оружие атакующего, но змеиное отродье вцепилось в её руку и начало выворачивать ту.

Чародейка от острой боли в локте сжала зубы с такой мощностью, что они заскрежетали. Рукоять её меча выскользнула из ладони. Страж оголил свои вогнутые внутрь клыки и собрался позвать остальных. Из его пасти несло чем-то тошнотворно кислым.

Ведьма не могла допустить того, чтобы её все обнаружили. Она врезала ему в голову своим лбом. От такого приёма у неё ненадолго потемнело в глазах. Когда хватка нападавшего ослабла, волшебница набросилась на того сзади и обхватила цепко за толстую шею.

Тяжёлый хвост надсмотрщика хлестал её по затылку. Он старался вырваться. Но Тара только крепче сжимала руки. Девушка слышала, как его хрящи начали трещать. Глаза вылезали из орбит, а капилляры в них лопались. Язык синел. Конец. Враг был повержен.

Девушка затолкала труп в тень, а сама, подобрав клинок и сняв с его пояса связку ключей, направилась исследовать тюремные камеры дальше.

По её телу пробежала дрожь от холода, и тонкие волоски ошетинились. Выражение лица приобрело серый суровый оттенок. Она кралась осторожно, как сайгак, прячась от хищников, стараясь не издавать шума.

Из-за стальных прутьев решётки к ней потянулись ладони с длинными жёлтыми ногтями. После чего появилось испещренное морщинами худое лицо старика.

— Ты ведь тоже мертва? — прохрипел незнакомец, вперив в неё опечаленный взор. — Коли так, то почему же ты стоишь там, а я здесь?

Густые светлые брови Тары съехались вместе. Она внимательно наблюдала за ним, не зная, как себя повести.

— Я ищу одну пленницу. Её зовут Карлин. У неё длинные чёрные локоны до самого пояса. Может быть, вы её видели?

Но пожилой человек будто не обращал на неё внимания. Рот его с седыми усами приоткрылся. Он разглядывал кольцо необычайной красоты и мастерской работы.

— Слышал я об оном украшении, — молвил тот, словно вёл речь с самим собой. — Так бесстрашная Гильдегарда и впрямь была когда-то. Ну и дела... С этой вещицею ты бы могла вернуть меня обратно на свет, к моей семье, — старик с тусклой надеждой вглядывался в её очертания.

У Тары в горле встал ком. Хотелось прокашляться, но нельзя было издавать громких звуков. Ей было не по себе.

— Это не то, что вы подумали, — быстро ответила ведьма и двинулась дальше.

— Если дед, то, значит, пропадай пропадом? — окликнул он её вслед. — Неужто ты, девица, думаешь, что старикам жить не хочется? Ох... Ну да будет... Вы ж когда-то и сами все здесь окажетесь. Токмо тогда и поймете, что к чему. Да уж поздно будет, — махнул он на неё рукой и скрылся в промозглой тьме.

У волшебницы камень упал с сердца, когда она убедилась, что старик её не выдаст и не позовёт охрану. Но его слова что-то в ней выжгли. И шрамы о страшной неизбежной судьбе теперь навсегда останутся поверх её белых костей.

Больше к ней из камер никто не тянулся. Доносились только монотонные и безумные мычания или невнятный шёпот. У крайней стены тупика Тара, сощурившись, заметила тёмную собаку. Та глядела в предпоследнюю узкую клетку, но было совершенно непонятно, как она могла что-то видеть, ведь в жутких изодранных глазницах зияла пустота.

Чародейка приготовилась к схватке со сторожевой особью. Та учуяла её и повернула голову. Кожа не покрывала тела животного. Виднелась лишь обугленная плоть. Но собака прекрасно передвигалась. Из пасти капали кровавые слюни. Тара оперлась на одну ногу и навела обеими руками клинок.

— Стой! — послышался возглас сестры, и её рука появилась среди прутьев предпоследней камеры. — Не трогай её. Она не причинит тебе вреда.

Тара поверила сестре и, припав к стене, обошла собаку. Но при этом не спускала с неё глаз

— Карлин, ты в порядке? — закусив нижнюю губу, ведьма подбирала нужный ключ из связки.

— Тара, не нужно было меня спасать, — нервно вертела из стороны в сторону головой сестра. — Я не хочу возвращаться. Я боюсь... Всего боюсь. Понимаешь? — она обхватила щеки волшебницы своими ледяными ладонями с прожилками бирюзовых вен.

— Что ты мелешь? — взъелась тихо Тара, наконец отворив дверь.

— Уходи без меня! Немедленно! — продолжала настаивать на своём сестра, забиваясь всё дальше в угол.

— Карлин, — попыталась говорить спокойно Тара, — ты слишком долго здесь находилась, потому твой разум немного помутнел. Давай скорее мне руку. Нельзя больше задерживаться.

— Дело вовсе не в этом. Та собака, — она показала в сторону рукой на животное, угрюмо свесившее свою морду, — наша мама.

Тара мельком бросила на неё свой взор, а потом вновь уставилась на сестру.

— Идём отсюда! — она рванула её за пальцы.

Но Карлин резко её оттолкнула.

— Тара, в следующий раз, когда я окажусь здесь, всё будет ещё хуже. В пограничье не любят магов. Люди могут попасть в иные миры и переродиться. Но посмотри, что будет с нами, — голос её дрогнул. — Приложи ладонь к голове собаки. Это правда наша мама. Ты увидишь её прошлую жизнь. Когда она погибла, её не ждал небесный мир. Её сделали четвероногим рабом. Она кидается на заключённые души и разрывает их, если те попробуют послушаться. Она лишь не трогает меня и тебя, потому что что-то в ней до сих помнит о нас.

Ведьма раздраженно задышала через нос, отчего крылья того заметно вздымались и опускались. Но девушка всё же направилась к сидевшему рядом зверю, правый глаз её начал судорожно дёргаться. Она присела на корточки и приложила ладонь.

Перед ней пронеслась вся жизнь матери. Волшебница видела двух малышей. Темненькая, в белом платице бегала по ковру и смеялась, а та, что поменьше, лежала на кровати, закутанная в пёстрое одеяло, и пускала слюни. Это были они с сестрой. Пронеслись эпизоды знаменитых битв. Она видела отца молодым, без бороды и щетины. И то, как они с матерью танцевали возле праздничного костра и дарили друг другу кулоны верности. Видела, как мама пускала свою белую лошадь рысью и колдовала на ходу, выпуская клубы сиреневых вспышек. Все моменты слились воедино...

Тара отдёргнула руку и сжала её в кулак.

— Какого чёрта за благородную жизнь магов платят такой монетой?

— Я не знаю, — отозвалась Карлин из-за её спины. — Но все волшебники здесь рабы. Возможно, такова расплата за наши силы?

Ведьма развернулась к ней. Она попыталась вдохнуть, но от злости как будто все мышцы напряглись до такой степени, что не двигались с места.

— Мы не сможем ей помочь? — девушка задала вслух вопрос, но ответ на него прекрасно знала. — Когда мы с тобой вернёмся. Богов нужно призвать к ответу за такое обращение с душами павших ведьм. Если понадобится, пойдём на них войной.

— На богов? — недоумевала Карлин, нахмутив лоб. — Это всё невозможно. Они же наши создатели.

— То, что я стою сейчас здесь с кольцом Гильдегарды, тоже невозможно. Но ведь я здесь. Идём!

Сестра не сдвинулась с места. Тара вышла из себя окончательно и зарядила той сильную оплеуху по лицу, после чего разъяренно прижала её за ворот платя к стене.

— Если бы ты знала, через что мне пришлось пройти, чтобы добраться до тебя, ты бы не стояла больше столбом, — губы ведьмы побелели от гнева. — Ты решила сдаться? Решила смириться с несправедливостью? Наши с тобой предки всегда защищали людей и даже жертвовали собой ради них. И что они за это получили в конце? Рабство. И я клянусь всем этим чертовым миром, что не оставлю это безнаказанным. Так ты дочь своих знаменитых родителей, Антония и Ревекки Уиллгармских, храбро сражавшихся в битвах и защищавших слабых? Или жалкая, ничтожная трусиха?

Волшебница выпустила её одежду из хватки и отпрянула.

— Если ты всё ещё моя сестра, за которую мне никогда не было стыдно, тогда бери второй меч надсмотрщика, что валяется позади, и продолжай сражаться вместе со мной!

Тара не стала дожидаться реакции Карлин, а направилась прочь из башни, бросив последний взгляд на свою мать, а вернее на то, в кого её превратили в Терминасе.

Ведьма вышла в наружную галерею, заросшую коричневыми пожухлыми лианами. Сбоку на стене с трещинами находились железные вставки, и ряд их формировал лестницу. Вся конструкция выглядела совсем ненадёжно, но этот вариант куда лучше, чем пробираться через парадный вход, возле которого находится трон короля и снуют его воины.

Она начала спуск. Ветер усилился до такой мощи, что казалось, будто он способен в любой момент сорвать её вниз. Как назло, ладони потели. Тара проклинала всё и всех на свете. Она не понимала, почему даже в мире мёртвых чувствует боль и физические недостатки.

Чародейка старалась не глядеть вниз, но и пейзаж вокруг не успокаивал. Красное небо давило на сознание и раздражало. От летающей вокруг тёмной массы душ звенело в ушах. Будто те что-то одновременно шептали.

Тара всё же смотрела себе под ноги, чтобы не оступиться, и мысленно считала ступеньки. Раздался треск. Железная вставка, за которую она держалась одной рукой, оторвалась от болтов и рухнула. Но девушка не успела ещё ухватиться за следующую. Руки её один раз взмахнули по воздуху. Лицо волшебницы искривилось от испуга. Она было вот-вот не сорвалась, но рука нагнувшейся к ней сестры крепко ухватила её за запястье.

— Старайся держаться одновременно за разные прутья, а то где я потом найду ещё такую же сестру, как ты, — Карлин тепло улыбнулась глазами. — Ведь кроме тебя точно никто не сможет вышить три кружки эля подряд и закусить их целым поросенком на вертеле, а потом ещё и двумя запеченными с грушей гусями. И при всём этом не лопнуть.

— Я знала, что ты сделаешь верный выбор, — Тара кивнула ей и двинулась дальше.

— Прости меня за то, что тебе пришлось здесь оказаться раньше времени.

— Карлин, тебе не за что извиняться. Поверь мне, когда мы выберемся, то я призову ублюдка Ормонда к ответу. Я дала себе клятву. И к тому же хорошо, что мы узнали о том, что творится в пограничье. Все эти бесчинства с душами магов просто ужасны. Кто-то должен ответить за то, что стало с нашей матерью. Нужно будет освободить её из рабства. Директриса мне говорила о том, что всё на самом деле решают боги и их воины-ангелы. Король Терминаса — лишь их ручная шавка.

В то время, пока сёстры убирались из этих мест подальше, безглазая собака в башне улеглась своей мордой на костлявые лапы и тихо поскуливала. На спине её чётко прослеживались рубцы от побоев, покрытые струпьями. Животное безукоризненно подчинялось страже и правителю, но его всё равно наказывали. Такова была ненависть к тем, кто являлся в прошлой жизни волшебником. Но сейчас в её голове ярко всплывали образы, которые некогда представлялись ей такими близкими. Что даже новое перевоплощение не смогло стереть детей из памяти. Её тянуло к своим дочерям. Она сильно хотела прижаться к их ногам, чтобы верно охранять и не подпускать к ним обидчиков. Бедная собака горько и громко завывала, вложив в этот вой всю свою боль. В её ограниченном теперь разуме осталась только одна цель: быть с ними рядом, покуда она сможет.

На визг прибежал один из охранников. Он замахнулся на зверя плетью с медной обшивкой, чтобы заставить ту заткнуться, но собака атаковала первой. Её клыки глубоко впились в неприкрытую доспехами шею воина. Она с такой силой таскала его по полу, что вырвала целый кусок плоти с сосудами.

Ведьмы уже успели укрыться под мостом. Они сначала аккуратно передвигали ногами, чтобы не делать заметных всплесков, после чего, набрав побольше воздуха, нырнули. Карлин что-то схватило за ногу под кровью, и ей пришлось всплыть. К её колену прицепился длинный червь с двумя рядами острых зубов. Когда девушка отсекла его тело, голова всё ещё не разжимала челюстей. Чародейка с большим трудом раздвинула их руками. Она была в платье, и казалось, что эта кровь и мерзкие твари, обитающие в ней повсюду. От таких мыслей становилось дурно, но волшебница себя пересилила и догнала сестру.

Первые метры на суше они преодолели ползком, дабы с башни их не могли увидеть. Когда впереди замелькали покосившиеся плиты кладбища, девушки побежали во всю прыть. Они не останавливались больше и не пытались говорить. Тревога, которая часто пронизывает перед самым финишем одолела их. А что, если они не смогут выбраться? А что, если что-то пойдёт не так? Такие мысли не давали ни капли спокойствия.

Из-за чёрного, скрученного и облезлого дерева на Тару набросился хранитель. Он ударил её в плечо острым клювом-пробойником от своего наджака, и та, вскрикнув,

повалилась на землю. Сознание парализовало, так как её кровь окропила его оружие. Карлин схватилась за меч и кинулась на него, но хранитель мира мёртвых поднялся на крыльях выше. Она не могла его достать. Тогда ведьма попыталась поднять сестру, чтобы нести на руках, но противник подлетел к ней со спины. Если волшебница спустит с него взгляд, то им уже никогда не удастся вернуться к жизни.

Сторожевая собака всё это время бежала за ними. Она, свирепо рыча, с разбегу оттолкнулась от одной из плит и в прыжке вцепилась пастью в крыло хранителя. Тот, не удержавшись, повалился на землю. Карлин пронзила его голову мечом и отобрала оружие, очистив в спешке о траву. Тара пришла в себя.

— Мама, — сёстры со слезами на глазах заключили собаку в объятия.

Но все хранители пограничья бессмертны. Он вновь поднялся на ноги. Однако теперь уже вместо одного рядом с ним возник второй, из его крови.

Животное принялось защищать своих детей. Тара обнажила клинок, но Карлин резко её одернула.

— Нам нужно бежать отсюда! Мы сейчас никак не сможем ей помочь!

Ведьма понимала, что им не одолеть хранителей. Она бросила злобный взгляд на созданий, избивающих мать, и повиновалась сестре.

Девушки больше не оборачивались. До их ушей доносился душераздирающий скулёж и визг несчастного создания. Хранители раскрошили собаке череп сапогами. Но затем она вновь переродится по манию жестоких богов, чтобы страдать заново.

Тара нашла в песке оставленный ею двуручник Соломона-Павла и подняла его. Она сильно удивилась, увидев неподвижно стоявшую на прежнем месте переправщицу.

— Идём в лодку, — сказала чародейка Карлин.

Сейчас ведьма поняла, почему та больше не отчаливала отсюда. Про переправщицу ходят легенды, что она всегда всё знает наперёд. Рейсы её судна самые точные.

Переправщица действительно ждала их. Но приступила к отплытию не сразу. Долгом её всё же было неизменное постоянство. Она защищала неприкосновенность мёртвых вод. И никто не имел права самодовольно рассчитывать на путешествия среди этих морей.

Переправщица склонила к Таре свою костлявую скрипучую ладонь. Волшебница осознавала, что за всё придётся платить.

— Давай, — поторопила её Карлин. — У нас мало времени. Хранители скоро нас догонят.

— Но это кольцо могло бы нам помочь в будущих сражениях. Например, когда нам предстоит освободить маму, — кусала губы Тара. — Что, если оно нам понадобится.

— Но тогда переправщица не вернёт нас в мир живых. А так она поможет нам выбраться. Без неё этих вод никто не преодолеет. Помнишь же сказку? Что по морьям Терминаса плавали самые лучшие и быстрые корабли королей, но так и не нашли берега, и их поглотила пучина.

— Да, — ответила та и сняла кольцо Гильдегарды, вложив его в руку переправщицы.

Лодка тронулась. И сквозь всплески и туманную дымку до берега донёсся тихий, но уверенный возглас Тары:

— Я освобожу тебя, мама! Обещаю...

Окрестности Торианвиля

До ведьмы доносились предсмертные вопли гномов. Воздух пропитался железным запахом крови. Она сосредоточилась на портале. Сейчас Амелия предельно точно представляла себе, какую судьбу стоит избрать. Ладонь девушки прислонилась к липкой земле. Кольцевой проход был создан. Выжившие перенеслись за удерживающий купол.

Бофур, в помятых доспехах, тяжело дыша, оглядывался по сторонам дикими от битвы глазами. Бороду покрывала кровью его соратников. Видимо, она очутилась там в тот момент, когда повелитель хаоса принялся разрывать всех на куски. Дождь не видел своего родственника, Ормонда, среди остальных ошарашенных от ужаса гномов. В головах у всех творилась настоящая суматоха. Они были готовы к смерти, но не знали, насколько это сражение выйдет чудовищным.

— Амелия! — наёмник исступленно кричал.

Глаза Конрада судорожно бегали по толпе, ища девушку. Мужчина несся вперед и наконец заметил её.

Чародейка осталась в куполе вместе с Узгулуном. Девушка глядела на друга из тьмы, подойдя к границе волшебной стены. Она подняла вверх ладонь в знак прощания.

— Что ты делаешь? Уходи отсюда! — Конрад бросился к ней, но магия его не пропускала.

За спиной волшебницы вспыхнули глаза Узгулуна. Мгла набросилась на её плечи. И наёмник лишь успел заметить, как ведьма щелкнула пальцами в воздухе, и затем всех отбросила ударная волна. Гномы и Конрад повалились на спины. Купол исчез, и тьма рассеялась, словно дым. Но Амелии и повелителя хаоса больше нигде не было видно.

Из многотысячной армии уцелела лишь жалкая горстка во главе с Бофуром. От Ормонда нашли только его ногу в сапоге и половину головы со стекающими мозгами и одним глазом. Землю усеивали куски гномьей плоти и медвежьих голов. Оставшихся в живых, но серьёзно раненых животных добивали на месте. Им уже невозможно было помочь.

Дождь подошёл к своему черному медведю. Тот лежал на боку, полуприкрыв глаза. Когда зверь заметил хозяина, он попытался подняться, но ничего не вышло. Из-под его брони торчали кишки. Зверь издал жалобный рык и влажным носом уткнулся в ладонь Бофуру.

— Ты был верным другом, Иту, — гном снял железную перчатку и погладил его по голове. — Покойся с миром, — попрощавшись, он всадил ему в висок свой кинжал.

Медведь едва успел открыть рот и выпучить глаза и тут же замер, уснув вечным сном.

Конрад сидел на коленях посреди боевого поля. Голова наёмника была угрюмо опущена вниз. Он пытался понять, что случилось. Всё говорило о том, что Амелии больше нет в живых. Но как же Узгулун? Куда она его утащила? И надолго ли?

Дождь всё ещё шёл, но уже не с прежней силой. Небольшие капли реже ударялись о кожу и окрашивались в красный. Нечто в груди наёмника оборвалось. Он вновь ощутил себя совсем одиноким, как в прошлые времена. Сердце медленно начало обрастать ледяным панцирем.

Конрад поднялся и не спеша побрёл к конюшне. Он думал о гибели Грегори и Амелии. И задавался вопросом о том, почему пали они вместо него. Единственные люди в его судьбе, с кем он чувствовал себя по-настоящему живым. Наёмник больше ни о чём не мечтал и

ничего не желал. Будто весь смысл разом пропал. Осталась лишь его оболочка, которой предстоит пройти путь в полнейшем одиночестве. Нужно вернуться в Остбон и встретиться с Тарой, чтобы обсудить дальнейшие действия. Ведь Амелия явно не могла уничтожить Узгулуна. Необходимо узнать, что всё это могло значить.

Тем временем в столице Дормана король уже давно освободился от пут и обнародовал эдикт о внесении Тары Уиллгармской и Иорика Бэбкока в проскрипцию. С той минуты они оба стали считаться вне закона, ибо дерзновенно посмели оскорбить правителя, который всегда являлся священным гарантом прав для всего народа. Никто и никогда не может безнаказанно попираť неприкосновенность Его Превосходительства. За выдачу или за убийство нарушителей назначили большую награду, а за их укрывательство — казнь.

Розгальд решил убить одним выстрелом сразу двух зайцев. Унять назревающий против него бунт и отомстить наглецам. Он выступил на площади перед дорманцами и объяснил им, что великий артефакт украла ведьма. И что именно она подвергает сейчас жизни людей опасности. Подданные закипели от ярости. Только теперь она была обращена не на короля, а на ведьму и её друга Бэбкока. Розгальд смог вернуть доверие жителей и мирно обезопасить правление.

Гнев страдающего народа был спущен с цепи. На ком-то нужно вынести недовольство. Тара и Иорик стали великолепной мишенью. Личная стража Его Высочества, обедневшие рыцари, простые крестьяне, корыстные бюргеры и разбойники: почти все представители слоёв ломанулись ради крупного вознаграждения разыскивать лиц, находящихся у короля не в фаворе.

Первым делом обследовали Транкевальский лес, но там не удалось никого обнаружить. Лишь возле той самой ели, где Розгальд скрыл кольцо, нашли вырытую руками ямку и на примятой траве небольшие пятна свернувшейся давно крови. Но на этом весь след и оборвался.

А ночью за городом орудовали отъявленные головорезы в надежде получить лёгкую добычу. В двухэтажном доме свечи были уже потушены. Четыре кривых тени проявились на двери при свете луны. Её тихо вскрыли умелыми пальцами. И те осторожно пробрались в тёплую прихожую. Неподалёку, на уютном коврикe открыл глазки пушистый пятнистый щенок. Тот был совсем мал. Вся жизнь для милого создания представлялась забавной игрой. Пушистик еще не ведал никакого зла. Он весело засеменял по полу своими короткими лапками, виляя скрюченным в форме каральки хвостиком. Щенок чуть ли не пританцовывал в предвкушении, слегка подпрыгивая передними конечностями. В довольном детском взгляде через окно отражались далёкие яркие звёзды. Он игриво открыл рот с коротенькими острыми зубами и ласково тьякнул, чтобы люди его погладили.

— Тварь! — вырвалось у одного из мужчин, и он своим рваным сапогом со всей силы пнул по маленькому пушистому тельцу.

Щенок далеко отлетел, ударившись о стену, но от испуга он успел один раз громко взвять и разбудить кухарку Терезу, спавшую на первом этаже в крайней комнате. Пушистик умер не сразу. Он долго задыхался, плотая свою кровь из проткнутых лёгких. Крошечное животное лежало на боку, и в его взгляде читалось непонимание вперемешку с болью. Бедолага не представлял, за что с ним так обошлись. Чем он так разозлил людей? Он ведь просто хотел порезвиться и чтобы ему почесали пузо.

— Пушистик, ты опять с дивана упал? Зачем, проказник, на него взобрался? — Тереза зажгла переносной светильник на китовом жире и, шаркая тапками по полу, отправилась на

звук.

Несчастное животное услышало добрый родной голос и в последний раз вильнуло хвостиком. Некогда розовый язык щенка больше не трепетал при дыхании.

Тереза увидела в темноте сальный поношенный камзол и, застыв на месте, подняла масляную лампу повыше. Перед ней вырисовалось с жуткими шрамами лицо. Позади грабителя она заметила ещё троих. Вскрикнув, кухарка ринулась бежать к задней двери через кухню, которая выводила в большой сад и огороды. Но преступники были куда ловчее неповоротливой женщины. Один из них на ходу ударил кулаком ей в челюсть. Та повалилась на пол. Сердце её выпрыгивало от ужаса из груди. Она приложила к горячей щеке свою морщинистую ладонь и всхлипнула.

— Забирайте всё, что есть в моей спальне и убирайтесь! — дрожащим голосом заявила Тереза. — Всё остальное принадлежит моим хозяйкам. Если они узнают о вашем вероломном вторжении, то не пощадят вас. Они очень сильные ведьмы из ковена.

— Так значит, ты одна в доме? — плотоядно улыбнулся тощий и полубеззубый разбойник.

У кухарки кровь застыла в жилах от этой улыбки.

Зажигайте свечи! — самодовольно приказал своей шайке коротковолосый белокурый главарь в коричневом жилете. — Здесь всё равно никто ничего не увидит и не услышит, коли баба одна. Вытрясем из неё, где скрывается эта Тара со своим дружкой, и за одно приберём к рукам всё добро, что тут есть. За работу, черти!

Терезу схватили под руки и потащили в гостиную. Её толкнули в кресло. Двое грабителей сваливали в мешки серебряную посуду и обследовали шкафы и полки. А главарь и ещё один приступили к допросу.

Женщина съежилась. Руки и плечи её дрожали, но она глядела на них прямо, не опустив головы.

— Жаль, что ты толстая и старая, так бы мы с тобой порезвились, — сплюнул коренастый мужчина со шрамами, вынимая нож.

Брови Терезы съехались вместе после таких слов.

— Славный Дахман покарает вас за ваши грехи! Правду говорят: чем меньше у тварей разума, тем больше в них злобы.

Преступник воткнул ей в руку лезвие. На лимонное покрытие кресла хлынула алая кровь. Но кухарка не просила пощады. Она не сдвинулась с места.

— Где твоя хозяйка Тара? — спокойным голосом спросил голубоглазый главарь. — Если не скажешь правду, то мой приятель отрежет твои груди. Должна же ты, в конце концов, старуха толстозадая, повеселить столь достойных мужей.

— Я никого из моих хозяек уже давно не видела. В последний раз они были здесь, когда отправлялись выполнять поручения короля. Пусть будет проклят этот вурдалак! До меня из замка дошли слухи, что Карлин тяжело чем-то больна. А Тара... Она пыталась просить у правителя помощи, но с того момента, как он стал вампиром, от него уже ничего не осталось. Видимо, у моей леди не было иного выбора, вот она и поступила с ним так. Я сама искала своих хозяек. Жутко за них волновалась, — Тереза приложила свободную ладонь к сердцу. Грудь прожигала острая боль. Ей становилось дурно. — Но в ковене мне никто не дал ответа. Так что мне ничего неизвестно, кроме того, что благородную Тару ищут такие головорезы, как вы, — женщина тяжело задышала. У неё случился приступ.

— Чёртова корова! — выругался главарь. — Решила помереть раньше времени!

Переверните здесь всё вверх дном! И уходим.

Тучное тело Терезы сползло бы полностью на пол, если бы не нож, приковавший одну из её рук к подлокотнику. Разбойник со шрамами вынул его, чтобы не забыть. У кухарки остановилось сердце. И тот, разозлившись, что так и не удалось поиздеваться над ней, со всей силы наступил на её лицо. Что-то под подошвой хрустнуло. Когда он ушёл помогать своим дружкам грабить дом, то можно было прекрасно разглядеть, как при свете свечей у погибшей Терезы над бледной кожей торчит кровавая носовая кость.

Утром во дворце супруга Розгальда пришла в себя. Её тело больше не лихорадило. Но глаза глубоко осели в глазницах. Всего лишь за пару дней она сильно похудела. Все очень волновались за её дитя. Лекарь и придворные дамы не отходили ни на шаг.

— Слава богам! — вскинула к небу ладони фрейлина Оливия. — Вам уже лучше, миледи, — радостно прошептала она.

Тисса отбросила с себя одеяло и захотела подняться. Но дамы набросились на неё, словно кудахтающие куры на зерно.

— Королева, вам ещё рано вставать на ноги! — залепетали все они в один голос. — Вы ещё не так достаточно окрепли. Сейчас мы принесем вам в постель самый вкусный завтрак, — женщины нежно гладили её руки и целовали край ночной сорочки.

— Его Высочество... — Тисса сначала вяло, затем резко отталкивала их от себя. — Что с королём? Почему он до сих пор не навестил меня? — в её оленьем взгляде с пышными ресницами мелькали недоумение и страх.

Наступила тишина. Все боялись сказать ей правду. Королева встала на ноги.

— Милорд ранен? — она яростно глядела на поникшие перед её коленями головы. Теряя терпение, Тисса крепко вонзила свои пальцы в подбородок одной из служанок. — Отвечай! — голос её рубил душевный покой, будто клинок боевого меча.

Юная девушка в сером шерстяном платье и чепчике подняла к ней лицо.

— Ваше Сиятельство, король не ранен. Он в здравии. Только...

— Что? — одна бровь Тиссы поползла вверх.

— Король больше не человек. Он вампир. Его обратил кто-то из союзников во время битвы.

— Мой супруг сейчас во дворце?

— Да, миледи.

Королева задумалась. Она была безумно рада, что муж вернулся живым. Но совершенно не понимала, как сейчас себя с ним вести. Все эти несколько дней Тисса металась в бреду по постели. В голове роились постоянные переживания о Розгальде. Но теперь она узнала, что он находился рядом и ни разу к ней не вошёл. Конечно, жена правителя догадывалась о терзаниях супруга. И ей хотелось одного: увидеть его.

Миледи приказала наполнить ей ванную и смыть с её тела зловонный пот. Служанки намыливали её душистыми отварами цветов. Расчесывали её прекрасные, но спутанные за эти дни волосы. Надели на королеву шелковое пышное платье с подъюбником. И нарумянили бледные щеки. Голову увенчали переливающимся обручем из насыщенного фиолетового агата. Он идеально сочетался с пепельными локонами и с глазами кофейного оттенка. Фиолетовый всегда был ей к лицу, так как придавал внешности величавость. Тисса посмотрелась в большое зеркало, положила руку на ещё не такой явный живот:

— Ну что, малыш, — прошептала она вслух, — пойдём, узнаем, как там твой отец? И почему он не навестил нас с тобой?

Миледи направилась к двери. За ней тут же засемили фрейлины с веерами.

— Не нужно меня сопровождать. Ничего со мной не случится! Это дворец или проходной двор? Я хочу поговорить с Его Высочеством наедине! — она метнула на них предупреждающий взгляд.

Дамы присели и поклонились перед её уходом. Что было делать... Никто не имел права послушаться жену короля, поэтому пришлось остаться на своих местах и упустить такую желанную возможность: подслушать новую информацию для будущих сплетен.

Королева быстрым шагом передвигалась по глянцевоу полу из синего халцедона. Её сафьяновые изысканные туфли с перлами отважно и гордо цокали. Пажи и прочая дворцовая челядь приветствовали свою госпожу.

— Арнульф! — она подозвала к себе слугу. — Почему портьеры задернуты? Мы что, в склепе?

— А... Я... Что? — от неожиданности тот чуть не забыл слова.

— Тсс, — миледи его перебила. — Молчать! Устроили здесь балаган! Такой холод стоит! Откройте окна! Затопите камин! И чистоту я сама лично проверю! Прикажу с тебя шкуру живьём спустить, если всё не будет, как прежде. Стоило мне только приболеть, как все перестали исполнять свои обязанности! Прихлебатели тут одни собрались, — она ласково улыбнулась.

Арнульф чуть было не пустил от умиления слезу. Если супруга короля по-доброму бранится, значит всё в замке будет хорошо. Все придворные чувствовали себя прискорбно, когда ей нездоровилось, а король стал затворником-вампиром. Но звонкий голос королевы вселял надежду на вновь спокойную и мирную жизнь.

Народ обожал супругу короля. Она всегда была благосклонна, хоть и порой сварлива. Но каждый прекрасно знал, что добрее неё не сыскать ни одного святого или ангела. Тисса могла строго отчитать слуг, но в то же время осыпать их серебром. Если кто-то тяжело болел, с кем-то случалось несчастье, она всегда сочувствовала и помогала, чем могла. Многие дивились её характеру. С королём на людях она всегда вела себя смиренно и тише воды, и ниже травы. Но стоило ей только остаться одной, как в миледи просыпалась задорная и болтливая женщина. Однако никто не сомневался в том, что она любила правителя, ведь так оно и было. Родная мать и то не так переживала за него, как его жена. Стоило Розгальду заболеть, так она не спала ночами и не отходила от его постели. Готова сама броситься вместо него в любое пекло, только бы не терять супруга. Тисса была истинной женщиной: при короле и на людях представала нежной и робкой, дабы так подобает, а в одиночестве являла властную, мужественную личность.

И сейчас она жаждала столкнуться с новым Розгальдом. Ей не терпелось узнать, сильно ли его переменяло обращение в вампира. Миледи готова облегчить любые страдания мужа, если сможет. Но королева также жутко боялась того, что её может ожидать в покоях Его Высочества. Тисса шла в самый настоящий бой. В бой за семейное счастье... Она настроилась вырвать его хоть из рук самих богов, если это понадобится.

Через открытые окна пробивался солнечный свет, и в его широких лучах было видно, как завихряются в искривлённых спиралях пылинки. Покои короля охраняли наёмные стражники. Тиссу они весьма удивили. Так как на них была непривычная форма. Вместо серебряных оттенков на латах и гербов на плащах, тела их покрывала чёрная броня без единого узора. На плечах покоились такого же цвета плащи до самого пола, в то время как прежние доходили лишь до колен. И шлем закрывал практически всё лицо, оставляя только глаза, хотя стража во дворце испокон веков носила головные уборы, прикрывающие нос и лоб, а не всю нижнюю часть. От макушки тех спускались тёмные длинные хвосты. Миледи направилась к двери, ожидая, что её сразу же отворят. Но стражники преградили путь мечами.

— Что вы себе позволяете? — Тисса высокомерно и медленно лила на них свою речь, словно густой мед из бочонка. — Перед вами стоит сама королева Дормана. Дочь достопочтенного великого герцога из Норффорда Его Светлости Теобальда Ланкйормунгского. И, несмотря на вашу явную неосведомленность, граничащую с невежеством, вы всё же наверняка знаете историю, связанную с прозвищем моего отца. Любому младенцу от южных и до северных земель известна битва у залива Ланкйормунг, — она сделала длительную паузу и заметила, как воины многозначительно переглянулись друг с другом. — А ещё, уважаемые подданные моего супруга, прошу вас заметить, что в наших краях жёны имеют все законные основания для того, чтобы видеть своих мужей, когда они только этого пожелают. И помешать им в этом может только одна смерть, — она самодовольно улыбнулась, театрально расправив несуществующие складки на своём платье. — Любой брак в Дормане неприкосновенен для других забот. И если уж вы решили встать на моём пути, даже пусть и по приказу самого короля, вы в любом случае будете мертвы уже через пять минут, — Тисса пронзила их хладнокровным и в то же время равнодушным взглядом, который с точностью говорил им, что для неё действительно не составит никакого труда отдать приказ для убийства.

Охрана убрала оружие в ножны и расступилась. Мужчины одновременно раскрыли двери перед королевой.

Тисса вошла в тёмную спальню. С высокого дубового кресла из угла на неё смотрели жёлтые глаза. Розгальд встал и направился молча к жене. Миледи больше не ощущала в себе никакой уверенности. Она не смела поднять головы. Холодность, с какой её встретил муж, ввергла в ступор.

— Я же приказал им никого сюда не впускать, — тихо изрёк правитель, обращаясь к самому себе.

Розгальд резко развернулся и направился к выходу. Тисса догадалась, какой ужас он может совершить. Женщина непроизвольно вцепилась в его кисть. Супруг злобно уставился на неё.

— Не делай этого. Твоя стража не виновата в том, что я прошла. Ты ведь прекрасно знаешь законы и обычаи нашей страны. Я имела полное право сюда явиться. А твои слуги... Кто они такие, чтобы идти против закона? Ты сам, как король, предстаешь рабом перед сводом правил. Если бы они меня не пропустили, я бы приказала их убить. Хочешь кого-то наказать? Но карать некого. Прощу... — королева подняла голову вверх. — Поговори со

мною, Розгальд.

— Они ослушались меня и должны умереть, — Его Величество отпрянул от жены.

— Розгальд, если ты их казнишь, то тень падает на твоё правление. Народ этого не поймёт. К чему сеять раздор, когда в мире и так беспокойно?

Супруг сдвинул брови, задумавшись над её словами.

— Присаживайся, — он указал ей рукой на диван. — Ты права, Тисса.

Королева подошла к портьерам и раскрыла их. После того, как в комнате стало светлее, она уселась.

— Как ты, любовь моя?

— Зря ты впустила свет. Он мне больше не мил, — угрюмо ответил муж и направился к креслу, в котором находился до этого.

— Расскажи мне всё, что случилось, — робко попросила Тисса. Взгляд её поник от несчастного вида милорда.

— Думаю: все подробности тебе прекрасно смогут передать слуги. От меня ты можешь услышать только то, что я уже совсем не тот, кем был раньше, — он отчаянно заглянул ей в глаза в надежде, будто она сможет понять его состояние. Но в ту же секунду догадался, что это невозможно. Почувствовать терзания новообращенного вампира способны только другие вампиры. — Как твоё здоровье? Я узнал, что у тебя было плохое состояние. Ты не поднималась с постели несколько дней. И хочу, чтобы ты знала, Тисса: я никак не мог тебя навестить. Прости... Можно ли требовать любви от того, кто уже мёртв внутри? Я боялся, что наврежу тебе. Моя постоянная жажда крови не даёт мне здраво мыслить.

— Я рада, что ты спросил о моём самочувствии. Всё в порядке, Розгальд. Это случилось оттого, что я сильно переживала за тебя, когда ты отправлялся на сражение в Килн. Если бы ты только знал, как я хочу прижаться к тебе и расцеловать твои губы! — из её глаз хлынули искренние слезы. — Но ведь мне лучше этого сейчас не делать? Так?

— Да, — холодно отрезал правитель. — Не стоит ко мне приближаться. Это слишком опасно для тебя и наследника.

— Я понимаю, — она кивнула. — Но ведь когда-нибудь жажда поутихнет? Я слышала истории об этом. И слава богам, в нашем королевстве хватает диких и домашних зверей. Крови достаточно.

Розгальд не сразу ответил. Он старался больше на неё не глядеть.

— Мне пора заняться делами. По договору я обещал союзникам предоставить лесных животных. Нужно подписать бумаги и приказать, чтобы началась погрузка на корабли. И к тому же чертовы наёмники и ведьмы не смогли исполнить свой долг. Мало того, что одна из них покусилась на меня и выкрала артефакт, так из Торианвиля только что доставили по голубиной почте информацию о том, что Узгулун заполучил осколок звезды. Он силён, как никогда. Его пытались остановить гномы из земель Западного Уэксарвана и этот наёмник Конрад вместе с Амелией из ковена. Ведьма погибла, а повелитель хаоса куда-то исчез. Но нужно быть начеку. Наступило затишье перед бурей. Пора разобраться с эльфами и узнать, будут ли те готовы к битве в любую секунду или прижмут хвосты, как обычно. Если не объединятся все народы и расы, мы станем слишком лёгкой добычей. И при всём этом я чувствую себя чудовищно. Словно меня контролирует моя плоть, а не душа.

— Любимый, — Тисса поднялась, чтобы направиться к выходу, — у тебя всё получится. Ты справишься. Нет чел... — она осеклась, но быстро исправилась. — Кроме тебя нет никого более достойного для трона Дормана. Помнишь, когда ты приехал в замок моего

отца, чтобы увидеть меня впервые? Мы отправились вместе с тобой и с родителями на конную прогулку по лесу. И там я показала тебе кустарник с герба Норффорда — бирючину. Она красиво цветёт, и у её цветков сладкий дурманящий аромат. Это растение прекрасно, как и земли, которыми управлял мой отец, а ныне мой дядя. Но оно коварно для тех, кто не почитает и не знает его. Таков характер у моих предков. Чёрные ягоды бирючины очень ядовиты. Но, Розгальд, опасны они лишь тогда, когда их съешь. А их можно и не вкушать... Тогда никакой беды не будет. Всё зависит от знаний и от силы воли. Я не верю в судьбу. Каждый сам строит свою жизнь так, как считает это нужным. И за ошибки всем придётся расплачиваться соразмерно той мере, в которой они были совершены. И я знаю, что ты не из тех, кто прогибается под трудностями. И ты никогда не будешь говорить о том, что нельзя было поступить по-другому, — королева сама открыла двери. Стук от её каблуков еще долго доносился до ушей Розгальда с другой стороны дворца.

После этого правителю принесли кувшин свежей, ещё тёплой крови барана, заколотого для ужина. И тот, опустошив четыре кубка подряд, направился на собрание со своими советниками в тронном зале. Но по дороге он приказал одному из слуг немедля добраться до главных ворот замка и передать главе гарнизона: не впускать наёмника по имени Конрад. Королю хотелось, чтобы его гнали прочь. Он не собирался платить ему за задание, которое провалилось.

Однако Конрад, вернувшись в столицу, и сам не собирался наведываться во дворец. Так как он первым делом приступил к поискам Тары и узнал, что та находится вместе с Иориком в опале. Наёмник посетил загородный дом ведьм и ужаснулся увиденным. Мужчина из собственного кошелька оплатил погребение бедной кухарки Терезы. Труп щенка он сам закопал на заднем дворе. Также Конрад нанял за свой счёт работников, чтобы те заколотили пустой дом его подруг. Он понимал, что нет смысла обращаться к кому-то из властей и искать справедливости, ведь это ни к чему не приведёт. Терезу бы просто обвинили в укрывательстве преступницы Тары, и на этом бы судебное дело закрыли, даже не начав его заводить. Увы... Блюстители закона на стороне того, кто у власти. Никто бы из них не посмел защищать невинных жертв, которые находились в дружбе с ведьмой и поэтом.

Конрад помчался за ответами в имение, где увиделся с директрисой. На ней не было лица, когда женщина впустила его в свой кабинет.

— Леди Эрлин, — наёмник склонил голову, — здравствуйте. Мне бы хотелось услышать хоть какие-то объяснения по поводу моих подруг.

— Проходи, Конрад, — она тепло его приняла, попросив принести им еду прямо наверх. — О твоём коне позаботятся в нашей конюшне. А ещё тех двоих лошадей, что с тобой, можешь тоже оставить у нас, если хочешь.

— Спасибо, — сказал наёмник, усевшись на стул возле громоздкого стола.

Директриса поведала мужчине всё, что знала сама. Наёмник же поделился в ответ, тем что ему довелось узреть.

— Я благодарна тебе от своего имени и от имени моих учениц, что ты сам распорядился похоронами. Я хочу тоже внести свои средства. Давай я тебе дам монеты...

Но не успела она договорить, как Конрад поднял резко руку в знак протеста. И женщина поняла, что он не возьмет с неё денег ни под каким предлогом. Тогда леди Эрлин продолжила:

— То, что ты сейчас мне рассказал про кухарку Терезу и про тот погром в жилище девочек, это просто ужасно. Как же всё жестоко! — она не смогла усидеть на месте и

поднялась, начав ходить из стороны в сторону. — Конрад, — она бросила на него печальный взгляд, — я хочу покинуть Остбон. Просто взять и уехать отсюда вместе с моими учениками. Построить школу в другом месте. Вдали от Дормана. Тяжело оставаться там, где чинят беззаконие. Тара знала, на что она шла. И я тоже... Но я думала, что король просто наложит на неё штраф или максимум, если поймают, то посадит в темницу. Никто не представлял из нас, что он может внести её в проскрипцию. Из-за его действий сотни негодяев и отъявленных подлецов ринулись чинить отвратительные вещи в погоне за вознаграждением. И кровь Терезы на его руках. Я думаю, что когда он узнаёт о произошедшем, то всё поймёт... Но уже поздно. Ничего это не даст. Вряд ли он пожалеет о случившемся. Однако маги никому не нужны в чужих краях. Нас ведь всегда презирали. И только предки Розгальда осознали пользу от сотрудничества с ведьмами. Покойный брат короля и сам нынешний правитель оказывали нам защиту. Ковен уважают и ценят в Дормане, покуда мы нужны Его Величеству. Я и мои люди не сможем начать всё с чистого листа в ином месте. Уже никогда и ничего не будет, как прежде, — она развернулась к мужчине и заметила, что тот ничего не ест. У него абсолютно не было аппетита, что не удивительно. Когда душу терзает слишком ужасная боль, все заботы бренной плоти отходят на последнее место. — Конрад, я слишком рискую собой и остальными, но по-другому не могу, ибо у меня есть сердце. В наших жилах течёт кровь, которая говорит нам, что мы должны покарать обидчиков друзей наших, — она гордо подняла голову, сцепив руки на спине. — Потому я сейчас же попрошу тех, кому я хорошо доверяю: найти убийц Терезы. Это была невинная женщина с доброй душой. И если закон сейчас бездействует, то нам придётся взять всё в свои руки.

— Я могу чем-то помочь?

— Нет. Тебе нужно отдохнуть после всего того, через что пришлось пройти из-за проклятого Узгулуна. Не переживай... Мои люди с помощью магии смогут найти разбойников, и уж поверь мне, их ждёт мучительная смерть, — глаза её сверкнули стальным блеском.

— Осмелюсь предположить, что в молодости характером вы сильно походили на Тару, — заметил наёмник.

— Для молодости отчаянная отвага всегда впору, — она слегка улыбнулась.

— Если её и Бэбкока не нашли в лесу, — мужчина вздохнул. — Значит ли это то, что у неё получилось вернуть Карлин?

— Возможно. И коли это так, то произошло самое настоящее чудо. Однако Йорик просто мог спрятать её тело, а сам скрыться. Но... — леди Эрлин уселась на своё кресло. — Что если ты прав? Тара вернула Карлин. А девушки хоть и бесшабашные, но интуиция у них лучше, чем у многих из нас. Они явно где-то скрываются. Но я не имею об этом никакого понятия. Было бы мне известно, то я бы тебе-то уж точно сообщила об этом, Конрад. Воины короля приходили в наше имение. Они всё здесь перевернули вверх дном. Но мы уже успели прибраться. Допрашивали меня и остальных преподавателей. Розгальд решил, что мы можем её укрывать. Зря он так недооценивает девочек. Тара и Карлин ни за что бы не подвергли своим появлением нас опасности. Как и не появились бы в собственном доме.

— Но в таком случае, что мне делать?

— Как-то мой дед говорил: "Желанная встреча случится, коли заяц применит вовремя остановиться." Я думаю, они найдут способ, чтобы связаться с тобой. Им гибкости ума не занимать.

— А что с Амелией? И с повелителем хаоса?

— Перед смертью... — у женщины от волнения пересохло в горле. Она налила себе немного вина и сделала пару глотков. — Мы, маги... Перед тем, как умереть, можем использовать максимальные возможности всех своих сил. Но такое могут делать не все, а только те, кто изучал переход использованной энергии из тёмной материи в материю активную, то есть материю настоящего времени. Грубо говоря, Амелия возродила в одном моменте все свои некогда созданные заклинания, начиная с самого первого. Такому уже мало кто обучается, так как это слишком сложно, и многие считают это бесполезным, ибо зачем использовать колдовство перед самой своей кончиной.

— Она могла выжить? — Конрад поднялся, и директриса услышала, как голос его дрогнул.

Леди Эрлин закусила нижнюю губу, раздумывая.

— Ты сказал, что осколок звезды у Узгулуна. И у него также имеются некоторые артефакты. Никто не знает конкретно, сколько их всего, но по нашим не таким уж трудным подсчётам можно ответить, что точно два у него есть. Выходит: никакая ведьма в одиночку его не уничтожит. Это невозможно. Скорее всего, Амелия применила всю свою мощь и перенеслась вместе с ним в другое измерение. И там... — она опустила голову и налила себе ещё вина. — Он её там убьёт. Никаких шансов у неё быть не может, — директриса опустошила небольшой серебряный кубок за один глоток. — И вскоре повелитель хаоса найдёт лазейку, чтобы возвратиться обратно. Вопрос лишь состоит в том, когда это случится. Сколько же у нас у всех времени? — леди Эрлин глубоко вздохнула, оперевшись ладонями о свои колени.

Конрад увидел, как женщина задумалась, и не стал её больше отвлекать. Он тихо вышел и пошёл за своим конём.

Наёмник не знал, куда ему себя девать. Он въехал на окраину города и оставил жеребца на ночь у конюха при таверне, отдав тому почти последние гроши. Конрад мог продать скакунов своих мёртвых друзей и выручить за них хорошую сумму, но сейчас ему было не до этого.

Мужчина завалился внутрь харчевни. Тамлюдно, но тихо. Шлюхи, как прежде, громко не смеялись, сидя на коленях у раскрасневшихся служак в отгуле. Лица у всех были угрюмые. Оно и ясно. Кому же было до веселья нынче, когда вокруг столько мужей, не вернувшихся живыми. За какими-то столами обсуждали повелителя хаоса и то, как гномы сражались с ним. Быстро слухи добираются. Заметив Конрада, на него стали бросать любопытные взоры. Каждому хотелось с ним лично поговорить, так как он тоже участвовал в той битве. Но по виду наёмника сразу было件нятно, что он явился сюда не лясы точить. Не нашлось храбрецов, которые бы отважились к нему подойти. Конрад слышал, как о нём шептались. До ушей доносились неясные фразы о том, что король не желает его больше видеть, но наёмника это несколько не волновало. Он не собирался вести с правителем больше никаких дел, когда узнал об его указе относительно подруги. "Пусть подавится своим золотом! — думал он про Розгальда. — Мне уже всё равно."

Наёмник уселся в дальнем углу и забил трубку остатками табака. Заказал себе самого дешёвого горького пива из одного ячменя.

— Ну и пошло! Свиной только потчевать, — сказал он вслух, отпив из большой кружки.

Но ни на что другое монет не хватало. Поэтому он продолжал пить то, что есть. Голова шла кругом от глубоких затяжек дымом. Но так ему было лучше... Он не хотел больше ни о чем думать. Мысли уже истерзали напрочь всю душу.

Тем временем на пустующих руинах крепости Килн множились смертельные толпы грызунов. Зверьки доедали рассыпанные повсюду съедобные припасы. А их кровью лакомились ненасытные блохи. Обездоленные и отчаянные люди растаскивали также всё, что можно было прибрать к рукам. И блохи набрасывались и на них. Ни для кого из жителей блохи не были удивительными. Этим созданиям легко добраться до оголенной и тонкой кожи в поисках свежей крови. Народ привык постоянно чесаться от их укусов в своих сырых лачугах. Заражённые блохи не могли остановиться. Они испытывали самую настоящую дикую жажду, как король Дормана. Ибо зобы их забивали чумные комки из бактерий, и пища не пробивалась в маленькие желудки. Отчего насекомые зверели и изнывали от голода. Твари в отчаянном приступе впивались в человеческую плоть в надежде хоть что-то проглотить. Но ничего не выходило... Блохи лишь срыгивали кровь вместе с чумными бактериями в раны своих жертв. Это стало началом новых бед.

Восточный Манкольм являлся эпицентром заражения. В близлежащих деревнях возле крепости увеличивалось число крестьян, которых одолевала ломота во всём теле. Мужчины и женщины метались в своих грубых постелях, впадая то в жар, то в озноб. Их простыни покрывались липким потом. На теле выступали багровые бубоны. Те вскрывались, и кожа облачалась в уродливые струпья. А кто-то и вовсе подвергался одышке и тяжёлому кашлю с мокротой. После чего бедолаг ждало предсмертное кровохарканье. Блохи же неслись огромной ордой из жилища в жилище. Но и сами люди переносили заразу, извергая её из своих лёгких на ближних. Однако народ не ведал истинной причины и сути столь ужасной болезни.

Доктора надевали страшные маски на лица, дабы отпугнуть неугомонную смерть. Они устилали благовонными и знакомыми им лечебными травами все отверстия и пространства головных уборов. И всё же сами умудрялись подхватить чуму. Так как блохи рано или поздно добирались и до них. Никто не подозревал столь незаметных и привычных всем насекомых.

Знатные дамы и лорды не особо боялись за свои жизни в самом начале, думая, что бедняки и прочие выходцы из низших слоёв гибнут из-за своих грехов и пороков. Они считали, что каждый оборванец — отступник богов. Что те заслужили кары. Им казалось: крестьяне виноваты только одни во всём. Ведь все болезни от нищеты и грязного образа жизни. Как же богачи ошибались... Именитый и великий род не делал святым и не спасал от гибели.

В городах зажиточные торговцы, дворяне и бароны тоже свалились с ног. Несчастные доктора, надевая на себя длинные плотные плащи и вытянутые маски, напоминающие чем-то и крокодильи головы или клювы птиц, так как всё зависело от того, как и у кого получится их сделать из подручных средств, бегали денно и ночью по домам больных. Они назначали им отвары, то поднимающие температуру тела, то, наоборот, понижающие. Пускали заражённым кровь, уповая, что вытечет загрязнённая хворью жидкость. Лекари вскрывали сами бубоны и прижигали их. А лучше всё не становилось.

И без того уменьшившееся в своём количестве из-за постоянных битв население и вовсе стремилось к исчезновению. У большинства женщин мужья, братья и отцы не вернулись со сражений. Им приходилось самим вести хозяйство и заниматься мужским трудом. Если некоторое время назад старики могли сидеть дома с малыми детьми, коих в каждой семье

было полно, то сейчас все умирали от рук чумы.

Королю Дормана необходимо было собирать армию на случай неожиданного возвращения Узгулуна. Но созывать её было не из кого. Эльфы тем временем никого не пускали на свои земли ни под каким предлогом. Прочие народы и расы также охраняли границы, чтобы не распространять заразу.

Вассалы, теряя работников, не могли больше выплачивать сеньорам налоги. Долги росли вместе с ценами на продукцию. Практически некому было трудиться в мастерских и в полях. Запасы зерна не успевали заготавливать. Оно просто-напросто гнило.

Люди боялись затаившегося за углом голода. Пока Смерть занималась любимым делом в поте лица. И пока подруга её Чума ловила всех подряд своими покрытыми язвами руками. Коварный Голод в предвкушении прятался за кулисами, чтобы затем ворваться на сцену и показать тем двоим, на что способен он. Уж кто, как не он, умел раскрывать в живых самые худшие стороны. Голод умел манипулировать почище каждого. Одного его выразительного взгляда хватало, дабы люди валялись перед ним на колени толпами. Он настоящий мастер своего дела. Роль его всегда исполняется так, что каждый зритель теряет голову от переполняющих чувств. Человек больше не различает добра и зла. Он трясущимися руками тянет в свой рот всё, что найдёт. Пусть то гнилые коренья, протухшее мясо убитых зверей или серые крысы. Его Величество Голод может вынудить любого рыть голыми руками могилы соплеменников и набрасываться на их трупы.

Не осталось на земле беззаботных жуиров, что являлись рыцарями веселья и носили знамя, на котором изображалось вино и арфа. Удовольствие могли найти только самые богатые в своих погребках, однако не наслаждались им воистину, ибо и тех одолевал страх.

Так как на Барнаре было три времени года. А именно... Цветник длился четыре месяца и являлся самым благоприятным для посевов и сбора урожаев, также для того, чтобы пасти скот. В этот период солнце дарило тепло жителям, и каждый куст в округе цвел и благоухал. После него следовала фурия, которая занимала собой тоже четыре месяца. И это были самые переменчивые дни в году. Тепло могло резко смениться холодом. В период фурии вы могли выйти утром и увидеть зелень всюду, а уже вечером землю устилал слой снега. Но на следующее утро опять всё менялось. В такое время года народ тоже мог собирать урожай, потому что на Барнаре есть множество культур, приспособившихся к здешним условиям погоды. Нигде во Вселенной вы больше не встретите такое явление, чтобы вялая и замёрзшая трава быстро пускала новые стебли. Такое возможно только в её отдалённом крае, как этот. Планета не двигалась по равномерной орбите. В одном из участков она сильно искривлена, и Барнар бросало по ней в период фурии, как мячик по зигзагообразной линии, да ещё и на повышенной скорости. Обуславливало это явление само внутреннее строение солнца на окраине Вселенной, что представляло собой гигантскую неровную звезду. Ядро этой звезды с одной стороны имело огромные скопления магнетического вещества. Но распределено оно хаотично. И Барнару каждый год приходится проделывать безумный путь, следуя условиям солнца. После фурии шёл никс. Никс также включал в себя четыре месяца, как и остальные времена года. Это был этап суровых дней и больших снегов. Кто не успевал выделывать себе тёплые шкуры и запастись углем и дровами, тот был обречён на смерть.

И сейчас фурия почти подходила к концу. Её нападки в образе то жары, то холода текли к тому, чтобы распахнуть ворота перед ожидающей за порогом зимой. Обычно за месяц до никса жители только приступали собирать новые плоды цветника и фурии. Но мрущие как мухи, госпиты не успели обработать свои большие виноградники и запастись нужными

объемами пищи с плантаций.

На безлюдных полях пропадала пшеница, кукуруза, ячмень и рожь. Некому было их собирать и молотить. Из чего же печь хлеб? А как же жить без вина и эля?

Людям повезло лишь в одном, если можно так сказать: они успели за цветник заготовить сено для скотины. Но это говорило только о том, что животным хватит его на одну зиму. А как же следующая? Как всё будет обстоять дальше?

Те, кто жил в сёлах и деревнях близ рек и озёр, уповали на рыбу, чтобы суметь прокормить свои поредевшие семьи. Бюргеры же, не имевшие богатых запасов и нищие, находились в положении более плохом. Розгальд понимал, что голодным из запасов он сможет раздать хлеб и зерно, которое уже мало кто мог себе позволить. Но он не хотел рисковать, потому что не знал, как сложатся дела в период следующего цветника. И потому из запасов выдавали жалкие и скудные порции. Выжившие и ещё не заразившиеся жители дрались прямо на площади за кусок хлеба. Тот, кто был сильнее, тот и смог насытить желудок. Также горожане ловили грызунов, чтобы съесть, и в результате заболело ещё больше народа.

Сеньоры же кормились дичью из своих лесов, но они уже догадывались, к чему всё идет. Когда выпадут снега, животные сами будут искать пропитания. И если раньше их подкармливали люди, то сейчас это сделать невозможно. А это означает одно — надолго мяса не хватит. Истребив почти всё зверье за зиму, на следующий год придётся ждать большей беды. Розгальд пожалел о том, что уже отправил вурдалакам обещанную по договору плату, так как на него точили зуб советники. Но если бы он не сдержал своего слова, то вампиры пошли бы на дорманцев войной, и не только из-за несоблюдения чести, но и из-за элементарного голода.

Графы, лорды и прочие зажиточные землевладельцы засели в страхе в своих замках. И отдали приказы подчиненным, чтобы те строго охраняли территорию и никому другому не позволяли охотиться на их землях. Голодные и обездоленные всё равно под страхом смерти убивали оленей и кабанов в лесах богачей. Грабежи и жестокие нападения на путников участились до такой степени, что они сносили, словно огромной волной, весь душевный покой и надежду на безопасность.

Начали предпринимать ужасные меры, не дожидаясь никаких указов из столицы. Местные сеньоры заставляли служивших им рыцарей отстреливать каждого жителя, кто только рискнёт покинуть своё селение. Трупы сжигали сразу же. И народу либо приходилось умирать с голода и чумы в домах, либо пытаться всё же делать рискованные вылазки и искать пропитание. Браконьерство было повсюду. Крестьяне ставили ловушки на белок, зайцев и лисиц. Но некоторые из них тоже несли в себе возбудителя и заражали людей.

А непосредственный Конрад в это время слушал токмо своё сердце, как и всегда. Он пребывал в полном отчаянии. Продал собственного коня. Часть с вырученных денег наёмник отдал двум семьям из Остбона. С одной из них он познакомился, когда валялся в канаве пьяный вусмерть. Делать ему было нечего. Мир вокруг катился к чертям. Он лишь ждал Тару и Карлин в надежде, увидеть подруг живыми. Поэтому до сих пор оставался в столице. Когда он напился, чтобы скоротать время и забыться, к нему подошла худая пожилая женщина в рваном шерстяном платке.

— Вставай, чего же ты лежишь на земле в такой собачий холод, — сказала она ему, дотронувшись до его плеча.

Мужчина очень удивился столь доброму вниманию. Ведь в такие времена все боялись

подходить друг к другу, словно каждый нёс смерть. Конрад поднялся, едва раскрыв глаза. Он уставился на неё.

— Коли тебе спать негде, и если ты не болен заразой, так можешь пожить у нас со стариком. Сами мы с ним живём, как крысы в маленькой съёмной каморке. Хед велел с пониманием и любовью относиться к ближним своим. Так что в тесноте, да не в обиде. Из еды у нас только гороховая каша. Ну и то вперёд, — изрекла сгорбившаяся старушка со впалыми щеками.

— Я думал, что в Дормане очень популярен из богов именно Дахман, — почесал кружившуюся с похмелья голову Конрад.

— Каждому богу своё время, сынок, как и каждому поступку своя слава. Дахман мудрости учит. А сдалась ли нам эта мудрость, когда жить-то осталось может всего ничего. Оглянись вокруг... — она медленно обвела улицу рукой. — Посмотри на испуганные и загнанные лица жителей. Все обходят друг друга стороной. Никто никому больше не помогает. Разве так можно? Лучше уж жить в мире и любви и помереть как достойный человек. Нежели жить в мудрости да тщеславии. Может оно и умно, обходить стороной незнакомцев, чтобы болезнь не подцепить. Так ведь это уже звериные, а не людские повадки.

— А вы добро совершаете, потому что так бог велел, чтобы на небеса потом попасть? Или всё же по иной причине?

— Может, я сейчас скажу мысль, за которую меня могут и на костре сжечь, если узнают люди короля. Но... Многие думают, что боги где-то далеко, а они на самом деле внутри нас. Хед у меня в сердце, под рёбрами. Я и есть сама Хед. Всё, что я делаю по жизни, я делаю это в соответствии с истинами божьими, которые сама же и породила в своей голове. Каждый сам выбирает, во что верить. Всё зависит от того, кто какую жизнь хочет прожить: славную или презренную. Я выбрала славную и наград за дела свои не жду. Иду путём своим, потому что верю в него.

Наёмнику понравился её ответ. Ему стало интересно, правду ли она ему говорила. Или старуха, как все... Приведёт его сейчас в свою лачугу, а там на него набросятся разбойники со спины и по голове тюк. Отберут монеты. Конрад пошёл за ней. Та действительно жила вдвоём со своим мужем в съёмной каморке, похожей больше на подвал. Темнота и сырость царили там. Холод пробирал до дрожи. Старик её был калекой без ног. Лишился он их ещё в молодости, при битве с варварами, защищая земли Дормана. Он был простым ратником. Жалованье ему платилось маленькое. Чтобы прокормить себя и свою жену, он вырезал всякие поделки из дерева, которые сейчас и в помине никому не нужны. Супруга его за гроши прядет шерсть и вяжет носки на продажу. Но какие же нынче покупатели? Поэтому ей каждый день приходится ходить в храм, расположенный на другом конце города, чтобы получить горсть гороха на них двоих по милости служителей божьих. Когда Конрад понял, что женщина оказалась честной с ним, это его очень тронуло. Бедные люди собирались поделиться с незнакомцем своей и без того скудной пищей. Наёмник молча оставил на их столе пригоршню золотых монет и ушёл. Старик со старухой расплакались от такой щедрости. С того дня оба они молились за него, дабы удача была на его стороне. Тех денег, что он им дал, хватило бы надолго. Они могли выкупить за них ценные мешки с мукой и зерном, а также пару кур и многое другое.

Конрад бесцельно блуждал по переулкам из одного питейного дешёвого заведения в другое и замечал, как цены летят вверх. Видел, как люди с бубонами прямо перед ним

падали замертво. Лекари в масках и перчатках бросали их на телеги и сжигали прямо у стен Остбона. В глазах у каждого человека был ужас, ибо казалось, что он сам следующий. Наемнику тоже было не по себе от чудовищной эпидемии. От такой смерти ему умирать точно не хотелось. Лучше пасть в бою с мечом в руках, нежели харкать кровью и после долгих страданий испустить дух.

Но наёмник, как и все остальные, не мог помочь никому из зараженных. В храмах приносили сначала в жертву животных на алтаре, но как подступал голод, вместо зверей просто подносили плетёные венки из священных деревьев.

В колдовской школе прекратили вести занятия. Кабинеты и все помещения освободили для больных и обездоленных. Леди Эрлин и остальные преподаватели сами пришли к такому решению. Они заботились о нуждающихся за свои личные средства. Даже колдунья Харпага выбралась из уединения и присоединилась к ковену в помощь. Но магия только ненадолго сдерживала развитие болезни. Волшебники тоже заражались и умирали. Заклинания не работали против сил природы, как они обычно к этому привыкли. Единственное, что у них получалось, так это утоление боли.

Всё их колдовство не спасало лишь по одной причине: чтобы что-то излечить, надо знать причину недуга. Но в те времена никто не ведал, в чем она заключается. Ведьмы легко уничтожали бубоны на коже и пытались исцелить и лёгкие. Однако это не имело уже никакого значения. Чума успевала поглотить всё тело.

Небольшой городок Ходвиг неподалёку от Остбона

Птицы смолкли в саду, и яркая луна неспешно плыла по небу, окидывая флегматичным взглядом земли под её ногами. В одном из домов не спалось виконтессе по имени Агнес. Природа одарила её пылким сердцем и нежной красотой. Белоснежную кожу тела с упругими, как сладкие груши, грудями прикрывала лишь ночная сорочка из персикового атласа. На угловатые плечи ниспадали пышные пшеничного цвета кудри. Её кошачьи зелёные глаза с длинными ресницами сводили с ума всю округу. Кто бы в прежние хорошие времена не приходил к ним на бал, каждый восхищался её грацией и внешностью. Пожилые бароны, князья и даже графы злобно завидовали её мужу — виконту. Никто не понимал, почему ему досталась такая богиня, а не им. Так как её супруг, Хью Девирвел, обладал глупыми чертами лица. Чем больше он старался напустить на себя важности, тем хуже выглядел. Он был старше Агнес на тридцать пять лет. Относился к ней холодно, но с уважением. Девушка умирала от скуки, сидя в их большом доме наедине с ним. Хью ничем не интересовался, кроме соколиной охоты и игры в шахматы. Но даже когда он занимался любимыми занятиями, то на его лице никогда не сияла улыбка.

Родители Агнес погибли, когда ей было три года, и потому малышку воспитывала тётка, которая её потом-то и выдала замуж за Хью, когда та повзрослела. Выбора у Агнес особо никакого не было: либо выйти за удачно подвернувшегося виконта, либо жить в нищете. Родители девушки не имели крупного состояния, хотя и принадлежали к знатному роду. Но в те времена постоянных переворотов и войн многие семьи разорялись. А обратно наверх всплыть удавалось только счастливым.

Агнес не хватало страсти и любви в этом браке. Если раньше она могла хотя бы ездить в гости к друзьям и разгуливать в свое удовольствие, то сейчас, во время чумы и разбоев, своих домов никто не покидал. Единственным лучом света для молодой женщины был её любовник Джон, темнобровый и мускулистый конюх, служивший у её мужа. Они полюбили друг друга с тех пор, как Джон начал заниматься с ней верховой ездой. И сейчас он ждал её в лабиринте из живых изгородей на заднем дворе. Любовник не видел Агнес уже несколько дней и обещал, что проберется через постовую охрану под покровом ночи.

Виконтесса боялась, что их могут заметить, но в то же время тайные встречи сладостно волновали душу. Ей повезло, что Хью спал от неё отдельно. Так как он допоздна засиживался в библиотеке за книгами и за курением трубки. Поэтому оборудовал спальню в одном из кабинетов, чтобы не тревожить и не будить жену поздно ночью, когда готовился отойти ко сну.

Агнес не знала, что ей надеть. Время уже подходило. Джон наверняка ждал на месте. Все платья без помощи служанки невозможно застегнуть. Поэтому девушка набросила на себя только один широкий шоколадный плащ и нацепила кружевные сапоги на каблуках. На улице этой ночью стояла очень теплая погода, и вчерашний снег весь растаял. А трава вновь замахала зелёными стеблями, и в кустах лабиринта раскрылись жёлтые ночные цветки.

Виконтесса спустилась с балкона второго этажа по узкой винтовой лестнице, куда выходили её покои. И рысью помчалась к окованным по краям железом дубовым воротам сада. Её нежные белые руки с трудом смогли отодвинуть тяжеловесный засов. Розовые губы непроизвольно расплылись в улыбке от предвкушения встречи.

Девушка вдыхала свежий цветочный аромат и, держась за зеленую изгородь лабиринта, шла знакомым ей путём. Где-то хрустнула ветка. Она замерла.

— Джон, это ты? — прошептала, насторожившись, Агнес. Зрачки её расширились.

Резко перед ней появилась тень. Виконтесса вскрикнула, отпрянув назад.

— Тише, — мужчина приблизился. — Это же я, Агнес.

— Ты напугал меня, Джон, — она прильнула к его груди, крепко обняв любовника за талию. — Как тебе удалось проскочить через забор и охрану?

— Боюсь, что твой муж тратит деньги на ветер. Эти увальни спят на посту.

— А как же собаки? — она подняла на него свой точеный подбородок.

— Агнес, милая, — он убрал её локоны за ухо, — эти собаки знают меня хорошо. За столько-то лет работы на конюшне. Кое-как удалось отвязаться от них. Они чуть не зализали меня до смерти, — но тут шутливая маска спала с его лица. — Правда, сегодня утром Хью уволил меня.

— Как? Я ничего об этом не знала. Я поговорю с ним. Ты ведь прекрасно объезжаешь лошадей. Никто не умеет о них так заботиться, как ты. Я объясню ему, что лучшего работника ему не найти. Это безумие...

— Агнес, — мужчина нежно сжал руками её плечи, — не стоит об этом с ним говорить. Иначе он подумает о неладном. Стала бы виконтесса переживать о каком-то там конюхе?

— Но, Джон, мой супруг глуп, как младенец. Он разбирается только в финансах и в охоте. В жизни же он полный слепец.

— Тут я с тобой не поспорю, — рассмеялся любовник. — Но разговор ничем не поможет. Сейчас многие теряют работу, потому что все попросту хотят сохранить свои расходы прежними.

— Ох, при следующей встрече я дам тебе денег, Джон. А то как ты будешь теперь жить? И ведь мы совсем редко будем видеться, — глаза ее поникли.

— Агнес, неужто я когда-то брал от тебя деньги? — он погладил девушку по спине. — И не думай, что возьму их и сейчас. Не дело это мужчине зависеть от женщины. Не переживай, слышишь? Я найду новую работу. Наймусь к кому-нибудь ещё. Мы всё также будем видеться.

— Джон, кого ты пытаешься обмануть? — глаза виконтессы печально сверкнули в ночи. В них застыли слезы. — Я ведь прекрасно знаю, что творится вокруг. Словно врата самой преисподней распахнулись в наш мир. Никто сейчас не наймёт тебя. Землевладельцам бы свои семьи прокормить в такие времена. Ох... — она разрыдалась на его плече, замочив любовнику серую рубаху.

— Прекрати, Агнес, сейчас же, — мужчина припал своими разгоряченными губами к её щеке. — Неужто ты так в меня не веришь? Всё будет хорошо. Ничто и никто нас никогда не разлучит.

Джон страстно целовал её ключицы и руки, словно путник, отправляющийся в пустыню, старался наперёд напиться живительной влагой из Вселенского колодца любви. Ни один королевский кравчий не насытил бы так его пищей, необходимой для жизни, как это могла сделать Агнес, даровав ему свою преданность. Ведь что это за жизнь без любви? Каково это — просыпаться и знать, что если ты погибнешь, то никто не прольёт по тебе горьких слез. Бывший конюх прекрасно это понимал. Он вырос без семьи и с самых юных лет подрабатывал, где только можно, чтобы не умереть с голода. Джон уже свыкся с трудностями и лишениями. Потому мог туго подвязать пояса и отправиться в долгие поиски чего-то лучшего. Но мужчина не представлял, как можно жить без Агнес и без её искренних

чувств относительно его. До встречи с виконтессой у Джона водились разные девушки, но любви не было. Всё это являлось пустым и однодневным. И служило для удовлетворения природной потребности. Но рядом с Агнес он стал видеть мир интересным. С ней всегда было о чем поговорить. И каждое его пробуждение по утрам стало наполнено радостью, ибо он вспоминал её чудесные глаза. Какое же наслаждение одолевало его в те минуты, когда конюх осознавал, что эти самые глаза влюблённо смотрят лишь на него одного. Рабочие будни всегда проходят легко, коли ты знаешь, что вечером тебя ждёт такая девушка. Джон вряд ли когда-нибудь обеспечил бы ей комфортную жизнь. И он это хорошо понимал, потому ни разу не думал о том, чтобы предложить Агнес покинуть Хью.

Вначале их знакомства его терзала жуткая ревность к нему, пока девушка не призналась, что они уже давно не ложатся с мужем в одну постель.

Джон ласкал руками её нежные бёдра и ягодицы, задрал сорочку.

— О боги! А если кто-то из охраны мужа проснётся и нас заметят? — тихо произнесла возле его уха виконтесса.

— Постараемся громко не шуметь, — он широко улыбнулся, сняв рубаху через голову.

— Джон, я серьёзно, — ради приличия она отстранилась от него, подняв брови высоко вверх.

— И я тоже.

Агнес глядела на его обнажённый торс. Загорелая кожа в лунном свете так и манила ее к себе, словно кофейно-ореховый торт. Девушка почувствовала, как щеки вспыхнули от пошлых мыслей, а по ногам пробежала дрожь. Она медленно направилась к нему и растегнула все пуговицы на его зелёных брюках, сужающихся высоко у талии. В этом образе он напоминал виконтессе праздничный подарок. Обертку поскорее хотелось снять, чтобы добраться до желаемого.

Джон затаил дыхание от радости. Всё его тело охватил жар от возбуждения. Он боялся спугнуть этот волшебный момент и не шевелился. Агнес сорвала с него брюки и дотронулась до его члена пальцами. Она поцеловала любовника в губы, и конюх ощутил на них будоражащий запах кедровых орехов. Казалось, что сама лесная фея явилась к нему, принеся с собой самые чудесные ароматы природы.

Вынув язык из его рта, девушка припала им к лобку Джона. Мужчина закусил нижнюю губу и закрыл глаза. Он ощущал влагу и тепло от её языка и как тот медленно, но уверенно движется ниже. Член входил в сладкий рот Агнес. Конюх поднял веки и увидел её завораживающий взгляд. Она, никуда не торопясь, обсасывала его мужское достоинство и, очаровывая воображение того, глядела ему прямо в лицо.

Джон схватил её, подняв с колен, и прислонил грудями к стене лабиринта. Девушка ухватилась руками за ветви. Конюх обвил шею виконтессы рукой и с нетерпением вошёл внутрь. Глаза Агнес закатились. Любовник напористыми движениями и без остановки ублажал её горящее лоно. Им нельзя было издавать громких звуков. Потому девушка лишь открыла рот. И из него вырывалось только разгоряченное дыхание, точно как клубы порохового дыма во время жаркого сражения, выходят через люнеты крепостей.

Джон снял с неё плащ и бросил тот на траву, повалив поверх виконтессу. Он прижал её руки к земле и принялся лизать тёплые соски на больших грудях. Вскоре язык его добрался до пупка Агнес. Он щекотал кожу, отчего ноги её то и дело сгибались в коленях. Любовник запустил руку во влажное чрево девушки. Пальцы его ласкали её нежную плоть.

Виконтесса глубоко дышала, лежа на спине. Джон приблизился ещё ближе, погрузив

свой член вместо руки. Конюх оперся на локти. Тела их слиплись воедино. Его волосатые мускулистые ноги были напряжены, словно струны на скрипке у менестреля, когда он своими толчками будоражил лоно возлюбленной.

Агнес вцепилась пальцами в ткань плаща и закрыла глаза, когда Джон ускорился. Она была счастлива. Девушка забыла обо всех опасностях и заботах, думая и мечтая о том, как бы сбежать вместе с Джоном куда-нибудь подальше, чтобы больше никогда с ним не разлучаться. Ради мгновений, проведённых с ним, виконтесса готова согласиться на бедность. И плевать, что её навсегда изгонят из почтенного общества. "Лучше быть любимой, чем сидеть в золотой клетке и общаться со скучными и высокомерными особами, — пронеслись мысли в её голове."

Конюх замер, и что-то тёплое брызнуло на губы и щеку Агнес.

— Джон, ну не на лицо же... — голос её оборвался.

Кожу покрыла гримаса ужаса, когда та открыла глаза. Это было не семя любовника, а его тёмно-красная кровь. Она лилась из перерезанного горла Джона. За волосы конюха держал стоявший позади убийца в капюшоне.

Агнес дико завопила в надежде, что кто-то из охраны прибежит на помощь. Но виконтесса не знала, что они все уже были мертвы, как и сторожевые псы. Она резко перевернулась и вскочила на четвереньки, чтобы затем ринуться прочь. Ноги несли его с безумной скоростью по извивающимся дорожкам лабиринта. Всю дорогу она кричала с такой силой, что голос в мгновение охрип. Агнес быстро оглянулась, чтобы посмотреть, как далеко ей удалось оторваться. Но какой же у неё был шок, когда она вновь взглянула вперёд и увидела перед собой убийцу. Не успела виконтесса вновь позвать на помощь, как руки в кожаных перчатках свернули её тонкую шею.

Но всё же внутри дома многие слуги и сам хозяин проснулись от воплей. Хью зажёт свечу и спустился в коридор первого этажа в белой пижаме и ночном колпаке.

— Что это было? — спросил он у своего камергера.

— Не знаю, сэр, — тот развёл руки. — Но я что-то не увидел никого из охраны на башнях.

Девирвел нахмурился, почесав подбородок.

— И как же всё понимать? — одну руку он закинул за спину, как обычно делал такое движение при деловом разговоре. — Нынче опасные времена, Мартин. Грабители не дремлют, в отличие от честного народа. Их проделки стали куда опаснее, чем прежде. Буди остальных! Пусть вооружаются тем, что под рукой. Ножам, кочергами, молотками. А ты принеси из моего кабинета шпаги. Одну возьмешь ты, а вторую я.

Камергер отправился исполнять указания. Виконт вглядывался в окна. Каждое движение ветвей деревьев ему казалось жуткой тенью вора. Он помотал головой, чтобы рассеять свои иллюзии. Когда Мартин вернулся с холодным оружием, наверху уже был слышен недовольный шёпот разбуженных слуг.

— А в доме все двери и окна заперты? — первым делом поинтересовался у того Хью. Его лысую проплешину озарила луна, подглядывающая через стекло.

— Конечно, сэр, — с важным видом ответил камергер.

В тот момент со второго этажа послышались такие вопли поварих и прачек, что мужчины испуганно переглянулись, но сразу же направились на шум. Не успели эти двое подняться, как к ним навстречу выскочила горничная Лизетта. Казалось, что глаза девушки вот-вот выпадут из орбит. Её ночной чепец и лицо были полностью залиты кровью. Она

мчалась с такой силой, что чуть не сбила хозяина с ног. Ему едва удалось её удержать.

— Лизетта! — он схватил её крепко за плечи. — Объясни, что ты увидела?

Девушка потеряла всякий дар речи. Она только трясущейся рукой указывала в направлении лестницы. И мужчины сами столкнулись с убийцей лицом к лицу. Тот, не торопясь, спускался по осиновым ступеням. Лица не было видно из-за свисающего капюшона.

— Стойте на месте! — направил на незнакомца шпагу пожилой Мартин. — Вас отправят на казнь за ваши злодеяния!

Но преступник не остановился. Внутреннее нутро подсказывало Лизетте, что ждать хорошего исхода не стоит. Два старика со шпагами против ловкого убийцы с кинжалами. Горничная ринулась к главному выходу и судорожными руками открыла замки. Хью тоже насторожила чудовищная самоуверенность и наглость незнакомца, что тот, несмотря на свою неповоротливость и годы, последовал примеру Лизетты.

Мартин, заметивший краем глаза, что хозяин его бросил и ретировался, также начал отступать, но было уже поздно...

Хью же с девушкой успели спрятаться в одном из амбаров. Тело горничной тряслось от страха, и она прикусила свою ладонь зубами, чтобы не разрыдаться. Мужчина лежал рядом в сене и молча молился. Оба они прислушивались к каждому шороху всю ночь напролёт. Никто из них не решился выбраться из укрытия до того самого момента, пока не запели петухи.

Только к рассвету перепуганный мозг Девирвела напомнил ему о том, что у того есть жена, которую он оставил в доме. Попросту бросил Агнес на произвол судьбы. Где это видано, чтобы в минуту опасности мужчина бросал законную супругу одну? Хью чертыхнулся, поняв, что Лизетта всем разболтает о его трусости. Он, скрипя зубами, поднялся на ноги и, ухватившись за шпагу, направился во двор. Девушка кралась позади него. Кожа её была бледнее снега, а красные глаза после бессонной ночи резко перескакивали с одного предмета на другой.

Они обнаружили всех работников исполосованными лезвием убийцы. Зрелище было под стать хмурой слякоти. Ледяной дождь разошёлся, едва сошёл туман. Рот хозяина широко открылся, когда он обнаружил обнажённое тело жены, а чуть вдали лабиринта и голого Джона. У горничной от такой картины уже чесался язык. Это сколько же всего интересного теперь можно будет рассказать соседским слугам.

— Чего стоишь? — рявкнул вышедший впервые за всю жизнь из себя Девирвел. — Принеси халат виконтессе и прикрой ее! А потом сбегай за городским судьёй.

Он хотел было попросить горничную никому не раскрывать подробностей об измене жены, но понял, что задумка окажется бесплодной. Лизетта будет сплетничать, даже если ей хорошо заплатить. Так что в голове Хью уже смирился с позором и мысленно подумал о том, как продаст дом и переберется подальше. Конечно, границы все строго охраняются. Даже из одного города слишком трудно попасть в другой. Но у него есть средства и связи, так что всё это не составит проблем.

Остбон

Конрад не мог собраться с мыслями. Он бесцельно блуждал по улицам, вглядываясь в лица прохожих. Наёмник представлял всю свою жизнь в образе сухой кружки из-под пива. Если кружку изначально не обдать водой, перед тем как наливать в неё пиво, то пузырьки сего напитка будут цепляться за шероховатости тары. В таком случае пиво сильно вспенится и убежит. Так и его судьба суха и покрыта трещинами, и всё добро улетучивается из неё.

С хмурого неба сыпался дождь, а затем крупный град. Начинало холодать. Мужчина непроизвольно сомкнул руки в кулаки, так как пальцы озябли. Оборванцы и попрошайки скрылись под крышами, укутавшись в тощие плащи. Один только Конрад продолжал идти, не замечая стеклянных горошин, устилающих собой всё вокруг. Они громко гремели, ударяясь о настилы домов. Если вытянуть руку вперёд, то ладонь при такой видимости было не увидеть.

Веки после бессонной ночи, проведённой за выпивкой, то и дело клонило книзу. Наёмник об что-то запнулся и чуть не упал. Он нагнувшись, пригляделся и понял, что это был труп. Шею умершего бедолаги покрывали плотные бубоны и струпья. Конрад отшатнулся назад.

— Одна только смерть кругом, — угрюмо произнёс он вслух.

Наёмника едва не затоптали люди короля, выпрыгнувшие из-за угла на своих вороных конях. Они на большой скорости промчались мимо.

— Вот же псы позорные! На всех им наплевать, — сплюнул тот, глядя им вслед. — Если так торопятся, значит, случилось что-то серьёзное, — вдруг нахмурился он. — Ну и черт их всех побрал! Мне-то теперь какое до этого всего дело.

Конрад решил свернуть на торговую улицу, где обычно запрещено ездить в седле из-за большого числа пешеходов. Но сейчас там было не так много народа, как в прежние времена. За лавками из-под деревянных козырьков выглядывали злобные лица владельцев всяческих лавок. Им приходилось почти за бесценок продавать товары, чтобы хоть что-то заработать. Наёмник двигался среди широких столбов, закинув руки за спину. И тут брови его быстро взмыли вверх. Он заметил, как мясник кричал на маленькую воровку. Девчушка с тёмно-каштановыми растрепанными косами упорно не хотела доставать тушку курицы из-под своего замызганного платья, из грубого коленкора. Кожа её вся чумазая, но всё-таки были чётко различимы удлинённые черты лица, что говорило о том, что она не здешняя.

— Положи на место, преступница! — мясник замахнулся на неё хлыстом. — Я сейчас тебе покажу, как брать чужое!

Но Конрад успел предотвратить удар, крепко вцепившись в руку торговца. Взгляд наёмника казался уставшим и безразличным, однако всё также убедительно действовал на людей.

— Чего тебе нужно? Ты ведь больше не служишь у короля! — тот опустил хлыст, а вторая рука его продолжала держать девчонку за волосы.

— Я ему никогда не служил. Я просто исполнял временное задание за плату, — огрызнулся Конрад. — Но какое это всё имеет значение сейчас? Разве можно бить детей?

— Ты хоть знаешь, сколько стоит нынче курица! Эта мерзавка, — он резко её рванул на себя, — украдала целую тушку. Я имею полное право проучить её.

— Бить ребёнка — это не права взрослых. Бить ребёнка — это глупость и слабость! —

Конрад достал из мешочка свои монеты и швырнул тому в лицо.

— Что ты себе позволяешь! — взревел яростно мужчина, едва успев увернуться от увесистых кусочков золота.

— Я оплатил краденое. Так что отпусти её, если, конечно, ты не хочешь испытать на своей противной морде силу моего удара.

— И это мне говорит некогда славный наёмник, который продал боевого коня и стал последним пропойцей, — скалил зубы мясник. — Нашёл, кого пугать! Да я пожалуюсь властям! Тебя мигом вздёрут на виселице, как и всякого любого подонка!

Конрад громко рассмеялся. Люди, снующие рядом, оборачивались на этот звук, напоминая им спокойные времена. Многие из них думали, что им всё это кажется от недоедания, ибо как же можно смеяться, когда всюду чума и смерть.

— Ты не учёл одного: воин может продать своего коня и даже душу дьяволу, но он никогда не лишится меча, — с этими словами он вынул из ножен сияющий и наточенный клинок в хорошем состоянии.

При виде такого оружия торговец застыл на месте и мигом отпустил девчущку. Та испуганно глядела на них двоих и ринулась прочь, как только почувствовала свободу. Но Конрад, успевший заметить в такой холод её жалкое тряпье и синеющие от мороза ноги, решил догнать воришку и дать ей денег на тёплые вещи. Он рванул за ней, но, увидев, на какую улицу та бросилась, свернул в переулок, чтобы срезать.

У наёмника поднялось настроение от такой пробежки. Мужчина прекрасно осознавал, что уже засиделся. Ещё немного такого безделья и он просто-напросто рехнется. В голове уже начали проноситься мысли о том, чтобы перестать ждать подруг, а отправиться в странствие, берясь за любую работу в пути. Ноги его лихо перепрыгивали через клетки и ящики. Несколько раз он чуть было не поскользнулся на льду. Град перестал сыпать, и выглянувшее солнце его немного растопило, отчего тот слипся в одну гладкую массу.

И вот он заметил её за углом. Руки его молниеносно ухватили ребёнка за плечи. Та от неожиданности вскрикнула и выронила свою добычу. Конрад подобрал курицу и отдал вновь ей.

— Стой! Я не собираюсь причинять тебе никакого зла...

Но не успел он сказать, что хотел, как девчущка со всей силы зарядила ему ногой в пах. Конрад согнулся пополам. Воришка опять ускользнула.

— А она молодец, — улыбнулся наемник, когда смог встать.

Он обнаружил её снова только на главной улице и схватил за руку.

— Я тебе ничего в центре города же не сделаю. Просто дай скажу кое-что.

— А я с незнакомцами не общаюсь. Мама говорит, что вы все плохие и продаете детей на корабли в качестве рабов, — её чёрные острые брови грозно съехались.

Наемник не знал, что на это ответить. Ему почему-то хотелось смеяться. Слово скывающий его разум сон бессмысленности улетучился.

— Что ж, — он почесал рукой щеку с сильно отросшей щетиной по краям. — Твоя мама умная женщина. Людей в целом стоит остерегаться.

— Ну, ещё бы! — глаза её опасно сощурились.

Девчущка вгрызлась своими острыми зубами в его ладонь, словно волк, прыгнувший в атаку. Конрад заорал от боли. Он лишь видел, как рваные сандалии засверкали на её пятках.

В этот раз мужчина выбрал вариант простой слежки. Гораздо легче разузнать, где та

живёт, чтобы оставить монеты, нежели зря её ловить на улицах. Когда он увидел, куда ребёнок вошёл, то немного удивился.

Она исчезла в воротах храма. Наемник пробрался внутрь, обходя толпы нищих, пришедших за порциями еды. По дороге ему попался служитель богов в коричневой рясе и в тонкой шапочке, прикрывающей уши.

— Отец Ателард, здравствуйте!

— Конрад? — изумился пожилой собеседник. — Сколько я уже тебя знаю с тех пор, как наши пути пересекались во времена моего паломничества. Но я впервые вижу, чтобы ты посетил святую обитель.

— Это так. Никогда без нужды не входил в храмы, разве только наведывался в их библиотеки.

— Неужто ты совсем не веришь в богов? — сплющил губы служитель.

— Я верю только в свой меч, отец Ателард. И меня такая жизнь вполне устраивает.

— А как же мир после смерти?

— Я не знаю, что будет после смерти. Я там ещё не бывал, — помотал головой Конрад. — Так что нет смысла беспокоиться о том, чего не знаешь наверняка.

— Какую же ересь ты несёшь! И слышать больше не хочу, — проворчал недовольно мужчина. — В таком случае, что тебе нужно в храме? У нас здесь нет библиотеки.

— Я ищу одну девочку. Она ростом мне по пояс. На голове у неё тёмные волосы, заплетённые в косы. И, судя по внешности, та не является дорманкой.

— Её зовут Бригида. Малышка пришла сюда вместе с её больной матерью. И чую, что той осталось совсем недолго. Сестры из святого ордена заботятся о ней, как только могут.

— А что с ней? Чума?

— Нет. Мы с бубонами никого не принимаем. Это запрещено. Таких людей нужно изолировать, чтобы не распространять заразу. Мать тяжело больна чем-то другим. В ней одна кожа да кости. И её одолевают постоянные головные боли. Она вовсе не спит ночами.

— Странно. Я думал, что ворота храма открыты для всех одинаково в сложные времена. Даже в имени директрисы устроили госпиталь.

Святой отец сделал вид, что не заметил такого наглого замечания.

— Откуда они? — поинтересовался Конрад.

— Из восточных земель, что за горой Нориган.

— Это же дикий край. В нём до сих пор полно варваров.

— Вот именно, — сцепил руки вместе служитель божий. — Мать Бригиды была женой одного из них. Но жизнь её являлась, как я понял, несладкой. Муж — варвар. Что с него взять? Избивал и издевался над ней. А когда он принялся за дочь, та не выдержала и сбежала.

— И они проделали такой большой путь вдвоём? Без охраны, провожатых и мужчин?

Ателард молча кивнул.

— Это сколько же надо иметь храбрости, — изрёк вслух наемник. — Ведь в таком путешествии полно опасностей на каждом шагу. А что может сделать одна слабая женщина и ребенок против них?

— Страх способен прибавлять выносливости. Они бежали от жестокого человека и от его людей. Чему же тут удивляться?

— Тут я согласен, — вздохнул Конрад.

— А зачем ты ищешь её?

— Мне нужно ей кое-что передать.

Наемник понял по лицу служителя, что любопытство того не сражено.

— Так где она? — продолжил он.

— По коридору направо. Там пристройка для незаразных больных. За синими занавесками, в самом углу находятся их кровати.

Конрад кивнул и направился в указанном направлении. Однако ему не пришлось добираться до конца, чтобы увидеть Бригиду. Девчушка шла с ковшом воды со стороны двери, ведущей к уличному колодцу. Она сама натолкнулась на него, так как глядела под ноги, чтобы не расплескать содержимое. Глаза её выпучились, как у совы, когда та заметила своего неугомонного преследователя.

— Из тебя, Бригида, вышел бы ловкий наёмник, вернее, наемница, — пошутил он. — Таких быстроногих и резво атакующих людей я ещё не встречал. Кстати, вы с матерью находитесь на попечении храма, но ты воруешь. Разве не знаешь, что это грешно? Если отец Алетард узнал бы об этом, он бы выставил вас на улицу. Уж так принципиальны служители божьи.

— Моя мама очень больна, — хмуро ответила воришка. — В храме кормят не так уж и сытно. Нынче везде голод. Я стащила ту курицу, чтобы сварить маме куриный суп. Ей нужны силы. Думаю, что боги бы меня простили за такое. Да и к тому же я не вашей веры. Так что мне в любом случае всё равно. Мой народ преклоняется лишь перед своим правителем. И то, пока тот способен сражаться. Как только главу одолевает немощность, его убивают.

— Интересно, — задумался наёмник. — Почему святой отец впустил вас в храм, если вы другой веры. Это так непохоже на него.

— Потому что я скорчила самую жалостливую гримасу, какую только возможно. В тот момент, когда мы оказались у этих самых стен, моя мать уже не могла идти сама. У неё каждый день кружится голова. Стоит ей немного постоять, как она тут же падает, и из носа льётся кровь.

— Выходит, что в Ателарде есть зачатки искренней доброты и сопереживания. Кто бы мне сказал раньше, не поверил бы, — он опустил голову вниз и достал монеты. — Держи, Бригида, — мужчина протянул руку. — Во мне тоже есть немного сочувствия. На улице с каждым днём будет становиться всё холоднее. Этих денег вам с матерью хватит, чтобы приобрести тёплые вещи из шкур. Возьми себе хорошие медвежьи сапоги. Если ты так и дальше будешь бегать в сандалиях своих, то сама заболеешь и свалишься с ног. А тогда кто будет помогать твоей маме?

Девчушка не сразу взяла золото. Ей всё это не нравилось, но в то же время она прекрасно понимала, что он прав. Бригида слышала о страшных зимах в этих краях. Без тёплых вещей им конец.

— Но зачем вам это нужно? Почему вы решили мне помочь?

— Я сам когда-то ходил в рваном тряпье и постоянно мерз. И те времена своего голодного детства я до сих пор не забыл. Поэтому прекрасно тебя понимаю. Знаю, как тебе и твоей матери тяжело, — он положил монеты у её ног, так как она всё ещё обеими руками держала ковш. — Мне пора идти. Не собираюсь я продавать тебя на корабль в рабство, — мужчина усмехнулся. — Как ни странно, но не все люди плохие, хотя это и редкость. Во всяком случае, ты абсолютно правильно делаешь, что никому не доверяешь. Хорошая тактика. Я сам такой же.

Конрад развернулся и зашагал прочь.

— Стойте! — Бригида окликнула его. — Как вас зовут? Тот толстый мясник сказал, что вы некогда считались славным наёмником.

— Я и сейчас вроде бы всё ещё в форме, — развернулся мужчина. — Зачем тебе моё имя? Я же сказал, деньги даю безвозмездно, — он покачал головой и двинулся дальше.

— Скажите мне своё имя! — прикрикнула на него девчушка, топнув по полу.

— Конрад, — тот развёл руки в стороны, сморщив лоб. — Всё я могу идти, юная царица, требующая всё знать?

Медный ковш со звоном вывалился из её рук. Но она так и осталась стоять на месте, будто не замечая холодную воду, попавшую на открытые ноги.

— Тот самый наёмник без рода и прошлого? О ком поют барды почти во всех землях? Да поразит меня копьё самого долгоживущего главаря, если этот оборванец с опухшими от беспробудного пьянства глазами и есть знаменитый Конрад.

— У всех бывают тяжёлые периоды, — возмущился мужчина. — И я не исключение. Разве у оборванца будет такой боевой меч, который я выставил прямо перед лицом торговца?

На глазах девочки накатались слезы. Конраду это не понравилось. Он никогда не мог смотреть на женские и детские слезы без волнения.

— Моя мама умирает, — произнесла она тихо. — Я знаю это. Хотя и пыталась до этих дней себя обманывать, — тоненькие струйки полились по чумазому лицу. — Я останусь совсем одна. Вы сказали, что из меня бы вышла хорошая наемница. Вы сможете меня обучить своему ремеслу?

Наёмник хотел ей сказать, что то была всего лишь шутка, но, глядя в её карие печальные глаза, язык у него не повернулся. Он прокашлялся.

— Слушай, Бригида. Мое дело совсем неженское. У меня никогда не было никаких учеников. Тебе будет куда лучше наняться к кому-нибудь горничной. С такого возраста уже берут в работники.

— Я слышала об аливитянках, что из Саркена. Они женщины, но это не мешает быть им сильными воинами. Бабушка рассказывала мне сказки об их подвигах.

— Да. Но... — он подбирал слова, пытаясь объяснить, что с ней так не выйдет. — У аливитянок иной образ существования. Они живут совсем без мужчин. Это совсем другое. Девочек с самого малого возраста бросают на арену для битв. Их первые игрушки — деревянный меч и щит. Судя по-твоему росту, ты уже опоздала. Практически невозможно сделать из тебя достойного воина.

— И что? Вы ведь тоже не с самых малых лет держали меч в руках? Сами говорили, что ходили в тряпье и были бедным. Какой же там воинский дух?

— Да, но я мужчина, а ты нет. Женщинам в этом плане гораздо сложнее. Им приходится начинать обучение раньше, и дисциплины им требуется куда больше.

— Мой отец... — она провела рукой позади шеи. — Он правитель варваров. И его люди ищут нас с матерью. И когда-нибудь обязательно найдут и убьют нас. По обычаям нашего народа, жена не имеет права уходить от мужа. Это карается смертью. И я должна уметь себя защищать, потому что никто мне не поможет спастись от них. Я чужая для всех. Я изгой с того самого дня, как мы ускользнули из дома. И не собираюсь работать никакой горничной. С самого детства я только и видела, как женщины ползают на коленях перед своими мужьями. У меня больше не тот дух, чтобы кому-то служить. Я так не смогу. Стоит только посмотреть на жизнь по-другому и понять, что ты так точно существовать не хочешь. И

всё... Назад пути нет. Я выбираю смерть, либо свой собственный путь. А в эти времена его можно одолеть, только будучи сильным. Так что если вы откажетесь обучать меня, то я погибну.

— Ты ведь в курсе, что это шантаж? Хочешь переложить свою несчастную судьбу на мои руки, — Конрад скрестил руки на груди.

— Да. Я знаю, — она шмыгнула носом и ладонью вытерла слезы.

Наёмника забавляла её прямолинейность.

— А если бы ты меня не встретила сегодня? Что тогда?

— Я вам уже сказала. Мама долго не протянет. Я останусь совсем одна и помру. Мне не выжить в этом мире, потому что я не смогу встать на колени.

Конраду очень понравилась её последняя фраза. Что-то воинственное в её духе уже точно присутствует.

— Вот, возьмите монеты обратно, — она соскребла их с каменных плит. — Раз уж они теперь мои, то я ими и уплачу за своё обучение у вас. У меня больше ничего нет. Но я готова отрабатывать. Стану вашим пажом, прямо как дворянские мальчишки на побегушках у знатных особ. Я способна разводить костер во время похода. Готовить не люблю, но умею. Могу чистить вашего боевого коня, когда вы его себе вновь купите. Я отлично обращаюсь с животными и правильно надеваю сбрую. В нашем народе было много отличных наездников, как среди мужчин, так и среди женщин. Стану вашим оруженосцем, чтобы носить колчан со стрелами и копьё. И...

— Хватит, — пробурчал Конрад и тяжело вздохнул. — Монеты я назад не возьму. Вещи тебе всё равно тёплые понадобятся. Мне не нужен больной ученик, — он развернулся.

Лицо Бригиды просияло неподдельной детской радостью.

— Значит, вы согласны? — неприлично громко для храма она крикнула ему в спину.

— Завтра, при первых лучах, чтобы уже была за стенами Остбона, на закрытой площадке летней ярмарки.

Наемник скрылся из виду, оставив девочку пребывать в счастливых мечтаниях о будущем.

Глава 8

Утренний туман быстро перебирал лапами, отползая от стен Остбона, словно собака, которой бросили кость в другое место. Ночную смену привратников у главных ворот уже сменила дневная. Конрад грел руки под оленьим плащом.

— Стой! Куда идешь? — грозно крикнул ему один из стражников с башни. — Проход откроется только после того, как видимость станет лучше. Кто знает, какие оголодавшие разбойники могут засесть в тумане. Нынче любой может нож в спину воткнуть. Так что подожди, путник, немного!

— Я наемник! И мне нужно выйти за стены! — Конрад сложил ладони вместе, сделав между ними щель, чтобы его было лучше слышно. — Мне не нужны большие подъемные ворота. Можете выпустить меня через узкую дверь.

— Да какая мне разница, кто ты! Хоть сам Дахман! Я сказал ждать, значит жди!

Конрад выругался про себя и, забив трубку новым табаком, уселся на дубовые ступени у лестницы, ведущей в постовую вышку. Но не успел он сделать и пяти затяжек, как услышал звук ворота, с помощью которого поднимали тяжеловесные двери. Мужчина взял свои вещи и двинулся на место встречи.

Земля под ногами была промерзшей. Снежинки, лежавшие тонким слоем, переливались всеми цветами радуги, окунаясь с головой в солнечные ванны. У Конрада посинели уши от холода, и он принялся их растирать. Перед ним виднелись заколоченные большие лавки, которые открывали только летом, в период, когда в столицу тянулись со всех сторон света торговцы. Постройки эти стояли в форме полукруга, и в середине имелась большая ровная площадка из прямой земли. Хорошее место для начала обучения. Мужчина решил, что девчушка опаздывает, но он сильно удивился, когда увидел её, облокотившуюся об обтесанные перила.

— Я уже устала вас ждать! — заявила ему Бригида.

— Как ты смогла пробраться за стены Остбона раньше меня, если проход был закрыт? — брови Конрада съехались вместе.

Та звонко и задорно рассмеялась, выставив свои передние два зуба. С ними она походила на кролика.

— Я позаимствовала в храме простыни и занавески. Затем пробралась к западной стене, где нет вышек, и поднялась по дереву, откуда перелезла на вершину зубцов и сбросила свой канат вниз.

— Я так понимаю, позаимствовала — это взяла без разрешения?

— Да. Вы сегодня просто в ударе. Прямо провидец.

— Не ёрничай, Бригида! А как же теперь канат? Кто угодно сможет незаметно пробраться по нему в город.

— Я завязала его на мельничный узел и легко распустила. Вон он валяется у той лавки, — она показала указательным пальцем.

— Что ж. Мозги у тебя явно есть. Осталось лишь заставить их защищаться, — Конрад бросил ей ремень с мечом в ножнах. — Надевай на пояс!

— Но он же из дерева! — Бригида злобно взглянула на него исподлобья.

— А ты что, хотела сразу на настоящем оружии обучаться? Научись сначала деревянный меч в руках держать!

— Бессмыслица какая-то. Меня это не спасёт, — девочка нервно мотнула головой.

— Вот. О чем я и говорил: у женщин напрочь отсутствует дисциплина. Если ты считаешь мои советы бредом, то можешь проваливать. Думаешь, что мне очень хочется тебя учить? Как бы не так.

Девочка резко схватила ремень и с остервенением застегнула его. Она видимо успела приобрести вчера новую одежду. Так как на ней были мужские брюки, правда на размер больше. Ей пришлось сильно закатать их. А вместо сандалий сидели кожаные сапоги до колена. Снаружи красовался волчий полушубок.

— С ними шкуру. Тебе сейчас будет жарко.

Бригида послушалась и осталась лишь в серой рубаше из овечьей шерсти.

— А мне разве щит не нужен?

— Если ты не сможешь выжить в битве без щита, то он тебе в любом случае не поможет.

Девчушка посмотрела на него, как на безумца. Она не такого наёмника ожидала увидеть. Ей казалось, что с первого дня Конрад научит её всему. Вот она, детская наивность. Им хочется всего и сразу. Никто не желает тратить времени. Но жизнь и есть поток одного только времени. Мы лишь крупинки на его уровнях.

Бригида ожидала опасной схватки на настоящих мечах, а никак не нравоучительных фраз.

— А теперь тренируйся доставать быстро меч из ножен. Скорость при неожиданном нападении спасительна. Я хочу видеть мозоли и пот на твоих руках.

Девчушка выхватила деревянный клинок и замерла.

— И чего ты остановилась? Тебе что, особое приглашение от герольдов нужно? Достала и вновь убрала. И так повторяй до тех пор, пока не перестанешь чувствовать ладони.

Наёмник тоже выхватил из-за пояса выпиленный меч и набросился на ученицу с такой прытью, что она не успела ничего сделать. Деревянный клинок сильно ударил её по ноге. Бригида вскрикнула.

— Больно же!

— Делай, что я сказал!

Она убрала оружие в ножны и приготовилась к нападению учителя. Ей необходимо было опередить атаку того, чтобы сделать блок с помощью меча.

Конрад кружил вокруг неё, словно коршун. Бригида не спускала с него своего внимания. В какой-то момент показалось, что её стошнит от головокружительной слезки. И тут она заметила, что рука наёмника взлетела вверх и отклонилась. Он готовился к выпаду. Девочка мигом выхватила меч, чтобы прикрыться им от удара. Но противник оказался быстрее. Учебный клинок с размаху попал в колено. Она повалилась на землю, схватившись за ушибленное место. Из глаз невольно хлынули слезы.

Конрад рассмеялся.

— Когда проткнут настоящим мечом, то будет куда хуже. Поднимайся! На поле боя нет времени для того, чтобы прохладиться.

— Я вся синяками покроюсь, — пробурчала та, вставая и отряхиваясь от грязи.

— Мне наплевать! Не хочешь чувствовать боли, старайся вынимать клинок вовремя. И не смей класть на него руку заранее. Весь смысл как раз во внезапном нападении.

— Но я и так быстро всё делаю! — возмутилась Бригида. — Не получится лучше.

— У меня же получается.

— Я не вы!

— Бригида, — Конрад закусил губу. — Однако ты собралась стать воином. Вспомни, что с тобой делал отец.

— Он бил меня цепом, который используют для обмолота зерна. Один раз у меня из головы даже шла кровь, — она показала на затылок.

— Твой папаша одиозный тип.

— Что это значит? — Бригида сощурила сосредоточенно глаза.

— Если сказать просто, то очень плохой человек.

— Он ублюдок! — она поставила руки на пояс и вложила в эту фразу всю свою ненависть.

— А-а-а, — протянул наёмник, закатывая глаза. — Зато такие словечки ты знаешь.

— Да. Он меня называл всякими погаными ругательствами, когда бил. Так что я легко их запомнила. В нашей семье умных фраз не использовали. И я удивлена тем, откуда вы их знаете.

— Чтобы сражаться и побеждать, нужно понимать не только физические возможности врага, но и разбираться в его душе. А в этом хорошо помогают книги.

— А я не умею читать, — девочка протяжно перданула.

— Я бы на твоём месте не пускал зловонные газы при других людях, — смутился Конрад. — Ты так никогда замуж не выйдешь потом.

— А я и не собираюсь.

— Если бы сейчас здесь был один из моих друзей, — вздохнул наемник, решив сменить тему. — То он с радостью научил бы тебя читать.

— А где ваш друг?

— Я не знаю, — он опустил глаза и ненадолго замолчал. — Так ты собираешься обучиться боевому искусству, чтобы убить затем своего отца? Займёшь трон и поменяешь обычаи у народа?

— Откуда вы знаете? Я же этого не говорила.

— Потому что я бы поступил так на твоём месте, — он пронзил её спокойным взглядом. — Только учти: тебе всю жизнь придётся бороться, даже если сама станешь правителем. У тебя всё равно будет много врагов среди варваров. Мало кто из мужчин захочет даровать женщинам свободу.

— Да. У нас женщины — это собственность мужчин, — она задумалась. — Так вы в меня верите? Я смогу изменить их жизнь?

— Верю в тебя? — наёмник широко улыбнулся. — Я ещё не увидел, что бы ты была на что-то способна. Ты даже мышь одолеть сейчас не сможешь. Я всего лишь предполагал о возможном развитии будущего. Не более того. Кстати, я заметил, что ты слишком крепко держишь рукоятку. Причём тогда, когда это совершенно не нужно. Бригида, мышцы должны быть расслаблены. Это и придаст тебе подвижность. Ты ведь не секирой орудуешь, а мечом. Старайся им жалить с лёгкостью, словно пчела. Не напрягай мышцы без надобности. Ты должна их наполнять силой только в тот момент, когда придётся блокировать чей-то удар, чтобы оружие не выбили из рук. Но, атакуя или просто держа клинок в стойке, рука должна быть лёгкой, как перо. Если ты изо всех сил попытаешься схватить пушинку в воздухе, то она ускользнет. Нужно плавно приблизить к ней пальцы. Когда твои руки расслаблены, то они наиболее сильны и ловки. Если их напрягать и слишком крепко сжимать рукоятку, то ты станешь неповоротливым бревном. И проиграешь противнику в скорости. А это стоит жизни

в настоящем сражении.

Они продолжили свои занятия. Раз за разом Бригида получала удары и валилась на землю. Только ближе к полудню девочка смогла успешно один раз выхватить меч вовремя и прикрыться им от клинка наемника.

— Молодец, — похвалил Конрад. — Давай перекусим. Я кое-что взял с собой.

— Вы как будто не устали даже, — ученица повалилась на землю, тяжело дыша. Лицо её приобрело пунцовый оттенок.

— В моменты нападений я позволял себе дышать, а ты, наоборот, задерживала дыхание. Ну ничего, может, скоро научишься чувствовать себя спокойно в период ударов.

Солнце слепило глаза. Наёмник прикрыл их рукой и, подхватив небольшой чёрный мешок, отправился к деревянному помосту. Там он развязал тесёмки на ткани и разложил нарезанный сыр, печёные орехи и кусочек солонины. Девчушка, хромая, добралась до него и рухнула рядом.

— Шишки уже вылезли, — она показала тонкими пальцами на ноги. — А я сейчас поем, и можно расходиться? На сегодня урок закончен же? — с этими словами она откладывала для больной матери в карман пищу.

— Бригида, положи на место и ешь спокойно. Не переживай, я дам тебе с собой еды, когда пойдёшь обратно в храм. И урок ещё продолжится до вечера.

— Но я уже устала, — почесала нос та.

— И ты думаешь, что это должно меня волновать? В бою твою голову захотят снять с плеч. Всем будет всё равно, как ты себя чувствуешь. Коли ты сама решила стать воином, так готовься воспитывать в себе выносливость. Ешь давай!

Девочка набросилась на еду с жадностью. Волокна мяса застревали у неё в зубах, а орехи исчезали, словно в дробильных жерновах. На секунду наемнику показалось, что ему самому ничего не достанется, и он быстро схватил в руки два пласта сыра.

— Что в храме совсем скудная пища?

— Ну да. Хотя иногда и мясо тоже бывает, — с набитым ртом отвечала Бригида. — Но я не жалуясь. Мы рады, в принципе, и тому. Некоторые вообще крыс едят.

— А как зовут твою маму? — прожевав сыр, поинтересовался Конрад.

— Идения, — вытерев руки, девочка высморкалась.

— Слушай, Бригида, а ты могла бы не сморкаться, когда рядом кто-то ест? Пожалуйста!

— Извините. Постараюсь... — она вытерла нос рукавом.

— У твоей мамы красивое имя, — заметил Конрад.

— Да, — кивнула девочка. — Мама и сама красивая очень. Правда, папаша выбил ей почти все зубы.

— А как у неё сейчас здоровье? Становится хуже или всё по-прежнему? — мужчина отпил из кожаной бутылки.

— Ой, дайте мне тоже попить. В горле пересохло от сыра, — она протянула к нему руки.

— Это эль, — усмехнулся тот.

— А что, воды нет?

— Нет, — грызя орехи, ответил Конрад. — Я как-то не подумал об этом.

— Маме хуже, — она провела ладонью по лицу. — Только один раз в день в сознание приходит. За ней сестры ордена присматривают. Обтирают пот и всё такое, когда меня рядом нет. Утром я её накормила супом из той самой курицы. Чудо, что она съела аж целых

двадцать ложек. Обычно куда меньше... — Бригида тяжело вздохнула. — И ещё я её обманула. Сказала, что мясо всем раздали. И также наврала про уроки. Сказала, что меня не будет целыми днями, потому что я учусь у одной леди быть кухаркой. Мама обрадовалась, что я смогу заработать себе на жизнь. Говорит, что в доме у знатных особ я буду в безопасности. Люди отца не найдут меня.

— Плохо врать матери, Бригида. Тем более она в таком состоянии.

— Я знаю... Но она так была рада. Я не могла сказать ей правду. Неужели вы тоже никогда не ввали своей маме, чтобы та не волновалась?

— У меня нет матери, — хмуро ответил мужчина.

— Как так? — не поняла девочка. — Вас же кто-то родил на свет. У всех есть родители.

— Как видишь: не у всех, — Конрад закурил трубку. — Я не знаю своего отца. А мать от меня отказалась, как только родила.

Девочка поглядела на него сбоку. И дальше они молча сидели, пока Бригида не решилась поведать ещё кое-что о своём прошлом.

— У меня был брат... — начала она, ковыряя ногтями в зубах и пытаясь достать застрявшие волокна. — Его звали Дэви. Он старше меня. И он решил убить отца, когда тот на наших глазах сломал маме нос об стол. Дэви схватил кинжал и побежал прямо на него. А отец успел взять в руки стул и выбил лезвие. Так он этим самым стулом и убил брата. Он долго колотил ножкой по его разможенной голове, пока дерево не треснуло. И когда он закончил измываться над трупом, то уселся рядом на пол и радостно рассмеялся. А затем поманил меня пальцем к себе и сказал: "Так будет с каждым, кто захочет занять моё место!". Отец даже не осознавал, из-за чего Дэви на него набросился. Ведь тот, кто убьёт правителя, становится на его место. Папаша подумал, что Дэви хочет на трон, — она помотала головой. — Он не знает жалости и боли. Попросту не понимает, что это такое. В нашем языке родном даже нет таких слов. Мы их с мамой выучили во время странствия, когда знакомились с жителями из других народов.

— Я до сих пор удивляюсь тому, как вам удалось преодолеть такой путь вдвоём, — наёмник выпустил облако дыма.

— Мы переодевались в рваное тряпье, чтобы никто не захотел на нас напасть и обворовать. Хотя красть действительно нечего. Сбегая из диких земель в спешке, никто из нас и не думал о том, чтобы взять с собой какие-то вещи. Держались больших городов и сёл в дороге, где есть хоть малое представление о порядочности. Прятали волосы под капюшонами и обмазывались грязью, чтобы в нас не видели женщин. И нам повезло. В путешествии попадались добрые люди среди жителей. Нас кормили и давали ночлег, а я взамен за помощь помогала людям по дому во всех хозяйских делах. Конечно, было очень тяжело и страшно. Случалось и голодать, и встречаться с жестокими горожанами. Но мы всегда вовремя уходили от неприятностей. Позади нас ждал ад, а впереди неизвестность. И мы с мамой выбрали именно неизвестность. Вряд ли что-то может быть хуже преисподней, в которой нам приходилось жить.

— Не хочу тебя пугать. Но всегда есть ситуации куда хуже. Так что поднимайся! — он потушил трубку. — Пора продолжить занятия, — заметив в глазах ребёнка внутренний протест, наёмник добавил: — Я уже понял, что ты лентяйка. Но не забывай о том, зачем ты сюда пришла. И да... Если продержишься до позднего вечера, то зайдем в таверну, и я закажу нам запеченных целиком, нежных и сочных каплунов. Только представь, как мясо вкусных петухов тает во рту. И маме твоей завернем отличный ужин.

Глаза девочки засияли от мыслей о такой еде.

— Но это же очень дорого! — она поднялась с места. — Мне как-то неловко.

— Не переживай за мой кошелек. У меня есть ещё достаточно монет. Смотрите-ка неловко ей. Бригида, почему я уговариваю тебя, чтобы ты продолжила обучение? Как будто я твой ученик. Это ведь всё тебе нужно! — он ткнул в её плечо указательным пальцем. — Моё терпение рано или поздно закончится! И надеюсь, что к тому времени ты сможешь убить в себе лень. Иначе нам придется распрощаться. Я не вижу, чтобы во взгляде горело желание стать воином. Твое лицо озаряется только при мысли о еде.

— Неправда! Я действительно хочу быть сильной, — Бригида обнажила меч.

— Тогда докажи это! — Конрад замахнулся клинком.

Ночью Конрад на удивление быстро уснул. Так как в последние дни его одолевала жуткая бессонница. Но, видимо, занятия с Бригидой на свежем воздухе и сытный ужин сделали своё дело. Однако сон наёмника не был спокойным. Перед мужчиной вновь сияли зелёные глаза Амелии. Он пытался спасти её, но ноги не двигались с места. Мужчина со всей силы бил кулаком по стенам купола в видении, что в действительности одна из его рук ударилась о спинку кровати.

Конрад открыл глаза. По костяшкам пальцев разливалась волной боль. Он больше не мог и не хотел спать. Несколько минут наемник молча посидел в темноте и вышел прочь из комнаты таверны, чтобы вновь напиться. Хотя рано утром ему нужно продолжить обучение с девочкой.

Наемник выполз на ночной холод. И стал бродить с винной фляжкой по пустующим улочкам. Он не готов был оставить прошлое позади... Слишком сложно. Ибо в нём находились два близких человека. Грегори часто прикрывал его, не один раз спасая от смерти. А он не смог ему помочь. Конрад вспоминал все их совместные приключения и переделки. Рядом с другом жизнь казалась интересной игрой. Но сейчас его будто вырвали вместе с корнем и бросили в бездонную пропасть, называемую реальностью. И вот он летит совершенно один, а на стенах сидят разные люди. Они заняты своими делами и никто его больше не замечает. Некому с ним посмеяться и некому ему помочь. Он как засохший лист в этом колодце без воды и земли. Должен лететь, чтобы крошиться целую вечность.

И тут же опять всплывал образ Амелии. Девушка, живущая ради всех. Наёмник так и не смог разгадать её до конца. Почему она отреклась от богатого наследия родителей и решила посвятить себя магии. Конраду сначала казалось, что никто так не умеет давать отпор тяготам, как ведьма. Но сейчас ему чудилось, как она лишь плыла по течению, совершая поступки, ради которых и была рождена. То, что одним предстаёт сопротивлением, для неё являлось выстроенным потоком бытия. Волшебные способности пришли к ней сами. Они либо есть с рождения, либо нет. Вопрос состоял только в том: развивать ли их. Однако чародейка вряд ли выбирала. Наёмник пришёл к выводу, что за неё это всё уже кто-то выбрал давно. И это чувство ему не нравилось. Словно кто-то ведёт подсчет их поступков при помощи небесного абака. И сейчас ему стало интересно, куда же кость его жизни на доске сдвинут дальше.

Он мотнул пьяной головой, пытаясь разогнать странные размышления. Мужчина огляделся вокруг, чтобы понять, как далеко его занесло от таверны. Перед глазами всё тряслось. Конрад повалился на спину и перевернул фляжку вверх тормашками. Та оказалась пуста.

— Вот я и нахрюкался, свинья! — высказался он сам о себе вслух. — А значит, и спать мне где-нибудь в хлеву.

Глаза его застыли, как замороженные. Он всматривался в небо. Мириады ярких сказочных звёзд искрились на нём. На душе, наконец, стало спокойнее. Не хотелось подниматься. Но наёмник ощутил, как холод обволакивает всё тело.

— Негоже это замерзать, как собаке, — он перевернулся на живот и встал.

Неподалёку мужчина смог распознать городскую конюшню. Для него не составило труда пробраться внутрь, перевалившись через хилые доски над боковыми воротами. Конрад

сильно ударился, промахнувшись мимо мягкой подстилки. Разбуженные кони раздраженно фыркнули и наострили уши, но, поняв, что опасность им не грозит, вновь задремали. Наёмник проковылял к куче сена и мигом уснул, подстелив под голову свою кожаную куртку.

Некто следил за ним. И тоже проник внутрь помещения. На мужчине свободно сидел коричневый комбинезон из бумазеи, подвязанный широким ремнём на талии. Короткие сапоги осторожно ступали по пыльному проходу. А плечи его покрывала кудрявая накидка из шкуры бизона, переходившая сверху в капюшон на голове. В одной руке тот держал острый кинжал с изысканной рукояткой из красного дерева. Он мог прекрасно различать все денники и комнаты, так как яркий месяц пристроился над незастекленным окном у самой крыши главных ворот. Наконец он добрался до наемника, спавшего сбоку от коридора. Ещё один шаг и можно дотянуться до него рукой. Однако годы, проведённые в жестоких и страшных битвах, приучили работать мозг Конрада в любом положении. Он сразу услышал своего преследователя.

Наемник быстро вскочил и одним ударом припечатал незнакомца к бревенчатой стене. Нарушитель сна не успел ничего произнести. Голова его опустилась вниз, и из носа капала кровь.

— Сними свой капюшон и назовись! — разум Конрада словно молниеносно протрезвел.

— Я так и знал, что это ты! — незнакомец поднял лицо, и его озарил свет луны. — Не так своих друзей встречают.

— Иорик?! — рот наемника раскрылся от изумления.

Поэт приложил руку к разбитому носу и задрал голову. Свободной пятерней он крепко похлопал Конрада по плечу.

— Что с Тарой и с Карлин? — с нетерпением вырвалось у него.

— А что с ними может быть не так? Всё как обычно. Улизнули из-под носа самого правителя пограничья.

Наёмник тепло улыбнулся и сам ринулся обнимать Бэбкока с такой радостью, что ноги друга отрывались от земли.

— Прости, что ударил. Я же не знал, кто за мной следит. Я вообще уже было решил: никогда и никого из вас не увижу.

— Да, — отмахнулся Иорик, усевшись на тюк соломы. — В порядке всё.

— А как ты меня нашёл? Ты ведь в курсе, что за твою голову обещают огромную награду? В Остбоне для тебя слишком опасно, — Конрад пристроился на корточках рядом.

— Знаю, — пробурчал Бэбкок. — Вот что бывает, когда дружишь с чокнутыми ведьмами. И Тара самая безумная из них, — он вздохнул. — Меня в столице мало кто знает в лицо. Так что я единственный мог вернуться, чтобы передать тебе слова сестёр. Про тебя я слышал, Конрад, что ты пьянствуешь. Весь Остбон шепчется о наемнике-пьянчуге. Несколько дней искал тебя по всем кабакам. Но внутри старался не заходить. Дождался по вечерам на улице. Однако ты всегда ускользал. Но сегодня ночью я тебя заметил. Решил, что какой-то пьяница шатающийся. Приглядевшись же, различил оружие. Вот и следил, чтобы убедиться в том, что то был точно ты.

— Что они хотели мне передать?

— Извинения.

Наёмник, не понимая, ждал объяснений. Кровь у поэта остановилась, и тот исподлобья взглянул на друга.

— Сразу предупреждаю: я абсолютно трезв. Ибо то, что я сейчас скажу, будет звучать слишком странно.

— Говори, Бэбкок, — Конрад закусил верхнюю губу.

— Эх. Когда Тара с Карлин пребывали в мире мертвых, то узнали, что все маги после смерти становятся рабами. Над ними издеваются в Терминасе. Никто из волшебников не перерождается и уж тем более не попадает на небеса. Они встретили свою мать. Её там превратили в сторожевую собаку и избивали. Так что сестры решили пойти войной против богов, чтобы разобраться с несправедливостью. Ведь именно создатели занимаются распределением самих душ.

— Что ты мелешь? — только и смог вымолвить Конрад. — Ты сам-то понял, что сказал?

— Вот и у меня была такая же реакция, когда девчонки мне об этом заявили. Но это ещё не всё... Пока мы с ними прятались по лесам и притворялись бродягами возле небольших деревень, то слышали от болтливых лесорубов о битве в окрестностях Торианвиля. Мы знали, что ты жив и что... Что Грегори и Амелии больше нет. Если честно, то я в тот момент очень беспокоился за Тару. Так как ей пришлось отдать кольцо Гильдегарды переправщице из пограничья. И она горько сокрушалась по этому поводу. Она стала винить себя, что уже не сможет спасти ни Грегори, ни Амелию. Нам с Карлин долго пришлось ей объяснять, что по-другому бы не вышло выбраться. Хотя я понимаю Тару. Ей столько тяжёлых моментов пришлось пережить за последнее время, что тут у любого бы нервы сдали. Она несколько дней вообще не ела. Ты бы видел, как они боролись с Карлин, когда та пыталась впихнуть в неё хотя бы одну ложку каши.

— Ты сказал, что сестры хотели передать мне извинения. За что?

— За то, что покидают тебя. Оставляют одного. Ведь в такой период друзьям необходимо держаться наоборот, вместе. Бросают тебя и битву с Узгулуном, и всех. Они хотят освободить души своих родителей из рабства. И обеспечить магам справедливость после гибели. Это их война. И никто из них не знает: увидимся ли мы все ещё. Меня они тоже отослали, как уж видишь.

— И как они намерены начать битву против богов? — не веря своим словам, изрёк наёмник.

— Сестры пораскинули мозгами. И поняли, что для начала стоит узнать всё про богов. То, что не ведают никто из смертных. Необходимо разобраться в их внутренней иерархии. Точно никому из людей неизвестно, какой создатель отвечает за перераспределение душ. Для нас это тайна, покрытая мраком. Так что Тара, любящая читать бестиарии, решила отправиться на поиски существа, знающего о богах абсолютно всё.

— Разве стоит верить всему, что там пишется? Я не спорю, конечно, есть и правда. Так как я сам обращался к их страницам не раз охотясь на мерзких тварей. Но в письменах присутствует и много выдуманного.

— Согласен. Однако ведьмы уверены в существовании бессмертной Мантикоры. Она является дочерью самого первого из богов, который поработил небытие и воссоздал себя из него...

— Да, — прервал Конрад. — Я читал об этом. Бог без имени. В него верили предки всех народов и рас многие века назад. Он и есть разум пустоты. Первый бог перед венчанием с богиней времени сходил налево и осеменил одну из ангелов, рождающую из своих чресл всех животных, населяющих земли. Так и появилась Мантикора. Она долгие годы жила в небесном дворце и наблюдала за всеми, пока, наконец, богиня времени не понесла законное

дителя дальнего предка самого Дахмана. И тогда супруга первого бога из страха за сына изгнала Мантикору.

— Всё так, — кивнул Иорик. — По легендам, она скрывается в долине вулканов. Откуда ещё никто не выбирался живым. Так что девчонки направились именно туда. Согласись, что это в их духе? — попытался пошутить поэт, чтобы унять волнение.

— А почему они не захотели взять меня с собой? Что мне здесь делать? Сидеть и ждать, когда вернётся непобедимый Узгулун? Лучше уж сгинуть в битве куда раньше этого.

— Они устали, Конрад... Устали терять близких людей. Я думаю, что ты их прекрасно можешь в этом понять.

Наёмник поднялся на ноги.

— Тебе нужно убираться отсюда, Бэбкок! Уходи в дальние края. Король вряд ли отступится от своего решения расквитаться с вами.

Поэт с печалью уставился в противоположную стену.

— И что мне делать? Кругом чума. В любой момент может вернуться повелитель хаоса. А мои лучшие подруги отправились на верную смерть.

— Ты в них не веришь?

— Я верю лишь тому, что из долины вулканов действительно никто не возвращался. И знаю, что одолеть бога может только другой бог. Вот и всё. А ты сам-то уверен в них?

Конрад задумался, сжимая и разжимая пальцы одной руки в кулак.

— Неважно. Главное, что я ими горжусь. И надеюсь, что мы с ними ещё увидимся, — последние слова прозвучали с большим сомнением в голосе. — Так что ты намерен делать дальше, Иорик?

Поэт тоже встал. Пыль при свете звёзд проносилась вокруг его лица.

— Я вижу только одну смерть впереди, Конрад. И ничего более... Я всегда любил наблюдать за этим миром. Писал стихи и сочинял интересные истории, опираясь на то, что видел. Мне нравилось отображать жизнь одних людей, чтобы другие что-то могли из неё почерпнуть для себя. Но когда ты совершенно не уверен в будущем, то остаётся лишь смело идти к нему навстречу. И я готов. Ты обещал научить меня боевому искусству. Я это прекрасно помню. Пора сразиться за то, что так дорого каждому на Барнаре. И я буду биться за дружбу, за красоту природы и за любовь.

Конрад совершенно не ожидал услышать такой речи от него.

— И с кем же ты собрался сражаться? С Узгулуном разве?

— Разумеется. Эта сволочь ещё вернётся.

— Иорик, мы перед ним бессильны, — наёмник оперся руками о пояс. — Даже если ты научишься хорошо орудовать мечом, тебе его не одолеть. Так что нет смысла.

— Ведьмы собираются укокошить кого-то из богов. Попробуй сказать им, что нет смысла стараться, и они тебя в крысу превратят. Конрад, ты рано сдался. Неужели на краю бездны не хочется жить так, как считаешь нужным? Отправимся с тобой в путь. Будем ходить на задания и убивать злодеев и прочее отродье. И, может быть, наткнемся в своих путешествиях на подказки.

— И кто тебе оставит эти подказки? Боги не вмешиваются в судьбы живых. Они сидят в стороне и смотрят, как повелитель хаоса уничтожает всех подряд. Хотя тот успел нам сказать, что и до них рано или поздно доберётся.

— Вот именно, — улыбнулся поэт. — Кому-то из богов придётся прийти к нам на помощь. Мы и есть рубеж между мирами. Мы — та самая стена, защищающая небеса. Иногда

мне кажется, что нас для этого только и создали. Люди, эльфы, гномы, вампиры и прочие удерживают чашу весов в равновесии. Чтобы враги создателей не добрались до них.

— Ты хочешь сказать, что мы сторожевые собаки?

— Можно и так выразиться. Но чтобы собака охраняла, её нужно кормить. И я уверен, что рано или поздно нам кто-нибудь всё же кинет кость в виде подсказки.

— Слушай, а почему я раньше считал тебя идиотом? — прищурился Конрад.

— Сам не понимаю, почему все вокруг думают, что я тупой, — всплеснул руками поэт.

— Я рад, что вновь встретил тебя, Бэбкок! — наёмник протянул ему свою жилистую руку для пожатия. — Так что нужно обучить тебя искусству войны, чтобы больше никто не смел недооценивать твоих мыслей. Но имеется одна проблема... У меня есть уже ученица. Её зовут Бригида.

— А в чем сложность? Так ведь даже лучше. Мы сможем вместе с ней тренироваться.

— Это да. Однако, чтобы спокойно вести занятия, не привлекая внимания, нужно уехать из Остбона. Иначе тебя здесь повесят, если узнают, кто ты. А Бригида ещё ребёнок. У неё никого нет, кроме тяжело больной матери. И та лежит в храме, находясь под присмотром сестер святого ордена. Девочка же не сможет бросить её. Так что придётся нам с тобой и большую женщину с собой в путь брать. А это для неё может быть слишком опасно. Таким не место в сложном путешествии. Не знаю, как быть.

— Я надеюсь, это не чума? — сморщил лоб Бэбкок.

— Нет, — помотал головой Конрад. — Что-то иное. Для её матери понадобится удобная повозка, и нам с вами нужны лошади. И провиант на первое время, пока не найдём работенку в другом месте. У меня, конечно, остались еще монеты с продажи своего коня. Но их для нашего совместного пути не хватит. Правда, в имении магов, в конюшне находятся скакуны Амелии и Грегори. Леди Эрлин обещала, что о них позаботятся. Но нам на них никуда не уехать с больной.

— А что, если найти какое-нибудь дело неподалёку? Заработаем монет и приобретем всё, что нужно.

— Везде на дорогах выставлены стражники, так как грабителей и убийц стало слишком много. Тебя могут допросить. Рискованно. Кстати, а как ты пробрался?

— В начале моей дороги мне помогли Тара и Карлин. Отвлекли внимание постовых. А потом я прикинулся чумным доктором. Костюм у меня в сумке с собой. Как я уже говорил, в лицо меня знает только несколько человек из королевского дворца и также директриса и некоторые из её работников.

— Это хорошо. Доктора, может быть, и пропустят. Но вот меня... Ходят слухи, что король не желает меня видеть. Я у него тоже не в милости. Так что вряд ли кто-то обратится ко мне за помощью в этих местах.

— Тебя хотя бы правитель казнить не приказал, — усмехнулся Иорик. — Интересно: а до Розгальда дошли слухи о том, что случилось с бальи? Ведьмы же убили его и всех людей.

— Само собой, дошли. Столько времени прошло.

— Удивительно, что король и из-за этого не в гневе. Всё-таки тот был наместником и служил ему.

— Я думаю, что этому делу не дают сдвинуться горожане Гринстоуна. Многие его ненавидели. Так что вряд ли новый избранный бальи будет подговаривать Розгальда разобраться с нами. Это им невыгодно. К тому же народ на нашей стороне. Правитель явно помнит, что мы были при исполнении. Поэтому нам повезло. Иначе бы и меня определили

на виселицу вместе с тобой. Кстати. Я слышал, что с перемещением сейчас везде проблемы. Странников убивают не только разбойники, но и люди короля. Из-за эпидемии практически никого не пропускают. Если так затянется, то будет сложно убраться подальше.

— Признаки чумы: бубоны или кашель. Так что если нет ни того и ни другого, то могут пропустить. Правда, не всегда... Но уж доктора-то точно не задержат, как и наёмника, когда в нём будут нуждаться. Многие замки защищаются от набегов всяких шаек, а людей нынче мало. Так что работы у тебя не убудет, Конрад. Хотя платить явно станут меньше, чем в прежние времена. Если распространение заразы слишком затянется, то и вовсе за еду задания брать придется.

— Ты прав, Иорик. Осталось только надеяться, что поблизости сейчас кому-то понадобится моя помощь. Но сильно в этом сомневаюсь... — он почесал затылок.

— Ну и зря. Видимо, пиво и вино совсем затуманили твой разум. Пора выходить из спячки. У тебя есть ученики теперь, — он улыбнулся. — Целых два. И впереди ждёт много дел и разгадок.

— К чему ты это ведешь?

— Я так понимаю, что ты не слышал о том, что в соседних городах завёлся потрошитель. Какой-то неуловимый безумец перерезает всем глотки и вспарывает животы. Причём он никогда и никого не грабит. Что не поддаётся никакому логическому объяснению. Если только, конечно, он не сводит личные счёты. И в самом Остбоне тоже уже есть жертвы от его рук, если судить по почерку убийств.

— Такими делами занимаются люди короля. Обычно правители сами нанимают охотников. Но Розгальд ни за что не попросит меня об этом. Не в его духе менять решения.

— Может он и не попросит. Но явно найдутся другие люди, которые до сих пор верят в твою силу и ловкость. Нет таких жителей, что не слышали о прежних подвигах Карающего Меча. Страх всегда приводит к вынужденным мерам. Так что не стоит мочиться, коли рыба сама на ужин влачится.

Полночь. На дороге к Остбону

Ветер разбушевался. Три седока ехали, закутавшись в плащи, распевали песни и смеялись. Одна из них была девушкой с сальными волосами болотного цвета. За плечом у неё висел лук, а в руках та держала бутылку с пивом. Спутниками являлись двое мужчин. Один помоложе, второй с уже с пробивающейся проседью в усах, но ещё не старый.

— Пэн, ты ужасно горланишь! Козёл и то лучше орёт, чем ты умеешь петь, — заметила Люси.

Мужчина с рыжими волосами и выбритым затылком замолчал и взглянул на неё.

— Иди к чёрту, Люси! Я буду петь, сколько захочу. Нас ведь ждёт новая жизнь. Нам наконец-то удалось выбраться из Брукиана. Из этой несчастной дыры. Дай же мне порадоваться. Чудо, что в такие времена наши услуги понадобились в столице. Все разоряются, а мы будем работать в одной из самых лучших мастерских.

Девушка закатила глаза, понимая, что муж не остановится. Но всё же она представляла, как им повезло. Скоро они смогут поднять огромное состояние среди нищеты. Разве умеет кто-то лучше них изготавливать новое оружие? Само собой, нет... Все их прежние труды были не напрасны.

Усатый мужчина, ехавший впереди, улыбался, слушая супружескую перебранку. Один из них приходился ему племянником.

Звёзды скрыли серые тучи, которые принесли порывы ветра. Компания въехала на лесную дорогу. Темп пришлось сбавить из-за плохой видимости и размытых колеи.

— Будьте осторожны! — прокашлялся самый старший. — Среди темени и меж стволов могут поджидать разбойничьи шайки.

— Дядя Шен, — зевнул Пэн. — Нам ли бояться? — он вынул из брючного кармана эфес необычного оружия.

Нажал на одну кнопку пустой рукоятки, и из той сразу с двух сторон вырвались клинки искусной работы.

— К нам лучше не соваться!

— Ну ты и дурень, — щеки Шена полиловели от глупости племянника. — Одно дело создавать мечи, а другое дело уметь с ними хорошо обращаться, — мужчина сплюнул жевательный табак. От которого нижние края усов изрядно пожелтели. — Тем более нас всего трое. Хотя Люси не считается. Что с неё взять.

— Погодите-ка, — девушка обиженно нахмурила тонкие брови. — Разве это не я создаю лёгкое и удобное оружие для женщин? Ха... И уж я-то точно умею им владеть, — она прищорила гнедую кобылу.

— Куда рванула, Люси? Если лошадь ногу подвернет? — привстал на стременах муж.

Но та уже оторвалась далеко вперёд.

— Говорил же тебе не жениться на этой страхолудине. Она же даже на бабу не похожа, — помотал лысой головой Шен.

— А ничего, что это благодаря её покойным родителям у нас появились средства, чтобы не помереть с голода? Или вы уже забыли, дядюшка? Сами же хотели, чтобы я выгодно состряпал брак.

— Да, но не на такой же уродине и зануде.

— Ну, извините, что уж было в Брукиане, — пожал плечами Пэн.

— И ты её любишь?

— Вы что, шутите? — усмехнулся племянник. — Люси бог не одарил красотой, но зато одарил деревянной головой, — он сам прыснул от своих слов. — Я изменяю ей почти под носом с самой первой встречи, а она этого даже в лоб не замечает. Вон, перед самым отъездом с её подружкой Жаннет покуралесил прямо на нашей кухне. Вовремя успел скрыться в каморке, когда Люси с улицы вернулась.

— Презабавная история, конечно, — почесал подбородок Шен. — Но ты бы так тоже под валунами не прыгал. Если жена узнает, то может и бросить тебя. А нам её деньги с продажи имущества еще могут понадобиться. Кто ж знает, как здесь сложатся дела.

— Люси? Да кому она сдалась, кроме меня? Так и померла бы старой девой.

В этот миг на плечи молодого мужчины кто-то набросил лассо с такой скоростью, что тот повалился с коня. Оружие его выбилось из рук. Он едва не сломал себе шею. Из леса выступил человек в длинном плаще и капюшоне. В руках сверкали лезвия кинжалов.

— Дядюшка! — завопил племянник, выбираясь из верёвки. — Помогите!

Шен опешил, но быстро сумел понять, что к чему. Он развернул резко жеребца и спрыгнул, обнажив клинок.

— Отойти от него, мерзавец! Разбойник проклятый! Или я клянусь ветвью Дахмана, что вспорю тебе брюхо.

Человека в капюшоне такое замечание нисколько не смутило. Движения его были уверенными. Он подскочил к Пэну. Тот начал от него отбиваться ногами, но рука потрошителя всё же успела вынести приговор. Из груди племянника потекла струя крови.

Люси услышала жуткие крики и пустила кобылу галопом в обратном направлении. То, что она увидела, приблизившись, чуть не лишило её сознания. Над кровавыми телами Пэна и Шена стоял их убийца. Он развернулся к ней. Девушка замерла в седле. Но ей хватило доли секунды, чтобы понять, что последует далее. Так как человек в капюшоне уже хватался за упряжь коня одного из погибших.

Люси принялась поспешно гнать прочь. Изо всех сил шпорами она без толку ударяла животное. Но быстрее та не мчалась, потому что уже была изрядно взмыленная. А за ней нёсся потрошитель.

— Кто-нибудь! Помогите! Прошу! — в ужасе вопила девушка.

Из её рта на скаку вылетали слюни. Уши задувал ледяной ветер, а сердце в груди раскаленно пылало. Ничего не было слышно, кроме ударов копыт. Она хотела оглянуться, но от одной этой мысли становилось ещё страшнее. Что, если он уже совсем рядом? До выезда из лесной дороги оставалось немного. Но это даровало ей мало надежд, ибо впереди еще ожидало длинное поле. За которым только виднелись крыши около городских жилищ. Однако там должна иметься стража. Кто-то из них должен явиться к ней на выручку. Поэтому Люси не собиралась опускать руки слишком рано. В голове она мысленно читала быстро молитвы, которые только знала.

И вдруг до её ушей донёсся звук от молниеносного взмаха арканом. Она тут же нажав на рычаг в своей перчатке, выпустила острое, как бритва лезвие и, пригнувшись, оглянулась. Путы пронесли над её спиной. Люси мигом их раскромсала. Больше преследователь не мог проделать такого трюка.

Тёмные ветви сосен по бокам начали редеть. Перед её глазами простирался низкий туман, серебриющийся в свете месяца. А вдали, если хорошенько приглядеться, можно было

заметить факелы на стенах Остбона.

— Спасите! Меня хотят убить! — крик её с такой мощью разлетелся повсюду, что даже дремавшие птицы от испуга вздрогнули в своих гнёздах.

Однако ворота города всегда запирались на ночь. А жители за его стенами никогда не выглядывали из своих лачуг в такое время. Одна из семей в крайней хате услышала её вопль. Но им самим было жутко. Никто не хотел вмешиваться. Кто знает, чем это обернётся для них? Ведь они простые крестьяне, а не рыцари. Что уж взять с этаких... Дорманцы только закрыли засовы на дверях потуже и, взяв вилы из углов, сами притихли в ожидании. Они прислушивались, но бездействовали.

Люси же не успела до них добраться. Убийца поравнялся с кобылой девушки в поле и перепрыгнул на неё. Оба они кубарем покатались по холодной земле.

Потрошитель ловко вскочил и придавил ту ногой к хрустящей траве. Но каждая пядь одежды Люси была наспигована её личными разработками. О которых в ту пору мало кто мог иметь представление.

Девушка большим пальцем ноги надавила на внутренний край своего сапога с высокой подошвой. На конце обуви сверкнуло острие небольшого кинжала. Она замахнулась ногой со всей силы. И лезвие вошло в поясницу убийцы. Потрошитель отклонился назад. Люси хватило времени, чтобы подняться с земли. Но он тут же крепко ухватился за её руку. Ей показалось, что кости вот-вот треснут. Краем глаза девушка заметила, как человек в капюшоне вынимает свой кинжал.

— Ну, ублюдок! Ты меня плохо знаешь! — рявкнула Люси.

Она очень боялась, но в то же время была уверена в своей ловкости и в снаряжении. Девушка придавила локоть свободной руки к колену, нажав тем самым на встроенный крошечный рычаг. Разорвав рубаху на куски, по всей её кисти раскрылся металлический щит, увеличивающийся дальше в размерах.

С помощью него ей удалось отразить удар потрошителя. Воздух пронзило мерзкое скрежетание. С пояса она достала рукоятку, из которой выскочил лёгкий манёвренный клинок с изгибами в форме крючков. Люси ранила нападавшего руку. Пока их безумная схватка продолжалась, девушка всё это время старалась отходить обратно к своей кобыле. Но та побрела прочь от громких звуков борьбы. И Люси потеряла надежду умчаться вперёд быстрее него.

Девушка резко остановилась. Человек в капюшоне тоже замер, как бы присматриваясь к ней и оценивая её поведение. Она не решилась заговорить с ним, так осознавала, что это бессмысленно. Безумец преследовал её до самых стен Остбона. Вряд ли с таким получится договориться.

Люси начинала выдыхаться. Противник был слишком стремительным. Девушка кинулась бежать, но его кинжал настиг её. И тогда она впервые испытала свою тонкую кольчугу, ломающую любое лезвие. Конец клинка у того обломился. Потрошитель явно такого не ожидал. Но боль от самого удара всё же передалась ребрам. Любой вдох теперь доставлял дискомфорт. Она продолжала перебирать со всей мочи ногами. Больше Люси не оглядывалась, пока кулаки её дико не забарабанили по главным воротам. Только тогда девушка поняла, что жива осталась не из-за своей скорости. А потому, что преследователь решил сам даровать ей свободу.

— Откройте чертовы двери! — вопила она, задирая голову к башне. — Меня тут чуть не убили! Ваши дозорные что, все спят?

Девушка прижалась спиной к стене, переводя дух и всё ещё в некоем ужасе вглядываясь в поле. Она видела человека в плаще. Тот неподвижно стоял на прежнем месте, будто бы пронзая её своим взором из-под капюшона. Люси всё это представлялось куда страшнее самой схватки. В разгар боя мало кто думает, потому что на это совершенно нет времени. Но когда ты оборачиваешься назад, то каждой клеточкой своего тела ясно осознаешь всю беду пережитого положения.

— Кто ты такая? — раздался гаркающий голос с вышки.

— Откройте! Вы, ослиные морды! Моего мужа и родственника убили на лесной дороге. И чуть было не изрубили меня прямо перед вашим носом! А вы ни черта не слышали?

— Хватит кричать, женщина! Проходи в боковую дверь.

Потрошитель же скрылся. Люси судорожно перебегала глазами, но больше не могла его найти. Справа от себя она заметила привратника с лучиной в руках.

— Проходи! Чего замерла? Доложишь главному стражнику, кто ты такая и кто на вас напал. Но сначала мы проверим все твои вещи. И сбрось с себя одежду и покажи, нет ли у тебя бубонов.

— Что? — возмутилась девушка.

— Не мне покажешь, тетеря! А одной из служанок.

Люси поспешно юркнула внутрь и скрылась за надёжными стенами столицы. Когда она полностью ощутила безопасность, то выругалась про себя. Их лошади разбрелись. Нужно их изловить. Там все вещи. Но это всё потом. Сейчас же разум полностью пронзило острое понимание того, что Пэн мёртв.

Она повалилась на колени в комнате, где её осматривала женщина в пропахшем табаком и элем платье.

— Что с тобой, милочка? — повела бровью вверх та.

Но Люси больше не могла говорить. Слезы волной хлынули из глаз. Она вздрагивала от собственных рыданий и каталась по деревянному полу. Служанка вычертила в воздухе святой знак. Ей чуть было не почудилось, что в путницу вселился бес. Девушка обхватила свои обнажённые худые колени и скрутилась калачиком. Люси не могла во всё это поверить. Напрочь не могла... У неё был красивый и умный муж. Своё ремесло. И прибыльное предложение в столице. А что сейчас? Как ей быть без милого Пэна? Предстоит вести все дела абсолютно одной в чужом городе. Это было и в прежние времена слишком тяжело для одинокой женщины, не то, что в настоящие дни. Люси представила, как ей будет нелегко и то, как найдёт нового мужа, ведь она ещё молода. Но ей не хотелось другого супруга. Девушка любила Пэна.

— Выпей вина! Может, полегчает? — тихо произнесла вернувшаяся к ней незаметно обратно служанка. — Я услышала от привратников, что кто-то напал на тебя. И что мужа убили.

Люси медленно поднялась с пола и надела свои вещи, лежавшие в куче. Она молча взяла протянутую фляжку и чуть не опустошила ту до самого дна за несколько глотков.

В это время Конрад расстался с Иориком в одном из самых злосчастных и бедных районов города. Так как там самое большое количество представителей разных народов, которым меньше всех повезло в жизни. Им это было на руку: мало кто знал друг друга в лицо. Они разошлись, чтобы не мелькать вдвоём на глазах у остальных. Каждый из них устроился в дешёвых ночлежках, чтобы наутро встретиться в условленном месте.

На рассвете наёмника ожидала смерть. Так как слухи о потрошителе уже дошли до

короля. Люси при первых лучах солнца привели к нему на встречу в зал для приёмов, чтобы она, как очевидица, рассказала все, что видела собственными глазами. Розгальд был в жутком гневе. От его верных подданных практически и так никого не осталось, так ещё и происходят жестокие убийства сеньоров и ценных работников. Правитель в последние дни чувствовал себя не в лучшем состоянии. А сейчас и вовсе негодование извергалось из него, как лава из вулкана.

Его Величество не простил Конрада за безалаберное отношение к важному заданию. Он не мог принять тот факт, что вместо спешки к могиле мага из рода полуночных звёзд, тот отвлекался на то, чтобы выручить остальных. Король винил его во всём, что касалось Узгулуна. И негодование необходимо было выместить. В его голове сложился пазл весьма странным образом.

Розгальд пришёл к следующему выводу. Наёмнику не выплатили большой награды, которую пообещали за выполнение задания. И тот попал в немилость короля. Что лишает его средств к существованию. А без новых важных поручений он не сможет перемещаться между границами городов и графств, ибо те строго охраняют по приказу самого правителя. И это вполне могло толкнуть Конрада, являющегося в своём роде опытным убийцей, на то, чтобы самому обеспечить себя работой.

Розгальд решил, что наемник может быть тем самым потрошителем. Так как всех жертв не грабили, а только лишали жизни. И на такое способен только монстр или безумец. Конрад, конечно же, мог и грабить людей, убив их, но в таком случае все преступления были бы отнесены на счёт разбойничьих шаек. А к таким делам редко призывают наёмных охотников. Обычно преследованием воров и убийц занимаются воины короля. К личностям, как Конрад обращаются только в крайних и более жутких случаях. И у правителя в руках сошлись все карты. Народ напуган. Никто не понимал череду бессмысленных убийств. Кто-то даже говаривал о том, что потрошитель является чудовищем в человеческом обличье. Кому, как не наёмнику выгоден такой исход? Сам убил, сам и будет расследовать преступление. А потом просто-напросто подкинет любой труп и скажет, что потрошитель мертв. И его осыпают золотом местные знатные дорманцы.

Король первым делом после разговора с Люси подозвал к себе своих подданных. Тех, которые частенько являлись его ушами и глазами в городе. Он попросил их поведать обо всём, что известно относительно последних дней пребывания Конрада в Остбоне. И здесь узор на мысленном гобелене расследования в голове Розгальда тоже вышел прелестно. Люди доложили ему то, что для многих вовсе не являлось тайной. Некогда знаменитый и сейчас лишённый практически средств наемник продал боевого коня и пьянствует в дешёвых кабаках. Что играло сильно против него.

Правителю практически никакого труда не составило заразить своими размышлениями советников из общественной палаты. Вердикт, можно сказать, уже был выдан. При том, что сам Конрад вообще и предположить о таком не мог.

Наемник спал в одежде на кровати с клопами в одной из сырых и вонючих ночлежек Остбона. А его уже разыскивали воины, чтобы закрыть в камере для допросов. После которой частенько отправляют сразу к палачу. Всё зависело лишь от того, сможет ли достаточно людей подтвердить на суде, что Конрад не покидал стен города. А в ту ночь такое алиби ему мог обеспечить только Йорик, которого и самого ждала виселица.

На Юго-Западной границе между Дорманом и Мёртвой пустыней

Карлин и Тара без остановки промчались по землям королевства. По пути они несколько раз ограбили разбойничьи шайки, которые на них нападали, думая что, это просто обычные девушки. Сёстрам удалось заполучить необходимые вещи, не теряя сильно лишнего времени.

И сейчас им нужно было пробраться незамеченными через пограничную стену. Головы их покрывали заостренные кверху бармицы, из-под которых тянулась кольчужная сетка, обволакивающая шею и плечи. Тара сняла шлем. Её насыщенные синие глаза при ярком свете походили на поглощающие всё живое серые пропасти. Волосы прилипли к порозовевшим щекам.

— Что используем? — хриплым голосом она обратилась к Карлин. — Убивать же не будем?

Сестра покосилась на ту сквозь прорези забрала.

— Само собой, нет. С каких это пор ты вдруг решила задавать такие вопросы? Что они нам плохого сделали?

— Я очень устала, — Тара посмотрела на свои дрожащие от отсутствия сна руки. — Уже не соображаю. Но ведь нам надо их ограбить. У стражей границы явно полно еды и цистерн с питьевой водой. Нельзя соваться в пустыню без повозки. Лошадей нужно тоже поить.

— Это да. Тара, в этих краях уже сотни лет не видели ни одной живой души. Так что, если всё пойдет плохо в плане галлонов воды, то... — Карлин приоткрыла рот, тяжело вздохнув. — Нам придётся загнать лошадей до их предела, а затем убить.

— Я знаю, — девушка почесала правый глаз. — Ты думаешь, что у меня дрогнет рука?

— Нет, — помотала головой Карлин. — Просто хотела понять, с какой ясностью ты представляешь себе обстановку, в которой нам предстоит выживать. Нигде нет записей о размерах Мёртвой пустыни.

— Как тебе кажется: о нас здесь уже что-нибудь известно?

— Вряд ли. Так что осиное гнездо лучше сильно не ворошить.

— Ясно. Значит, заклинание, стирающее память, будем использовать.

Лошади их тронулись с места, и они направились к последнему оплоту цивилизации. За длинной стеной с башнями простирались бескрайние дюны ярко-жёлтого песка. Но в тех местах не привыкли видеть людей. Только раз в полгода привозили продовольствие торговцы и происходила смена гарнизона. Девушек даже никто не заметил. Они привязали скакунов перед входом в сводчатые ворота и спокойно вошли внутрь. Там их обдала желанная прохлада. Так как после постоянной спешки все их мышцы ломало и жгло. Тара жутко хотела спать. Всё вокруг уже казалось миражом. Липкий вонючий пот разрастался на подмышках. Ноги пахли после такого пути ещё хуже, словно сгнивший лук. Чародейка желала распластаться на кривых больших плитах и закрыть веки.

Над головой равнодушно возвышались своды из коричневого кирпича. Откуда-то доносились крики воинов.

— Тара, ты слышишь? Кажется, они играют в кости. Можно легко их обезоружить. Собрать всё нужное и лишить памяти. Никто никогда не узнает, что здесь были мы.

— Я тут подумала, — волшебница помассировала виски. — А может, ну к чёрту это заклинание? На весь его ритуал уйдёт много времени. Мы всё равно уже с тобой вне закона. Чего нам ещё бояться? Думаешь, что король пошлёт кого-то в Мёртвую пустыню, чтобы преследовать нас? Это ведь бред. Давай лучше, как в старые добрые времена, всё сделаем, — Тара возвела руки кверху.

— Не поняла...

Карлин не успела её остановить. Та разнесла вдребезги боковую стену и проход в соседнее помещение полностью завалило. Стражники, находившиеся там, повскакивали с табуретов и выхватили сабли. Пыль и дым ввели всех их в замешательство. Красные шифоновые балдахины, висевшие под потолком и распускающиеся полностью в период насекомых, вмиг стали бурого цвета.

— Из-за чего случился обвал? — кричал чернобородый предводитель, прикрывая от песка рот рукой.

Но никто не знал, в чем дело. Стражники громко кашляли. Тот, кто не успел вовремя закрыть глаза, теперь совершенно не видел. Грязь от разрушенных стен проникла к ним и всё исколола. В белках очей выступили багровые капилляры.

На шум с другого конца коридора ринулись двое вооружённых копьями постовых. Тара, не торопясь, вышла к ним навстречу.

— Пулсет осинарис! — вырвалось из её обветренных уст.

Невидимая магия со всего маху швырнула их друг об друга. Воздух пронзил лягг железных нагрудников. Ведьма связала стражников и столкнула с лестницы в винный погреб. У одного из них лилась из носа кровь, а второй потерял сознание от резкого удара головой. Когда девушка поднялась наверх, она заметила обеспокоенное лицо Карлин.

— Тара, что с тобой происходит? А если бы кто-то из них умер? Ты ведь их совсем не знаешь. Контролируй свои заклинания. Не забывай о выборе.

— Мне плевать, — всплеснула руками та. — Идём нагружать повозку!

— Подожди, — нахмурилась сестра. — Так ничего не выйдет.

— Ты о чем?

— А ты не видишь? — Карлин положила ладонь на её плечо. — Среди нас никто и никогда не причиняет зла невиновным.

— Да брось! — закинула голову назад Тара. — Я же просто их слегка потрепала. Ничего с ними не будет.

— А если тот, что без чувств, больше не очнётся? Ты об этом не подумала?

— Ну и пусть! — вскричала сестра. Её голубые глаза наполнялись солёной синевой. — Если хочешь, иди и занимайся его лечением. Мне некогда думать о других. Я о себе-то уже позаботиться не могу!

Карлин увидела, как у той без остановки текли слезы. Она только сейчас осознала, что с ней творится. Всё это время Тара держала эмоции и переживания в глубине души. А сейчас эту плотину прорвало. В таком состоянии невозможно было продолжать путь.

Тара громко кричала и со злостью бросала об стену всё, что попадалось под руку.

— Я не могу больше! Не могу!!! — чародейка уселась на пол, прислонившись спиной к тяжеловесным плитам, в которых были выдолблены полуовальные окна. — За что с нашими родителями так обошлись в загробном мире? Они этого не заслужили! — слова её прерывались нервными рыданиями. Она едва успевала заглатывать сухой горячий воздух, врывающийся снаружи. — Мне страшно... Ни черта у нас не выйдет! Мы подохнем в этой

пустыне. У меня уже нет сил, Карлин, — взгляд её опустился и замер. — Сколько можно без остановки идти вперёд? Это невыносимо. Я хочу сдаться. Наша прошлая жизнь кажется призрачным видением, а не явью. Я сильно себя обманывала, думая, что смогу что-то изменить в этом мире. Боги смеются надо мной. Им нравится смотреть на мои мучения и терзания. А сейчас я понимаю, что просто-напросто исчезну. Помру, как беспомощная мышь... И тело моё погребут пески. Я столько боролась, но всё зря. Не верю я больше ни в себя, ни в тебя, ни в кого.

Карлин уселась рядом с ней на корточки.

— А я хочу помыться. От меня несёт, как из трупной могилы. Знаешь, Тара, тебе надо выпить вина и лечь спать. Мы не будем продолжать путь, пока не отдохнём. Насладимся обычными радостями живых перед дорогой. Я не буду уверять тебя в том, что всё у нас получится. Нет... — она провела языком по своим грязным зубам и ощутила кислый вкус. — Но Уиллгармские не отступают. Так что ложись спать. Я сама загружу всё необходимое с помощью магии. Не переживай. Отдохнём и отправимся. Да, скорее всего, мы умрём, не успев что-то изменить. Однако мы хотя бы с тобой пытаемся найти справедливость. В то время как остальные сидят в своих норах. У нас с тобой тоже есть предел выносливости. Но мы не будем смотреть, как над благородными магами издеваются. Ни за что! Мы с тобой тоже попадём после гибели в рабство. Лучше уж попытаться это исправить, пока есть хоть малюсенький шанс. Нежели сидеть и уповать на кого-то. Если ты чего-то сильно хочешь, то лучше сделать это самому. Чем потом быть кому-то должным или благодарным. Нас с тобой ждёт Мёртвая пустыня. А затем долина вулканов. И не надо надеяться, что кто-то пойдёт туда вместо нас. Это наш с тобой путь. Мы не из тех, кто будет умирать в постели, ворча и проклиная жизнь. Мы будем сражаться за тот мир, который желаем. И если уж погибнем в битве, то нам хотя бы не будет стыдно перед самими собой, — Карлин перевела взор на сестру. — Иди отдыхать!

Тара послушалась и, сделав несколько глотков добытого ею из погребка вина, пристроилась на одном из деревянных лежаков в большом зале. Её сознание отключилось за долю секунды. На уставшем лице невольно проскользнуло довольство, оттого, что измученное тело растянулось в предвкушении сладкого, долгожданного сна.

Карлин же осмотрела за это время множество помещений. Распрягла лошадей, вычистила их и накормила. Она с удовольствием заметила, что негоцианты, кажется, совсем недавно были в этих краях с новой поставкой. Так как все хранилища плотно забиты водяными цистернами. Ведьма пробила одну из стен с помощью заклинания и перенесла тяжёлую поклажу. Когда со всем было покончено, Карлин нашла ковши с ведрами и, наконец, помылась. С чистотой и свежестью она будто вновь вернула себе силы.

В путь девушки выехали только после проведенной в последнем рубеже ночи. Они сменили шлемы на серые тюрбаны, а сворованные у грабителей кольчуги на белоснежные туники. Перед их взором простирался океан разгоряченного песка. Стояло марево, от которого рябило в глазах. Дул сухой слабый пассат.

— Нужно преодолеть как можно больше расстояния до того, как начнётся песчаная буря, — произнесла Тара.

— Ты как? Готова? — поинтересовалась Карлин, все ещё волнуясь за состояние сестры.

— Откровенно говоря, нет, — волшебница приняла в седле непринужденную позу, расслабленно опустив руки поверх луки. — Если честно, сама не понимаю, откуда у меня взялся этот дикий, выжигающий всё изнутри страх, вызванный неопределенностью. Но всё в

порядке. Я не намерена больше сдаваться, — Тара взялась за поводья и двинулась вперед.

В пограничной крепости они позаботились о том, чтобы их заложники смогли быстро выбраться. Им оставили пищу и воду, а также мулов. Они осмотрели раненых, оказав помощь. Стражники предупредили их, что как только освободятся, то донесут о их выходках королю. Однако никого из сестёр это уже не тревожило. Девушки смирились с тем, что, возможно, навсегда лишились своего дома. Но в эти времена гораздо важнее было не потерять самих себя...

Никто из них не разговаривал. Кони неслись по пескам, влача повозку. Карлин и Тара сосредоточились на том, чтобы выстоять, несмотря ни на что. Пустыня не должна сломить их дух.

Солнце изматывало, но темп никто не сбавлял.

— Ты тоже это видишь? — отхлебнув воды из фляжки, спросила Карлин.

На горизонте была движущаяся странная стена. Тара быстро спешила.

— Надо прикрыть лошадям глаза и надеть мешки! Скорее! Буря идёт прямо на нас!

Сестры были к такому готовы, поэтому движения все выполняли чётко и ловко, но без суматохи. Защитив морды животных от надвигающейся беды, они повели их за собой на возвышенность холма, чтобы не быть погребёнными заживо. Ветер бушевал с такой силой, что Тару сбило с ног.

— Давай руку! — Карлин подтащила её к себе.

Она заметила, как их повозку начинает кренить. Ещё немного и их размажет в лепёшку собственной поклажей. Ведьма заставила лошадей улечься на землю.

— Создавай купол, Тара! Нас сейчас всех унесёт к чертям!

Небо резко потемнело. Назревал ураган. Чародейка успела сформировать защиту как раз вовремя. Гигантское дерево размером почти с дом, со всего маху врезалось в купол. Девушки в ужасе вскрикнули.

— У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло! — зрачки Карлин расширились до такой степени, что напоминали две отдельных Вселенных. — Хорошо, что лошади ничего не видят. Иначе бы они нас затоптали до смерти.

— Ещё секунда, и наши трупы остались бы здесь навсегда. Ты как чувствовала, — обратилась Тара к сестре.

— Мы потратим много времени, переживая бурю, — Карлин облокотилась о колени. — В идеале надо продолжить путь вместе с щитом.

— Мы так потратим силы. А восстанавливать придётся их едой и отдыхом. Запасы у нас не вечные. Пиво мы, может несколько раз и наколдуем, но надолго нас не хватит. Так что я ложусь спать. Кончится буря и продолжим. Нам особо торопиться некуда.

— Мы вообще-то родителей из рабства пытаемся вытащить, — наморщила лоб Карлин.

— Да. Но днём раньше или позже — не играет огромной роли. Или я неправа? Чтобы преодолеть такое странствие, нужно опираться на то, что имеем. А не растрчивать себя. Хватит уже надрываться и лезть из кожи вон. От нас тогда ничего не останется. Ты видела, что со мной случается, когда я устаю. Измученная ведьма сразу превращается в плохую. Таков закон мироздания. Не я его придумала, — Тара положила сумку под голову и поудобнее устроилась.

— Ты права, — развела руки сестра. — Лучше двигаться небольшими шагами, нежели израсходовать все силы в самом начале.

Она дала воды лошадям, привязав тех к телеге, и сама тоже улеглась спать. А на небе

вспыхивали грозные фиолетовые молнии. Завывание за куполом и гром ублаживали.

Никто из них не заметил, как в смерче неподалёку проявились очертания высокого создания. Тот освещал мрак ледящей кровью улыбкой. Но затем от также быстро исчез, как и появился.

Песок под ними начал двигаться. Лошади почуяли это первыми. Они занервничали и поднялись.

— Что такое? — приоткрыла глаза Карлин. — Тара, зыбучие пески!!! — девушка громко завопила, ударив сестру по плечу.

Но было уже поздно. Огромная плита, находящаяся под дюной, сдвинулась в сторону. И все они полетели вниз, кувыряясь по каменному спуску, идущему словно к самому центру Барнара. Сестры кричали от страха. Магия ни у кого из них не срабатывала. Кони ржали и били копытами. Таре казалось, что это какое-то безумие. Она боялась, что кобылы одним взмахом ноги прикончат их. Сверху летела повозка с тяжёлой цистерной. Мозг перестал соображать. Всё смешалось в дергающемся смертельном клубке. Карлин сильно ударила локтем и в кровь стёрла ладонь, пытаясь зацепиться, чтобы удержаться. Одно животное уже было мертво. Лошадь, падая, свернула шею о стену, и теперь её труп грозил раздавить Тару. А повозка вот-вот раздробит голову Карлин, оставив от той лишь острые крошечные косточки.

Вторая кобыла пронеслась мимо. До их ушей доносилось её ржание, и во тьме скрылись круглые испуганные глаза. Повозка, разбиваясь в щепки, хотела с помощью них проколоть тела девушек. Никто не мог понять, сколько времени они все летели.

Но вот Тара упала на что-то мягкое, но упругое. Это была туша её лошади. Рядом повалилась Карлин. Ведьма едва успела откатиться, как колья от сломанной телеги вонзились в то место. Они прокололи живот трупа и на них попали брызги крови. Чуть вдали покачивалась цистерна. Из неё сочилась вода.

— Что всё это значит? — со злости ударила кулаком по стене Карлин.

— Я не знаю, где мы, но надо скорее залатать трещины в цистерне. Без воды мы не выживем в любом случае.

Тара попыталась использовать магию, но вновь ничего не выходило.

— Слушай, мне это уже совсем не нравится! Мы же не в пограничье, черт побери! Заклинания не работают. Ещё немного, и я начну терять терпение.

Сестры поспешно наполнили полностью фляжки и бутылки вытекающей водой. Они попытались руками перевернуть цистерну, чтобы уравновесить её. Однако трещин было слишком много.

— Идем! — Карлин заплела выбившиеся из-под тюрбана волосы в толстую косу. — Животные мертвы. Цистерну некому везти. Так что берём то, что есть. Нужно найти выход отсюда.

— Как ты думаешь, что это за место?

— Я без понятия. Может, какой-нибудь древний город под землёй.

И тут тонкая струя света исчезла. Они услышали, как где-то высоко наверху захлопнулась плита.

— Такое ощущение, что нас заживо похоронили в склепе, — вырвалось у Карлин. — Ничего не видно. Дай мне руку! Нам придётся на ощупь собирать свои пожитки.

Тара протянула ей свою ледяную ладонь и с дрожью в голосе произнесла:

— Я никогда не боялась темноты, но это место сводит меня с ума. Даже в мире мёртвых

было не настолько отвратительно. Карлин... Кто-то специально нас сюда затащил. Та плита наверху открылась неспроста. И мы не можем использовать здесь заклинания. Кто может лишить ведьму магии просто так?

Карлин передёрнуло от этих слов, и по лицу пронеслась тревожная судорога.

Сёстры долго шарили в крошечной тьме, надевая на свои плечи ремни от фляжек и мешков с пищей. Тара нащупала алебарду с длинным древком и острым обухом, которую забрала в крепости. Она использовала её как посох, чтобы простукивать им путь впереди. Со всем этим делом девушки провозились достаточно долго, так как нужно было отыскать и взять с собой самые необходимые вещи.

— Я не нашла свой лук, — с ужасом произнесла Тара.

— Может быть, он где-то в углу, у стены? Отлетел просто.

— Нет. Я уже всё исследовала. Не мог он вывалиться из чехла, пристегнутого к сумке. Рядом с нами кто-то есть, Карлин, — она с трудом проглотила слюну. — И этот кто-то забрал мой лук. Ты нашла меч?

Сестра молчала и ведьма поняла, что она оказалась права.

— Выходит, что единственным нашим оружием является одна алебарда и нож, что пристёгнут у меня на бедре. И это всё, что у нас есть для защиты. Но ведь мы даже ничего не видим. Как целиться? — у Карлин разболелась голова от всего случившегося.

— Это ещё не самое страшно, — Тара безуспешно вглядывалась в темень. — Тот, кто забрал лук и меч, явно очень хорошо нас видит. Как ты думаешь, кто из богов это может быть? И главное, зачем?

— Возможно, кто-то из сбежавших с небес во время их междоусобных войн? — чародейка приложила руку ко лбу, прикрыв глаза.

— Тогда почему мы ещё живы? — Тара высморкалась от песка в носу.

— Мы так-то могли и во время падения погибнуть, — голос Карлин становился раздражённым. — Вариант только один: с нами хотят поиграть в смертельную игру. И победителями увидеть нас точно не желают. Тара, нам лучше держаться вместе. Не отпускай мою руку, что бы ни произошло.

— Я хотела предложить то же самое. Идём!

Они медленно передвигались, стараясь по большей части прислушиваться и останавливаться. Тара смочила указательный палец и попыталась понять, имеется ли там ветер, способный обозначить путь. Но ничего не ощутила.

— Послушай, мне чудится, или пол здесь под наклоном? Мы идём всё ниже и ниже, — заявила сестра.

— Да. И я заметила.

Они брели несколько часов, но им в темноте казалось, что это была целая вечность.

— А что, если тоннель никогда не закончится? — Тара встревоженно кусала губы.

— Не носи чепухи!

Стена, вдоль которой они шли, исчезла.

— Здесь должно быть какое-то разветвление идёт. Стой! Ты слышишь? Кто-то движется прямо на нас.

Во мгле с каждым разом всё громче раздавались тяжеловесные шаги и скрежет металла о камень.

— Он совсем рядом! Кто здесь? — вскричала Карлин.

— Кто бы это ни был, но он явно не выручат нас пришёл! Бежим! — Тара вцепилась в ладонь сестры, вонзив ногти.

— Но я ничего не вижу. Ты с ума сошла? Так разбиться можно.

Тара потащила её вбок, подальше от шагов. Но некто не отставал от них. Карлин вскрикнула. Острое лезвие полоснуло её по плечу. Она ринулась бежать, выставив руку вперёд.

Сестры неслись, не зная куда и не зная от кого. Дыхание перехватывало от ужаса.

— Ты сильно ранена? — на бегу спросила Тара.

Но девушка не отвечала ей. Карлин думала лишь о том, что бы поскорее увидеть хоть какой-нибудь проблеск света. То, что было в темноте, сводило ее с ума. Тара со всей силы врезалась головой о неожиданно спускавшийся потолок. Волшебница повалилась на землю. В глазах засверкали искры. Она потеряла сознание. Карлин, бежавшая чуть позади, успела остановиться. Пальцы её судорожно водили по лицу сестры.

— Тара! Очнись!

На ведьм накинули железную сетку. Карлин брыкалась, пытаясь освободиться, но тщетно. Их обеих уже волокли по холодной земле.

— Что вам нужно? Отвечайте! — Карлин была в бешенстве.

Чуть позже, когда Тара пришла в себя, вокруг пылали сотни факелов и чаш с углями. Руки её и ноги заковали в металлические обручи. Она сидела на каменной скамье. Внизу, в самом центре, виднелась овальная арена. Пол ее украшали арабески, образуя собой узор, напоминающий рыжие языки пламени. На других рядах сидели люди в круглых прозрачных очках, плотно прилегающих к коже. На всех них висели оранжевые пыльные балахоны. К Таре никто не обращал своего внимания. Люди шумно переговаривались между собой на непонятном ей языке.

— Эй! Кто-нибудь... Что всё это значит? Где моя сестра? — девушка старалась кричать, но она больше хрипела. Очень хотелось пить.

На лбу у ведьмы возвышалась большая красная шишка с запекшейся кровью. Глаза её перебежали по каждой детали. Она старалась уловить хоть что-то полезное, что бы помогло ей разгадать происходящее. И тут Тара увидела, как справа от неё в арке из жёлтых каменных колонн появился высокий мужчина с атлетическим телосложением. Торс его был обнажен. Только за одно плечо и шею крепился золотой плащ. Он являлся весьма красивым. Короткие светло-русые волосы кудрявились на его голове. Широкие каштановые брови придавали ему властный вид. А выразительные кофейные глаза сильно завораживали. В какой-то момент волшебница поймала себя на мысли, что слишком сложно перестать на него смотреть. Он притягивал к себе неизведанной магнетической силой. По его груди стекали капли влаги, будто он только что вынырнул из водоема. Ведьма следила, как они скатываются по соскам и выпирающим мышцам. Тара не знала, что с ней происходит. От него ощущался покой. Она сначала даже не расслышала, что тот говорит своими чувственными губами.

— ...тише! Так что начнём веселье! С арены выйдет только один выживший!

Зал разразился свистом и аплодисментами. Внизу раскрылась металлическая дверь, и через нее вперёд вытолкнули Карлин. Она испуганно озиралась по сторонам. В руках у ведьмы был деревянный круглый щит и одноручный меч.

— Карлин! — вскрикнула сестра. Она попыталась встать со скамьи, но цепи были пристегнуты к полу.

С другой стороны тоже подняли решётку, и появился противник. Он был на несколько голов выше Карлин и широк в плечах. В его проколоте носу висело несколько серых колец

и цепочка. У глаз не имелось радужной оболочки, и это выглядело пугающе. Так как из орбит на тебя смотрела чёрная, переливающаяся на свету мгла. Зубы врага выточены в форме клыков. Он также держал меч и щит. Но в отличие от Карлин, тело того покрывала крепкая броня.

Затрубили в рог, и толпа разразилась новой волной криков. Таре казалось, что ещё немного и у неё остановится сердце.

Мужчина в доспехах ринулся на чародейку. Девушка отскочила в сторону. В соседних рядах послышался смех.

— Карлин, убей его! — прокашлявшись, завопила Тара что было мочи. — Ты сможешь! Давай!

Она ничем ей больше не могла помочь. Клинок противника ударился рядом с шеей волшебницы. Карлин не была мастером в боевом искусстве, но когда-то ему обучалась у своего отца. Девушка помнила, что меч следует держать ближе к телу и прямо перед собой. Так можно вовремя отразить удар. Ее враг в схватке слишком широко размахивал лезвием, открывая тело. Ведьма уже мысленно выбрала цель. Нужно заставить его атаковать.

Карлин замерла. Мужчина рубанул со всего маху. Ещё секунда и голова с тёмными волосами слетит с плеч. Тара привстала на ногах, насколько ей позволяли путы. Зал озарила тишина. Она не могла увидеть, жива ли ещё сестра. Но в следующий же миг крупное тело противника повалилось вперед, на волшебницу. Та отошла, и оно с грохотом рухнуло. По арабескам ровными линиями покатилась его кровь. Карлин смогла попасть куда хотела. Как только мужчина раскрыл себя, она успела, развернувшись вбок, пронзить его шею резким выпадом.

Тара была одновременно счастлива и также пребывала в полнейшем шоке. Всюду разразились недовольные стоны и крики из-за того, что бой кончился, не успев толком начаться. Никакого зрелища не вышло. Тара не ожидала такого от Карлин.

— Все видели, да? Это моя сестрёнка! Вот так вот будет с каждым! Так что лучше похорошему отпустите нас! — кричала светловолосая чародейка.

На её речь обратил внимание красивый мужчина, восседающий на помосте в верхней арке. Он поднялся и попросил тишины, подняв обе ладони вверх.

— Не такого веселья мы все хотели, друзья, верно! Но это только начало. Сейчас будет куда интереснее, — он улыбнулся и кивнул кому-то из толпы.

Карлин окружили люди со щитами и уволокли её обратно. А саму Тару освободили и сбросили на арену.

— Ну нет! — проворчала она. — Только не это!

Её сестру усадили на прежнее место Тары. Той же вручили меч, но без щита.

— А это по-вашему честно? — продолжала возмущаться ведьма, пытаясь унять панику в глубине словами.

Тара сбросила длинную тунику через голову, чтобы движения были полностью свободными. Хотелось даже содрать с себя кожу, так как она задыхалась внутри от ужаса. То, что ей удалось сражаться с такой ловкостью на мечах в пограничье, не относилось полностью к её заслугам. И она всё это хорошо осознавала. Не имело смысла искать ответов сейчас относительно их обстановки. Толпа требовала зрелища и смерти. И нужно постараться выжить в битве.

Когда Тара оголила своё тело, оставшись лишь в одном нижнем белье, походившем больше на очень узкие и тонкие полоски ткани. Среди рядов разразился довольный свист.

Людам явно понравился такой поворот событий. Но ведьма не обращала на них внимания. Она пыталась унять дрожь в руках и настроиться на схватку. Мужчина, который являлся здесь, похоже, главным, тоже ей заинтересовался. Он высунулся со своего каменного сидения дальше, чем обычно. Взгляд его блуждал по её стройному подтянутому телу. И она ощутила прикосновение глаз на своей коже и мельком обернулась. Девушка не прочитала в нём пошлости или ещё чего-то. Он казался невозмутимым. Из-под повязки, прикрывающей чресла ведьмы, по бокам выбивались тёмные кучерявые волосы. А на её ногах при свете огня мерцали жёсткие гладкие волосы медового цвета. Она размяла конечности, чтобы прилить к ним побольше крови.

Решётку напротив подняли. К ней вышел громадный человек. Голову его покрывал шлем с бычьими рогами. Лицо также скрывалось под ним. Из прорезей в железной маске выходил пар от дыхания противника. Он был без щита и без доспехов. Но это Тару не обнадеживало. Лишь говорило о том, что тот самоуверен. Но если этому есть причина, значит, дела ведьмы совсем плохи.

Девушка выставила перед собой меч, стараясь как можно дольше не подпускать его близко.

— Тара, держи руки согнутыми в локте! — кричала с места сестра. — Так ты будешь иметь силу для удара и маневренность.

Волшебница послушалась совета и приняла другую стойку. Она пыталась вспомнить битву в Терминасе. Сейчас ведьма совершенно не верила в то, что вытворяла там с помощью кольца Гильдегарды.

Противник пошел в атаку. На его поясе болталась одна набедренная повязка. А голени обмотаны щитками из твёрдого материала. Их клинки скрестились вместе. Тара всем своим телом ощущала его физическую силу. Лезвие противника жестоко давило на её меч. Она решила довериться своей скорости и ловко выскользнула из-под напора, развернувшись. Но он успел зацепить её спину остриём. Тара почувствовала, как по коже сочится кровь. Рану щипало от солёного пота. Ранение было не серьёзным, однако в бою малейший дискомфорт может привести к гибели. Девушка постаралась не обращать на это внимания.

— Какого чёрта ты творишь, Тара? Не открывай спину! Забудь о кувырках! Ты же не на ристалище, — сестра, сидя на трибуне, сильно нервничала из-за неё.

— А может, я сама разберусь, что мне делать? — лицо Тары полиловело от ярости. Она терпеть не могла, когда чувствовала себя слабее кого-то.

Ведьма отбежала в другой край арены, чтобы отдышаться. Однако противник ей не позволил. Девушка попыталась парировать удар, но он перехитрил, рванув в другую сторону. Если бы Тара не пошатнулась в этот момент, то лишилась бы руки. А так его лезвие лишь сорвало напроць кожу. Чародейка вскрикнула. Из открытого мяса бежала кровь. Ладони её затряслись.

Карлин чертыхалась, сидя на месте. Грудь её вздымалась от разъярённого дыхания.

— Не сдавайся! — во всю плотку заорала она. — Следи за его ногами, а не за руками! Они первыми выдают любое движение!

Тара попыталась сама пойти в атаку. Ведьма начала обманывать, как любила делать это всегда. Она размахнулась сверху, но тут же резко присела, широко расставив ноги. Её удар был бы сокрушительным, если бы враг не имел молниеносной реакции. Мужчина сильно отклонился назад, но удержался на ступнях. Тем самым выбил снизу из её рук оружие. От такого приёма девушку пробрал ледяной пот. Она побледнела.

— Не исправляй ошибок! Уходи! — Карлин с выпученными глазами вцепилась в свои колени.

Тара осознавала, что без клинка ее ждёт смерть, но что-то в глубине души всё же заставило полностью довериться сестре. Она бросилась прочь. Противник подобрал её меч. Если бы волшебница попыталась его ухватить, то уже бы была мертва. Так как так задумал сам враг. Он ожидал, что она ни за что не рискнёт оставить лезвие. Толпа с замиранием сердца следила за всем происходящим.

Тара же с широкими зрачками ждала его у другого конца арены.

— Главное — не рекапитулируйся! Всё будет в порядке! Ты сможешь вернуть оружие!

— Что это значит, черт побери? — Тара посмотрела на сестру.

— Не повторяйся, — Карлин вздернула брови. — Действуй здесь и сейчас. Забудь о прошлом. Уклоняйся по-новому!

Противник с двумя мечами в руках, уже никуда не торопясь, двигался прямо на неё. Чародейка, опустив голову, наблюдала только за его ступнями. Казалось, что сейчас клинки разрубят ее на куски. Сосуды в голове дико пульсировали. С руки всё ещё сочилась кровь из-за отсеченного пласта кожи. Но боли она уже не чувствовала, ибо полностью была поглощена своим дыханием.

Воздух пронзил звук взметнувшихся лезвий. Тара не спускала глаз с концов его кожаных сандалий. Она только сейчас ощутила всю прелесть зренья. Его правая ступня заметно опиралась на пятку, а другая, наоборот, пребывала в расслабленном положении. Только пальцы на левой ноге крепко смыкались. Ведьме это рассказало о многом. Тара теперь знала, как он в точности атакует её.

Карлин же старалась больше не глядеть на арену. Всё её тело трясло, словно в лихорадке. Она и сама не заметила, как, забыв о всей ненависти к богам, принялась про себя молиться о том, чтобы удача сопутствовала сестре в этой схватке. Волшебница даже не понимала, кому конкретно она молится. Будто просила у всех сразу пощады для Тары.

Враг скрестил руки в атакующем ударе. Девушка повалилась на узорчатый пол и, пнув того со всей ярости в колено, выбила его из равновесия. Она рванулась к нему и захватила в болевом приёме руку. В борьбе Тара всегда была куда сильнее, чем в схватках на мечах.

Один клинок вывалился из ладони. Ведьма вовремя успела его подобрать и отступить до того, как лезвие второго вонзилось на то самое место.

Противник поспешно вскочил на корточки и смог прикрыться от её удара. Тара отошла и встряхнула рукой, чтобы снять напряжение. Но она всё ещё казалась одеревеневшей от волнения.

Они сцепились в яростной битве на скорость. Клинки их мечей ударялись и вновь отлетали. Девушка утихомирила свой мозг. Не было больше мочи ни о чем думать. Только движения и ничего другого. Он наступает, она отражает. И так без конца...

Но Тара с каждым разом пятилась всё ближе к стене. Он хотел загнать её. В какой-то миг чародейке от такого темпа представилось, что лезвие не твердое, а словно оно соткано из серебряных нитей. Глаза рябило от призрачных изгибов оружия.

Карлин слышала лязг мечей и понимала: пока что Тара жива. Значит, можно взглянуть вниз. Она подняла веки.

— Нет! — вырвался из её рта оглушительный крик.

А вокруг же всё смолкло. Ноги Карлин подкосились.

Воспоминания Конрада об одной истории, рассказанной ему как-то хозяином лесопильни Ривом

"В забытой богами деревне, располагавшейся среди лиственных лесов, родились два брата с разницей в возрасте в четыре года. В деревне той обитало больше пчел, чем людей. Дома были разбросаны на отдельных участках и огорожены частоколом. Каждый выживал, как мог. А в неурожайные годы соседи делились собственными жалкими запасами с теми, кому ещё больше, чем им самим, не повезло.

Старшего брата звали Яковом, а младшего величали Демидом. У них были и сестры, но так много, что всех имен не припомнить. Да и не особо они нам понадобятся. Росли они дружно вместе, родителям помогали. Отец с матерью нарадоваться не могли, глядя на своих помощников. Ещё будучи детьми, Якову часто приходилось заступаться за менее смышленного Демидку перед нападками родителя, когда Демидка не справлялся со своими простыми задачами или вовсе ослушивался. У Демидки-то кровь была самая горячая. Отец часто поговаривал, что тот пошел весь в деда по материнской линии. Дед их был очень энергичный и упрямый. То, что он согласился выдать свою дочь, а в будущем их мать за отца, было чудом. Многого в свое время натерпелся отец сыновей от тестя.

Демидка был хорошим парнем, но чертovy черты деда громко о себе заявляли. Он любил родных, однако иногда на него находили приступы лени, а вместе с нею и упрямства. Все свои силы Демид тратил на дурачество, нежели на беспрекословное выполнение работы.

Яков же в юном возрасте являлся, наоборот, очень послушным и во всем потакал родителям. Но в одном он не мог занять отцовскую сторону: никогда не серчал на своего брата Демиду, хотя тот часто заслуживал справедливого нагоняя. В остальном они были похожи и всегда держались вместе.

Рано утром ходили на рыбалку, где непоседа Демидка неожиданно нападал на старшего и более сильного Якова и сталкивал того в воду. Но Яков не злился на его характер. Они смеялись, и затем Яков хватал младшего за ноги, раскручивал и бросал самого в реку. А случись в деревне какая заварушка, то Яков, не думая, заступался за брата. Долгие годы они были крепкой опорой друг для друга во многом.

Как-то в один голодный и совсем засушливый год, Демидка, возвращаясь с конюшни вечером, увидел в траве корзину, наполненную сочными овощами, а рядом, кроме стога сена и красивого ласкающего заката, ничего и никого боле не было. Он принес корзину домой, чем сильно удивил всех домашних. Рано утром мать с отцом узнали, что кто-то украл эту самую корзину у Марии, дочери кузнеца. Отец, недолго думая, схватил младшего сына за ухо и потащил привязывать к столбу, чтобы выпороть и оставить вместо кожи и мяса только кости на его спине. Демидка кричал, что он не крал корзину, но доказать отцу он никак не мог, уж слишком хорошо все знали его проказливый характер. Единственные, кто ему поверил: Яков, мать и самая старшая из сестер. Однако отца невозможно было остановить. "Что бы он терпел в своем сыне вора? Да никогда такого не будет! Лучше сам его убьет, — так думал родитель."

Яков не имел никакого права и возможности остановить ярость отца в этом случае, но смотреть, как пытаются его любимого брата и друга, он тоже не мог. Сказал поэтому Яков отцу, что он сам украл ту корзину, чему, конечно, никто не поверил. Но отец решил

проучить обоих, чтобы неповадно было. Их пристегнули к столбу, словно скот. Каждому отец со слезами на глазах, но с возрастающей силой нанес по сорок ударов плетью. Мать со старшей дочерью горько ревели и долго выхаживали братьев. Беда сближает людей, так и вечные уродливые шрамы на спинах сблизили тех ещё больше.

Казалось, что ничто и никогда не способно разрушить этой крепкой, как сталь, братской дружбы. Так и было... Ничто не смогло, но некто смог. Вернее, не некто, а множество скрытых обстоятельств.

Наши замечательные братья превратились в настоящих мужчин. Яков рано начал работать дегтекурором, так как семье жилось туго. И иногда подрабатывал на конюшне. Во взрослом возрасте он без ума полюбил Мириам, черноглазую и ангельскую дочь зажиточного торговца. Девушке Яков тоже приглянулся, но что точно она к нему чувствовала, не понимала. К Мириам многие сватались, особенно когда отец её стал обеспеченным. Родитель хотел для нее наиболее лучшую партию по достатку, да и по порядочности.

Яков не считался совсем бедняком, но и особо зажиточным его не назвать. Хоть он и был шибко красив и силен. Все бабы на него наглядеться не могли. То и дело просили его о помощи, то воду донести, то лошадь запрячь. Яков понял, что уж шибко сердце его тянется к здоровой и румяной Мириам. Он пошел и посватался к ней. Отец ее сказал, что он подумает, да дочь спросит. Но тот уже знал, что скорее всего откажет Якову. Так как другой жених знатный землевладелец Николас, вдовец куда состоятельнее. И человек хороший, бывшую жену свою не обижал. Мириам сама не знала, куда ей деваться. Столько женихов — голова кругом. Она особо даже не выбирала. Николас дарил цветы, помогал во всем, так и Яков же тоже. Яков хоть и куда красивее Николаса и моложе, но ведь и другой не стар ещё, а дети у него чудесные, Мириам их хорошо знала. Николас был коренастым и сильным, да и с полным мешком монет всегда. С ним точно знаешь, что ждет завтра. Яков же являлся высоким и крепким, ну и веселым. В общем, вышла Мириам за Николаса.

С того-то самого момента наш Яков стал изрядно меняться. Если прежде на его лице часто сияла широкая и уверенная улыбка, то сейчас она стала столь редкой и озлобленной, что с ним даже не хотелось здороваться. Он начал часто влезать в любые драки первым и пьянствовать.

Демид тоже уже являлся мужчиной сильным, но не таким красавцем, кудрявым и черноволосым, как старший брат. Росту же они абсолютно одинакового. Демидке повезло, он смог стать ямщиком и возил несколько раз в неделю людей, а также продукты и почту в дальние селения. Чтобы стать ямщиком, нужны деньги на покупку коней и кареты, а также предпочтение отдавалось семьянинам и людям, у которых в поколении уже присутствовали ямщики. Ничего и никого из этого в их семье не имелось. Но Демидка как-то спас во время охоты из проруби одного состоятельного господина и даже подружился с ним. Поэтому тот в благодарность одарил его конями и хорошей каретой в придачу. Он договорился о том, чтобы его назначили ямщиком в их краю.

Демидка не хотел принимать шибко дорогого дара, но родители его сразу же убедили, что от такого не отказываются. Да и господин тот искренне ему был благодарен за спасение своей жизни. А открытый и очень живой характер Демиды вызывал в нём чувство уважения, потому как он считал: люди кругом только и делают, что обсуждают всё за спиной. Вот Демидка не был таковым. Тот имел смелость говорить то, что думает, и мыслил он по-доброму.

Якову же тогда платили в разы меньше, чем младшему брату, но он был очень рад за него, правда, недолго. Вскоре Якова выгнали из конюшни, где он дополнительно работал, потому что тот частенько не приходил или вовсе опаздывал. Положение его стало ещё хуже, и всё это легло тяжёлым грузом поверх отвергнутого сердца. Людей Яков начал презирать без каких-либо на то причин. Когда он иногда встречал веселую Мириам вместе с её мужем, то он не прекращал задаваться вопросом: почему она выбрала не его. Николаса он уважал как человека, но ненавидел за то, что тому так легко всё досталось.

Дома Якову на глаза попадался Демид, которого он всегда защищал и любил этого непутевого, даже тогда, когда остальные его порочили. Демид всегда всё делал неправильно, а он, Яков, был опорой и надеждой семейства. Но сейчас что-то пошло не так. Младший брат стал куда обеспеченнее старшего и больше помогал семье, в то время как Яков едва мог прокормить себя. Всё это было похоже на страшный сон для Якова. Сначала он боялся своих мыслей и даже ненавидел себя за такие низкие размышления. Но чем дольше он силился понять то, как это всё могло выйти с его жизнью, то тем больше ярость накапливалась в нём, вытесняя всё другое. В результате превратился тот в человека, павшего под испытаниями жизни.

Якову не следовало задаваться вопросами о своих бедах, ему следовало жить, чтобы зло не смогло настояться в нём. Но он решительно начал винить в личных неудачах остальных. Всё его непонимание и порожденная зависть, которой в нём никогда не было, выплеснулись именно на младшего брата. Единственное, что могло доставить ему радость, так это то, чтобы он мог увидеть страдание на лице Демида, как когда-то в прошлом. Ему хотелось видеть его несчастным, чтобы не быть таким одиноким в своем горе. Как часто бывает, увы, так, что мы, люди опускаем руки в обществе, в котором хвалят всех, кроме нас. И как часто бывает так, что мы крепко воспрянем духом, если хвалить в обществе будут только нас, а рядом будут страдающие люди. Ощущаем себя благородными божествами в таких случаях: мол, мы лучше так и быть, из жалости и из-за своих высоких чувств поможем, чем сможем несчастным.

В тот момент Якову хотелось испытать такое божественное превосходство, а идеальным человеком, над кем он мог его повернуть, был именно брат, потому как жили они в одной большой семье, в которой оценка со стороны родителей ему тоже крайне важна. Яков перестал мыслить, червь злобы опустошил его до дна, и силы остались только на выполнение конкретных задач.

Он узнал, что брат на днях повезет оплату наемным рабочим в соседнюю деревню, поэтому задумал ограбить того в пути ночью, надев на голову мешок, а затем подкинуть награбленное ему и сдать.

Так Яков благополучно провел своё ограбление, напав на младшего брата при выезде из деревни. Он оглушил Демида, ударив веслом по голове, после чего припрятал всё под его постелью. Демидка, пришедши в себя, воротился в деревню, чтобы доложить наместнику, что его ограбили. Яков же в это время уплатил местному пьянчуге, наказав тому поднять шумиху: мол Демид сам ограбил карету и притворился, будто на него напали. Слух этот разошелся быстро, и строгий наместник приказал проверить избу.

Когда же пропажа обнаружилась под постелью Демидкиной, то разговор был недолгим... Молодцу отрезали оба уха. Мать умерла после этого через несколько дней. Отец прогнал младшего сына. Демид лишился работы и стал навечно изгнанником везде, куда бы он не явился. Яков же вновь почувствовал превосходство и перестал пить и драться, начав

много работать и помогать отцу. Родитель тоже переменялся, видно было, как горе его убивает. Не мог он спокойно больше жить, зная, что сын его вор, а теперь изгнанник. В скором времени умер и он. Остался Яков один в родительском доме. Кошмары снились ему каждую ночь. Когда Яков узнал, что его младший брат живет теперь в жалкой и сырой лачуге в лесу, чуть не помирая с голода, то он хотел было пойти попроведать его, но так и не смог.

С каждым днем совесть Якова всё больше силилась показать ему то, как он обошелся со своей ни в чем неповинной семьей. Однако поздно... Старший брат больше не видел дороги назад, и сознаться он не мог. И хорошо что, Яков не пошел навещать младшего. Ибо Демид знал, что проделать это с ним мог только тот, кто жил с ним в одном доме, а значит, только Яков был на это способен. Когда Демиду отрезали уши, он ни слова не обронил про Якова, потому что ему бы всё равно не поверили, да и он сам до последнего не верил в то, что тот на такое способен. Яков помнил взгляд младшего брата, когда того привязали к позорному столбу. Этот взгляд-то и являлся кошмаром, мучившим теперь его каждую ночь. Демид в то время сам хотел убить своего старшего брата за то, что тот с ним сделал. Каждый день у него чесались руки, чтобы пойти и заколоть Якова, но он этого не сделал, хотя знал, что никогда уж боле простить его не сможет.

Со временем Яков стал зажиточным человеком и семьянином, а Демид так и жил один-одинешенек в своей лачуге, совсем отощавший.

Как-то поздней осенью Яков со своими друзьями отправился охотиться на медведя. Случилось так, что пока остальные ждали у лосиной туши, являющейся приманкой для косолапого, Яков заметил меж деревьев косулю и направился посмотреть следы новой для них затем добычи. Но он далеко отделился и вместо косули набрел на одинокую самку медведя, которая вмиг хотела разломить хребет старшему брату. Ведь в одного на медведя ни один безумец не ходит. Яков обвёл себя святым знаменем, а в этот момент его в лесу-то и увидел Демид, собирающий последние грибы и коренья. Демидка сразу узнал своего старшего брата, хоть и весьма располневшего. Яков к тому моменту уже успел ранить медведиху, чем раззадорил ее ещё больше, но и сам уже идти не мог, она разорвала у него ногу. Копье Якова выпало, и он лишился сознания. В этот момент поспел бегущий к ним Демид. Схватив оружие, он вонзил его в животное, навечно пригвоздив останки оного к земле. Так он спас старшего брата. А на крики Якова уже подходили его обеспокоенные друзья. Демид, убедившись, что брату больше ничего не угрожает, убрался восвояси.

Якова выходили, правда, ногу всё же пришлось отнять, но это наоборот возвеличило его среди поселенцев. Он считался чуть ли не самым славным храбрецом, в одиночку победившим медведя и чудом выжившим. Яков не заметил своего брата, так как пребывал в беспамятстве, поэтому сам он яро верил в то, что сами боги его спасли от смерти. Не мог Яков вспомнить то, как победил, в конце концов, медведя, но перестал вскоре задаваться этим вопросом.

Так до конца дней своих они больше никогда и не виделись. Яков умер в глубокой старости в кругу внуков и правнуков, лишь на смертном одре разрыдавшись, вспоминая о своем брате. А Демид помер на двадцать лет раньше от чахотки, в одиночестве, не пытавшись даже перед смертью простить брата."

— А почему старшая из сестер никогда не приходила к Демиду? — спросил тогда его юный Конрад. — Ведь как я понял, она была вместе с покойной матушкой благосклонна к нему.

— К тому времени она была замужем и на сносях. Как ты понимаешь, ей и своих забот хватало, да и муж был человеком строгим. Никто не поощрял людей, общающихся с изгнанниками, — отвечал Рив, поглаживая свою бороду. — И не будет же она бегать по лесу одна, имея своих младенцев и кучу обязанностей по дому.

— Понимаю... Да, ничего удивительного в том, что сестра выбрала детей, а не брата. Думаю, что любая мать поступила бы также, — Конрад вспомнил о своей и поник. Он решил перевести разговор в другое русло. — Но вот только кто всю эту правду про братьев рассказал?

— В целом история эта стала полной благодаря всем жителям деревни, потому как там все всё друг про друга знают. Но про воровство и про спасение Якова рассказал как раз таки тот самый пьянчуга, которого Яков попросил распусть слух.

"Мужик тот братьев пережил, как неудивительно, но и такое бывает. Так что на смертном одре он-то и поведал, как Яков его подкупил. А как Демид медведя убил и брата спас, он от самого Демида услышал, когда тот бредил в приступе агонии перед смертью своей. Пьянчуга нехороший человек был, да только совесть его мучила больше, нежели родного брата. Пропойца иногда носил жалкие остатки репы в лачугу к Демиду и был единственным, с кем тот общался изредка.

Он не рассказал Демиду, как сам участвовал в роспуске слухов из-за того, что его Яков подкупил. Я думаю, что Демид это и сам догадывался, но не винил оного. Когда пьяница перед смертью всё выложил, то младшие сестры заревели горькими слезами.

И с тех пор передавалась эта история дальше, как некий нравоучительный пример. Мне её поведал мой приятель, который родился в том самом краю, через много лет после описанного."

— Интересно, почему Демид всё-таки спас Якова? Ведь сам хотел его убить, да и не простил даже перед смертью.

— А ты бы спас?

— Думаю, что да, — ответил Конрад.

— Добрая ты душа. А это невиданная редкость.

— Доброта моя здесь не при чем. Всё дело в логике. Мне всегда не нравилось то, что людям свойственно помнить только плохое, а добрые поступки человеческие улетучиваются быстрее, чем дым. Мне кажется, что Демид спас Якова, потому что помнил всё то хорошее, что тот делал для него в детстве. Когда Яков предал младшего брата, то Демид не мог его простить за такое. Но ненависть не обязывает нас забывать добро. Сильное зло способны простить только самые редкостные добряки или дураки. А на зло отвечают только злом безумцы или тоже дураки. У разумных же людей просто-напросто хорошая память. И Демид относился к таковым. Жаль, что жизнь у него совсем горестно сложилась.

— Мне нравится, как ты рассуждаешь, Конрад, — быстро улыбнулся Рив. — Я-то сам всегда за прощение стою. Но очень приятно всё же осознавать, что врагов своих необязательно нужно прощать для того, чтобы помочь им.

Конрад ворочался в постели. Он никак не мог понять, с чего это вдруг вспомнил эту историю, рассказанную ему очень давно Ривом. Наёмник смотрел на низкий грязный потолок, закинув руки за голову. Размышляя, мужчина всё же пришёл к выводу: мало кто способен помнить добро. Так что рассказ хозяина лесопилки вряд ли бы оказал хоть какое-то влияние на озверевшие умы жителей. Он задумался над собственными поступками и не смог отнести себя ни к плохим, ни к хорошим людям.

Конрад услышал за тощей дверью чьи-то шаги, но гостей наемник точно не ждал. Быстро и бесшумно вскочив, затаился у входа с мечом. Со скрипом внутрь проникла незнакомая блондинка с волосами, спадающими ниже плеч. Она находилась к нему спиной с огарком свечи в руках. Во мраке, на фоне теплого огонька вырисовывалось её стройное подтянутое тело в одной облегающей юбке с большим разрезом. Грудь же прикрывала, судя по всему, совсем небольшая полоска ткани на тонких подвесках.

— Кто ты такая? И что тебе нужно? — он приставил к её шее клинок.

Девушка нисколько не испугалась неожиданного появления сзади. Она спокойно развернулась. При свете на него уставились серо-голубые и холодные глаза незнакомки. Под одним из которых был причудливый чёрный узор на коже.

— Меня зовут Фрида. Я аливитянка из земель Саркена.

Конрад заметил, что её красивые груди лишь едва прикрыты вставками из искусного золота, напоминающие по строению кольчугу.

— Я так полагаю, вы знакомы с нашей правительницей Ханной?

— Да. Когда-то встречался с ней. Она оставила моему другу медальон с двусторонним топором. И после осады крепостей о ней разошёлся в окрестностях славный слух, как о замечательной воительнице. Только тогда я узнал, кем та являлась на самом деле. Говорят, что она до сих пор находится в местном госпитале.

— Всё верно. И она тоже успела послушаться там историй о великом наёмнике. Ханна вспомнила и тебя, и твоих друзей. И сказала, что ты хороший человек. А я должна тебя спасти.

— Что? — мужчина сморщил лоб.

— Я бы сейчас и больше рассказала, но боюсь, что у нас слишком мало времени. Если уж я нашла этот ночлег, то и люди короля вот-вот будут здесь. Скажу кратко: я визионерка. Ведаю то, что позволяют небеса. И тебя на рассвете казнят. Так что уходим! Нас ждут лошади.

Конрад не хотел доверяться ей, но в то же время и не понимал, какой смысл той лгать.

— Постой. Я не могу уехать один. Здесь, в городе у меня есть ученица Бригида. Она не поймёт, почему я её бросил.

— У выхода стоит девушка из моего отряда. Так что скорее цапарай записку. Она передаст.

— Но девочка не умеет читать.

Фрида закатила глаза и, схватив его за руку, повела к выходу из ночлежки. Небо уже начинало сереть и проясняться перед рассветом. Под навесом рядом стояла девушка в коричневом плаще.

— Сальма, — обратилась к ней Фрида. — Сейчас наемник изложит тебе на словах

послание. Передашь его кое-кому в городе?

Та кивнула, и Конрад сообщил: где находится Бригида. Он попросил объяснить ребёнку причину его отъезда. И немного погодя добавил шепотом, что если что, то они на целый день останутся в лесу у городка Бьюи. Сальма выслушала и повернулась к Фриде.

— Правительнице мне что-то передать?

— Скажи, что со мной сила нашего народа. И что я решила всё окончательно.

Девушка кивнула и быстро скрылась в соседнем переулке.

— А это ты сейчас о чем ей сказала? Что ты решила? — поинтересовался Конрад.

— Давай я объясню тебе всё, когда уберемся подальше, — она направилась к повороту и свернула на соседнюю улицу.

Наемник последовал за Фридой. Там, у отесанного столба с подковой, находилось две подвязанных лошади.

— Нас будет трое, — мужчина почесал затылок. — Моего друга нужно забрать. Ты этого не предвидела?

— Конрад, а ты знаешь, ясновидящие не абсолютно всё видят, а только кусочки судьбы? — она нахмурилась.

— А как мы поедем?

— Я не кусаюсь. Можешь пристраиваться сзади.

Наемник запрыгнул в седло. Девушка уселась вперёд. От её волос веяло приятным запахом жасмина. Фрида прижалась своими упругими ягодицами прямо к его лобку. Она взяла поводья от второй кобылы.

— Поехали за другом. Чего сидишь? — аливитянка нежно дотронулась до его колена. И от этого прикосновения по коже мужчины пробежали мурашки. У него слишком давно не было женщины.

Они помчались по пустынным улицам. Вдали до них уже доносились крики воинов короля. Те обыскивали все таверны в квартале, громко шумя. Медлить больше нельзя. Разбудив и забрав ворчливого и ничего не понимающего Иорика, беглецы повернули лошадей к ближайшим восточным воротам.

Чтобы вырваться за стены, нужно разобраться с привратниками в постовой башне и повернуть колесо ворота, которое поднимает и опускает мост. Конрад спешил и помчался наверх. Девушка последовала за ним, но наемник уговорил её остаться на месте. Ибо он может прекрасно обойтись без помощи. И будет куда лучше, если аливитянок не заметят во всём этом деле. Иначе у Ханны могут быть проблемы с королём Дормана.

Мужчина отворил узкую дверь и бесшумно проскочил по ступеням витой лестницы наверх. Затаившись за стеной, он услышал, как стражники перекусывали элем и варёными яйцами с мясом. Судя по голосам, их было всего двое. Они обсуждали череду странных убийств в окрестностях.

Конрад вынул из ножен меч и бросился к ним в помещение. Те повскакивали с табуретов. Тела привратников покрывала кольчуга, поверх которой свисали красные накидки. Воины тоже вооружились лежавшими рядом палашами.

— Надо же. Сам наемник к нам пожаловал, — сказал один из них, обтирая длинные рыжие усы от еды. — Тебя уже ищут, чтобы заключить под стражу.

— Я бы на вашем месте дал спокойно себя связать. И тогда в вашем теле не будет смертоносных ран, — заметил наемник, подходя всё ближе.

— Ещё чего! — огрызнулся второй. — Король нас за такое не похвалит. Лишатся

должности и службы из-за такого потрошителя, как ты?

Конрад не сразу понял, почему о нём так говорят. В следующую секунду привратники вдвоём набросились на него.

Наемник своим клинком направил оружие воина вверх и со всей силы пнув, пронзил руку. Тот выронил лезвие. Когда он резко обернулся, то заметил, как второй бежит в соседнюю вышку, чтобы бить в колокол об опасности. Ещё мгновение и этот звук перечеркнет напрочь всё. Конрад быстро вынул нож из сапога и метнул его в шею привратнику. Убегавший замер и с хрипом наклонился назад, раскинув руки в стороны. Тело убитого рухнуло на дощатый пол.

Конрад повернул колесо и отпер ворота, опустив мост. Всадники получили путь к свободе. Кони неслись во весь опор.

— Куда мы направимся? За нами могут устроить погоню? — Бэбкок взволнованно озирался назад.

— Укроемся в лесу, где проходит дорога на Бьюик. Я знаю, как сократить путь. Когда только прибыл в здешние края, мы с Грегори пересекали реку в брод. За мной!

Добравшись до берега, где росли ивы, они пустили коней вниз. Конрад верно вспомнил место. Вода не доходила даже до колен скакунов. Погода была на их стороне. С сизого неба посыпались густо снежинки. Они засыпают собой следы беглецов.

Перебравшись на другую сторону реки, всадники через хлопья снега видели кроны угрюмых деревьев. Оставалось совсем немного. Поэт укутался в свою тёплую накидку еще плотнее. Фрида же вынула из седельных сумок волчью шубу изящной работы, украшенную лазурными камнями.

— У нас в Саркене всегда тепло, а вместо снегов частые ливни. Но я знала, что меня ждут иные земли, — она с некой грустью улыбнулась.

— А зачем нам останавливаться в лесу? — спросил Бэбкок. — Мы же там окоченеем. Не лучше ли отправиться дальше?

— Не замерзнешь. Насобираем ветви лапника. Он поможет сохранить температуру. Костёр разжигать нельзя. К тому же спать не придётся. Нужно стоять на посту. Мы слишком близко к Остбону.

— Ты так и не ответил ему: почему? — заметила Фрида.

— Потому что я обещал Бригиде. Я должен быть с ней честен. Если она захочет остаться ученицей, то мы её дождёмся. Та нуждается во мне.

— Что? — удивилась аливитянка. — Так вот что ты прошептал Сальме? Ты рехнулся? Я, конечно, понимаю, что ты хочешь помочь ребёнку и прочее. Но сейчас не время, чтобы нянчиться с детьми. Конрад, я видела отрывки твоего будущего... Поверь мне, девочке не место там. Рядом с тобой не может быть безопасно.

Конрад ничего не ответил, а повел лошадь дальше, чтобы добраться к лесу до сильного снегопада.

— Подожди... Ты же говорил, что у Бригиды тяжело больная мать в городе. Неужели она оставит её?

— Я не знаю, Бэбкок. Но я обязан был объяснить ей всё и дать шанс. А что с ним делать, пусть решает, как хочет.

Когда компания добралась до лесной полосы. Поэт перепрыгивал с ноги на ногу.

— А у нас есть что-нибудь поесть?

Фрида, которая готовилась к такому путешествию заранее, сняла с кобылы один из

мешков и кинула ему.

— Там много всего. Только сильно всё же не налегай.

Наемник отправился дальше вглубь, чтобы соорудить что-то в форме плотного шалаша и укрыться в нём от непогоды. Ведунья застала его за работой.

— Конрад! — крикнула она, чтобы он мог расслышать, рубя ветки с деревьев.

Мужчина обернулся. Фрида закусила губу, не зная, как начать. Но тот высказался первым. Хлопья снега усыпали полностью его лицо. Виднелись толком глаза и ещё немного борода.

— Так меня считают убийцей? — он опустил голову. — Это безумие. Интересно, как они до этого додумались только.

— По-моему всё логично, — аливитянка постаралась улыбнуться. — У вашего короля хорошо получается размышлять. Ты бы выиграл в суде, если бы не твой друг в опале.

— Он не совсем мой король. Я родом из отделившегося от Дормана в самом начале независимого княжества Линдей. Из городка под названием Чииту. Ульфгард дал добро местным жителям. Они хотели свою экономику и отказались нести любые военные повинности. В княжестве запрещены какие-либо убийства.

— Прямо как у эльфов, — заметила девушка.

— Не совсем. У эльфов же есть воины и сильная армия. Правда, они редко участвуют в боях сами по себе. Только если имеется крайняя необходимость или большая выгода. А линдейцы вовсе не убивают. За это изгоняют из княжества.

— А как же ты? — удивилась Фрида, нахмутив свои грозные темные брови. — Ты ведь наемник.

— Поэтому я и не в Линдее. Я сам покинул родные края. Та жизнь не для меня. Хоть в княжестве и запрещены казни, но народ всё же жесток. В основном живут только торговлей и добычей серебра. У нас много залежей.

— А почему ты решил, что такая жизнь не для тебя? — она приблизилась к нему.

— Потому что я не чувствовал себя в Чииту как дома. И весь Линдей тоже никогда не был мне им. Я не знаю, почему так. Может из-за того, что ничего хорошего со мной там не случилось. За исключением знакомства с одним добрым и мудрым хозяином лесопильни. Он один единственный, кто позаботился о беспризорном паренёчке, каким я был. И научил меня разному ремеслу, чтобы я мог зарабатывать. Однако оставаться я не мог. Мне хотелось увидеть мир и понять через жизни других многое.

— Что именно?

— Не знаю. Хотелось найти свой новый дом. Настоящий дом. Там, где бы всё можно было начать с чистого листа.

— И поэтому ты решил стать наёмником? — брови её поехали вверх.

— Я не сразу решил им стать. Когда я покидал княжество, то собирался найти работу обычного ремесленника. И я много куда нанимался. Всё шло довольно неплохо.

— И что же произошло?

— Это слишком долгая история. Может, лучше ты мне расскажешь, что ты видела о моём будущем. И почему ты идешь со мной.

— Нет. Так не пойдёт. Я хочу узнать, что толкнуло тебя на путь воина.

К ним подошёл поэт, успевший насытить свой желудок припасами аливитянки.

— Фрида, а ты про меня что-то видела? Раз уж ты ясновидящая. Я стану известным поэтом и писателем?

Девушка-воин обернулась.

— Ты скоро умрёшь!

— Что?! — воскликнул Иорик, резко побледнев. — Но как? Я... Я не могу умереть.

— С чего ты взял? Мы все смертны.

— Конрад, она мне не нравится! Пусть уходит прочь. Ты слышал, что она сказала? Как это понимать?

Наемник расхохотался.

— Успокойся, Бэбкок! — произнёс он, перестав смеяться. — Нравится она тебе или нет — неважно. Фрида спасла меня. И она пошутила.

— Разве таким шутят? — выпучил тот глаза. — Мне совсем не смешно. Где это видано, чтобы такие вещи честным людям говорить.

— Лучше отправляйся назад и следи за дорогой.

— Так ничего же не видно. Снег разошёлся.

— Тогда прислушивайся к окрестностям. Нам здесь сюрпризы не нужны. Хватит уже в моей жизни неожиданностей.

Бэбкок, ворча, поплелся обратно.

— А как ты понял, что я шутила? — с серьёзным видом спросила Фрида.

— Ты же привела только две лошади. Сама говорила, что твои видения отрывочные. Если бы ты знала о моём друге, то смогла бы привести третьего коня. Не думаю, что тебя бы это сильно затруднило. К тому же ты не похожа на человека, который скажет такие страшные вещи в лоб.

— Хм... — она сцепила руки за спиной. В снежинках ведунья казалась призрачной королевой из другого мира. — А может, я тебе солгала. И специально привела только двух лошадей. Чтобы мы ехали рядом.

Конрад встал в ступор от такого заявления. Фрида прижалась к нему, и ледяные кристаллы между ними начали таять.

Её рука коснулась волосатого подбородка наёмника, а розовые губы припали к его губам. Наемник не двигался с места, позволяя ей делать с ним, что пожелает. Его будто обдало жаром из парильни от её прикосновений. Он даже забыл о том, что вокруг пляшет прибывшая зима. Руки девушки поползли ему под тёплый камзол и затем забрались в штаны.

— Что ты делаешь? — спокойно спросил Конрад, глядя на неё сверху вниз.

— А ты как думаешь? — после этих слов их влажные языки сплелись вместе.

Её согревшаяся ладонь ласкала его возбужденный член.

Бэбкок тем временем угрюмо прислонился к дереву. Слова Фриды жутко напугали впечатлительного поэта, даже несмотря на то, что он старался воспринять их как глупую шутку. Иорик мечтал о приключениях, о славе и о любви. Смерть в его планы совершенно не вписывалась. Но ведунья заронила в душу страх. "Ну уж нет! Как она вообще смеет? С чего бы это я помер? Я ведь ещё молод и здоров, как бык! Не убьют же меня, — он цепко сжал губы, обдумывая такой исход. — Нет, бред, — мотнул головой. — Конрад скоро обучит меня боевому искусству. И с моей головы не упадет ни волосинки, — довольно заключил тот."

Иорик Бэбкок услышал слева странный хруст и быстро обернулся, выпав из мыслей. Напротив него стоял огромный бурый медведь и злобно глядел на поэта. Косолапый хотел найти много пищи перед спячкой. И, кажется, Иорик его устроил. Сказанное Фридой, тут же вновь ударило его с новой силой. Он как безумный заорал и помчался спасаться за спиной друга. Из глаз его лились слезы.

— Конрад! — вырвался дикий вопль. — Спаси меня!

Медведь ринулся за ним. Зверь был куда быстрее. Когда Бэбкок увидел наёмника, тот резко отпрянул от Фриды и обнажил на этот раз боевой меч. Иорик же чуть ли не запрыгнул в его объятия, если бы тот не оттолкнул друга. Зверь кинулся в атаку, и Конрад едва успел отскочить в сторону. Это животное было явно не ручное и откормленное, как питомцы у гномов. Медведь хотел полакомиться их закопанными трупами перед отходом ко сну.

Агрессивный зверь, проехав по снегу на лапах, метнулся на Фриду. Аливитянка бросилась к лошадям. Конрад понимал, что тут нужно копьё. С мечом слишком опасно нападать на разъяренного зверя сзади. Но необходимо отвлечь внимание от девушки и кобыл, пока та берёт оружие. Иначе они лишатся скакунов. Наемник решил рискнуть. Он со всего маху полоснул по его ноге. Толстую шкуру с таким мехом невозможно поразить полностью с одного удара. Медведь взревел и, не обращая внимания на кровавую рану, ловко развернулся, лишь слегка прихрамывая.

Бэбкок же доверился своему инстинкту и разуму. Он взбирался на ствол дерева, чтобы оказаться как можно выше и не стать ужином для косолапого. Поэт умел с точностью определять свои возможности. Иорик предположил, что только будет всем мешать. От него в таком деле помощи мало.

Медведь раскрыл пасть, оголив крепкие клыки. Но Конрад не сдвинулся с места, вонзив тому в морду клинок. Однако зверь дёрнулся, и лезвие зацепило только его большую щеку. Увесистая лапа с когтями направилась на наемника. В этот миг Фрида разогнались сзади и в прыжке наскочила на спину животному. Это был очень опасный трюк. Она цепко обхватила того ногами и вонзила боевой топор в череп. Багровая кровь хлынула из головы медведя и крупными каплями покатилась по шерсти. Он несколько секунд стоял, шатаясь, и рухнул. Девушка успела вовремя спрыгнуть, чтобы туша не придавала ей конечность.

— Так ты ещё и воин хороший, а не только ясновидящая? — изрёк Конрад, стоявший рядом.

— Аливитянки все воины. В женщинах течёт могучая кровь. Если они только захотят в это поверить.

— "Сила есть в каждой", — процитировал наемник, сказанное ему когда-то Ханной.

— Все так, — Фрида улыбнулась ему глазами.

— Жаль косолапого. Мощное создание. Я освежую его. Шкура повреждена местами, но нельзя её оставлять. Повезу с собой. Сделаю из крупных веток повозку. Мне не нравится, когда от животных что-то пропадает. Надеюсь, что он прожил хорошую жизнь, — Конрад прикоснулся ласково к его морде, прикрыв остывшие глаза. — Мясо тоже нужно нарезать и засолить. Его много, но надо хотя бы часть взять. В такие голодные времена ужасно выбрасывать пищу. Невкусно и жёстко, но лучше, чем ничего, — он провёл по голове медведя рукой. — Спасибо тебе, зверь, за твою жизнь!

— Удивительно. Ты с таким переживанием относишься к гибели разъярённого животного, которое чуть нас не разорвало на куски. Но с таким спокойствием убил одного из привратников. О котором ты рассказал нам при выезде.

— Это разные вещи. Животное не несёт отчёта за поступки. А люди несут. Я не хотел убивать стражника, ибо мне или ещё кому-то он не причинил зла. Но дело касалось все же наших жизней. Если бы он позвонил в колокол, то нас бы загнал целый королевский гарнизон, который и так был на ногах. Я, так или иначе, не успел бы его остановить. К тому же я им предлагал выбор, чтобы не навредить им. Они сами решили предпочесть работу, а не

ЖИЗНЬ.

— Надо было мне идти с тобой.

— Может быть, — он заметил, как Фрида взялась за его руку.

Им пришлось обернуться на неожиданный звук. Оба позабыли о поэте. Бэбкок соскользнул и грохнулся с дерева, взвизгнув.

Королевский дворец в Остбоне

Розгальд восседал на троне, подпирая голову рукой. Нечеловеческие жёлтые глаза его бесчувственно искрились при свете. За сводчатыми окнами, обвитыми кованым железом, щебетали тихо птицы, будто они боялись нарушать покой правителя. В одном из трёх каминов лениво горело пламя. Но короля уже никогда и ничто не могло согреть. Расписные двери, по бокам которых стояли высоченные мраморные статуи родителей Улфгарда и Розгальда, приоткрылись. Внутри с важным видом вошёл дворецкий в белоснежных гольфах и в вышитой золотой нитью ливрее.

— Ваше Величество, — он с таким усердием прижал во время поклона голову к своей груди, что явственно выступил второй подбородок. — Миледи желает войти.

Правитель Дормана едва заметно кивнул, и дворецкий тут же со своим каменным лицом прильнул к двери, чтобы распахнуть её и придержать. В высокий зал чуть ли не бесшумно вошла Тисса. Только ткань её чудесного изумрудного платья приятно шуршала. Королева не надевала больше корсет. Живота же под пышным нарядом ещё не было заметно. Изумрудные цвета всегда придавали ей нежный и беззащитный вид. Лицо имело естественный оттенок. Болезненная бледность прошла. И королева решила в тот день не использовать румяна и пудру. Кожа являлась полностью чистой и открытой, как у младенца. И только бы другие женщины поняли, скольких процедур ей стоила такая привлекательная натуральность.

Тиссе наносили множество масок из глины и из травяных паст, чтобы кожа сияла и была упругой. Миледи хотела ласки. Она желала своего мужа. Разумная сторона ей подсказывала, что ничего не выйдет и что Розгальду совершенно сейчас не до этого. Слишком многое изменилось... Но в её влюбленном сердце всегда будут храниться самые прекрасные моменты их близости. Жена правителя не могла просто сдаться и опустить руки.

Кроль же хорошо знал, что у супруги прекрасный вкус. Он понимал все уловки, с помощью которых та всегда вызывала в нём страсть. Розгальд же и без них всегда хотел Тиссу и думал о ней непрестанно, хоть в разгар битвы. Но только не сейчас...

Когда супруга чего-то хочет, то принимает вид, совершенно противоположный задуманному. Она не выглядела возбужденно. Наоборот, придавала себе возвышенный образ. Только Тисса могла в своём взгляде спрятать трепет и волнение и вместо этого глядеть глазами беззаботного ягнёнка, резвящегося в поле. Ей казалось, что никто не знает о её чарах и безобидных уловках. О том, как тонко она продумывает диалоги в голове наперёд, чтобы подвести к тому, что нужно. Но Розгальд прекрасно знал её натуру. И он даже слегка улыбнулся, понимая, что та и не догадывается. В её наивности и в женской мудрости воистину было нечто великолепное. Король любил в Тиссе всё: начиная от кончиков волос и заканчивая её душой. А вот у него души уже нет. Его смерть, которая являлась для других вурдалаков просто иной, более могущественной жизнью, сводила с ума.

Ему хотелось сорваться с места и припасть губами к её точеным, словно из хрусталя, изящным ногам в лёгких туфлях. Но Розгальд не мог. Он почему-то её боялся. Вернее, страшился того, что столкнётся с пустотой в собственном сердце. Король лишь любовался женой, будто прелестной картиной хорошего художника. И не имел права касаться той руками, дабы не оставить следов на драгоценном полотне. Правитель Дормана решил

запомнить их совместную жизнь в самых достойных тонах. Но не собирался возвращаться к этому, так как сам уже был совершенно не тем. Хотя безумная плотская страсть горела в нём ярче звёзд.

Дворецкий тем временем незаметно выскользнул из помещения, оставив королевскую чету наедине. Розгальд поднялся с места и подошёл к Тиссе, подавая свою руку. Она лёгким движением ладони ухватилась за него.

— Прогуляемся немного в оранжерее? — жена мельком взглянула на него снизу вверх и вновь отвела глаза, стараясь не выдавать своей задумки раньше времени. — Наступили холода. А в зимнем саду всё как летом.

Розгальд не совсем хотел идти с ней в самое отдалённое и безмолвное крыло дворца. Так как это были её собственные покои, и никому не допускалось входить в теплицы Тиссы. Супруга черпала в них душевные силы от красивых ароматных цветов, и её успокаивал фонтан, установленный специально для неё. Она сама занималась многими посадками в оранжерее. Садоводство было её отдушиной. Там она могла размышлять обо всём, пребывая в умиротворённом настроении. Только для выполнения более сложных работ, супруга впускала слуг в сад. И правитель понимал, что там-то она и попытается его соблазнить. Он видел в её лице тоску по нему, как бы та не старалась скрыть. Однако он не мог избежать общения со своей законной супругой и матерью наследника. Если бы так продолжалось, то это бы причинило ей боль. Розгальд же старался, наоборот, обезопасить Тиссу от себя.

— Ты о чём-то конкретном хотела со мной поговорить? — спросил муж, пока они не спеша направлялись по галерее в крыло королевы.

Но миледи не ответила, сделав вид, что не расслышала. Розгальд знал, для чего это было. Она давала ему время, чтобы он исправил свое непростительное поведение. Так как каждый уважающий себя джентльмен первым делом говорит при виде леди комплимент, а потом уже идёт иной разговор. Король осознавал, почему когда-то влюбился в неё с такой невероятной лёгкостью: Тисса очень сладко играла с ним, и ему это нравилось. Вместе они словно актёры, исполняющие роли в нетленной драме о любви. Но самым главным являлся тот факт, что, несмотря на игру, чувства их были абсолютно искренними друг к другу. Это театральная постановка, в которую врываются с головой по обоюдному согласию. И со сцены уходят тоже одновременно, вдвоём. У Розгальда же дернулся глаз, когда он подумал о будущем.

— Милая, ты всегда выглядишь чудесно, — он постарался вложить в свой голос бодрые нотки, но в них проявлялось его внутренняя тревога насчёт их отношений. — А сегодня твой лик мне напомнил сладко пахнущие белые рододендроны из летнего палатца твоей матушки.

Краем глаза правитель Дормана заметил, как губы у супруги быстро шевельнулись и вновь застыли. Словно она пыталась скрыть улыбку.

— Благодарю, дорогой! Мне приятно это слышать, — ответила заготовленной фразой та.

Они спустились по невысокой лестнице, ведущей в коридор, над которым трудились самые умелые зодчие. Тисса любила красоту. И попросила выстроить для неё непохожий на всё остальное, свой неповторимый мир. Лучшие архитекторы Дормана трудились над покоями королевы и над всеми переходами с её стороны. Всюду виднелись консоли в форме волчьих голов с сияющими камнями в глазницах. Своды потолков украшали яркие фрески с изображением завораживающего океана. В окнах же румянились нежно-розовые витражи,

отчего солнечный свет, проходящий через них, наполнял пространство чем-то сказочным и призрачным.

Королева и сама напоминала своим видом нимфу из старинных песен. Её бежевая мантилья из тончайшего органди под цвет туфель, державшаяся на серебряном гребне с опалами, спадала робкой волной на плечи и спину. Розгальд глядел на обнажённую шею и ключицы и видел, как пульсируют её сосуды, скорее даже слышал. Ему хотелось целовать эту кожу, а жестокий, кровожадный инстинкт вампира говорил ему впиться в неё клыками.

Когда они вошли в оранжерею, то там было полно сочной зелени, но не так уж много цветущих цветов. Местами выглядывали пушистые белые цветы и куполообразные голубые. В фонтане со статуей богини Алу, мирно смотревшей в направлении севера, журчала негромко вода.

— Посидим? — жена ласково его спросила.

Розгальд же мечтал умчаться подальше, чтобы не причинить ей зла.

— Да, Тисса, конечно. Только мне скоро нужно возвращаться к делам.

— Хорошо, я как раз хотела о них с тобой поговорить.

Правителя это слегка удивило. Он ожидал от неё страстного напора, но никак не серьёзного разговора. Все-таки супруга сумела в очередной раз его надуть. Как только ей это удавалось, тот не понимал.

Тисса привела мужа к ореховым резным скамьям, стоящим напротив её самых любимых цветов, которые она часто ставила у себя в покоях. Это были малиновые левкой с душистым медовым ароматом. Увидев лишь раз, их, уже невозможно было забыть никогда. То же самое можно сказать и о первой встрече короля с супругой.

Старший брат подбирал ему жену сам. Таков закон. Улфагрд составил список из самых знатных семей, относящихся к древним именитым родам. Туда также включались девушки из Хайриана, так как их прошлое имело общее начало. Улфагрд думал о том, что такой союз бы не помешал. Но Розгальд без сомнений выбрал Тиссу. Остальные либо были страшные и полные, либо совсем глупы. Хотя в их времена женский ум не особо ценился. Но в Тиссе чувствовалась житейская мудрость, и Розгальд решил, что для невесты этого развития достаточно. Конечно, старший брат намекал в большей степени на хайрианок, что гораздо выгоднее с политической точки зрения, на будущее. Тот всегда думал о возможностях мира со всеми соседями. Но Улфагрд не пошёл против любви. В первую очередь он всё же являлся человеком. Он видел, как у Розгальда вспыхнули глаза при одном только взгляде на Тиссу. И на этом вопрос закрылся.

— Так о чем именно ты хотела поговорить? — он вырвался из размышлений.

Жена мягко опустила свою ладонь в кружевной перчатке на его пальцы.

— Тебе что-нибудь ответили из других земель?

— Да. Пришли послания от гномов, сражающихся с Узгулуном. Причём они написали первыми. Сказали, что пытались в одиночку остановить его, но самонадеянность их только ещё больше лишила равновесия, нежели переживания. И они согласны в новой битве воевать совместно со всеми. Гномы очень вспыльчивый народ, что не есть хорошо, но всё же союз с ними выйдет достойный. Так что это неплохая новость.

— А аливитянки из Саркена? Я знаю, что за участие в осаде крепости те не просили вознаграждения. К тому же странно, Розгальд... Ох... Удивительно, что остальные просят даров за общее дело, от которого зависят жизни абсолютно всех. Иногда мне кажется, что только один ты осознаешь всю серьёзность положения, — Тисса сжала его руку. — Так вот,

я ими восхищаюсь. Девушки-воины храбро сражались и ничего не требовали взамен. Это как луч света среди серых туч. Я бы даже хотела их чем-нибудь наградить. Странно, да? — она не дождалась ответа. — Но понимаю, что дорманцы не обязаны одни в мировой войне всем платить. Иначе это выставит тебя, муж мой, не в самом лучшем облике. Ведь не только жадность ужасна. Ужасно также излишнее поощрение. Что о тебе подумают. Скажут, что ты бесхарактерный правитель. Такой добрый Розгальд сыплет всем золотые монеты за общее дело.

— Милая, так оно и есть. Политика — сложная вещь. Необходимо к каждому найти свой подход. Мне всё равно, что обо мне скажут. Но я хотя бы стараюсь спасти мир от лап повелителя хаоса. Что ж. Во всяком случае, аливитянкам мы ничего не должны. Они всё прекрасно понимают сами. А вампиры попросили диких зверей, потому что у них начинался голод. Я сначала жалел о том, что отправил их, так как пришла чума. Но сейчас осознаю, что сделал единственное достойное и верное решение. Король обязан отвечать за свои слова и выполнять обещания. Я, к сожалению, понимаю вурдалаков, как никто другой, — он заметил, как лицо жены поникло, и поспешно захотел уйти от своей личной проблемы. — Если бы я не выслал им пищу, то от голода они бы просто-напросто нападали на людей. К тому же это сильные союзники. Так что всё шло правильным путём.

— А они тебе ответили?

— Да. Обещали присоединиться в случае возвращения Узгулуна.

— И намекнули на награду?

— Нет. В этот раз нет. И не думаю, что я смог бы им что-то обещать. Сейчас голод и болезнь. Урожай пропал. Так что вурдалаки тоже осознали всю серьёзность. Они готовы рискнуть.

— Это же чудесная новость, — улыбнулась Тисса. — А как же эльфы?

Розгальд злобно сжал челюсти после этого вопроса.

— Эльфы, как всегда... Единственные, кто дал уклончивый ответ.

— Это в их духе, — вздохнула королева. — Они что-то просили?

— Не совсем. Но сказали, что посмотрят, что будет дальше, тогда и всё обдумают. Они ведь никогда не любят торопиться. И это жутко раздражает.

— Не горячись, Розгальд. Эльфы самовлюбленные, но всё же не совсем глупцы. Рано с ними ссориться... Они могут ещё сыграть важную роль в будущем. Всегда нужно давать шанс, если есть возможность.

— Тисса, я не рехнулся и не собираюсь идти на них войной. Только не сейчас. У нас совершенно нет сил.

— Я понимаю. Просто не думай плохо о тех, кто, возможно, станет прикрывать когда-нибудь тебя с тыла. Побереги себя. Разочароваться ещё успеешь.

— Ты права, — правитель вспомнил свои ожидания насчёт Тиссы перед свадьбой. Он считал невесту прекрасной, но после венчания узнал, что жена не только красива, а и изрядно умна для женщин её круга.

— Любовь моя, а как же орки? Этот народ служил Узгулуну, так как они совершенно необразованны. Он им пообещал невесту что, а они поверили. Но... Нельзя ли, пока кукловод исчез из-за кулис, постараться объяснить им всю суть? Стой! — она прервала начавшего мотать головой супруга. — Знаю, что ты собираешься сказать. Орки — людоеды, и вряд ли когда-либо удастся сделать из них достойных созданий, однако... — Тисса нервно закусилась своей нежной губой, и та сразу покраснела. — Ты только представь, как бы это

облегчило положение для всех?

— Ты думаешь, что я об этом не думал? — король сдвинул свои кустистые чёрные брови на бледном лице. — Они предадут нас при любой возможности. С такими союзниками не ходят вместе в бой. Орки осознают, что Узгулун им ничего не сделает, так как те нужны ему. И они ни за что не согласятся играть на нашей стороне.

— А вурдалаки? Они пили нашу кровь... Ох... Прости, Розгальд, — в её глазах отразился испуг. И муж подумал, что Тисса боится его. Но она страшилась лишь оскорбить чувства супруга. — Просто я не это имела в виду...

— Хватит! — правитель Дормана поднялся с места. — Мне пора идти.

— Нет. Побудь со мной ещё совсем немного. Прошу!

Король сцепил руки за спиной и направился к фонтану, принявшись бродить вокруг него.

— Тисса, вампиры — наши бывшие враги, — нарушил он тишину после минутного молчания. — И я сам один из них. Но даже до того момента, как меня обратили, я знал, что у них присутствует знание о чести. Я это и в войне против них замечал. Не у всех определённно, но у многих из них. Каждый народ и раса таят в себе всякую дрянь, но также и драгоценные алмазы. У орков же никогда не имелось представлений о высоких истинах. Они словно звери. Им неважно, кого убивать, главное, чтобы было что поесть и как жить лучше. Оркам наплевать, какой ценой доставать то, что нужно. С ними не может быть ничего общего.

— Но ведь рано или поздно, если Узгулун победит, то и им достанется. Это сейчас он к ним терпим, потому что орки ему нужны. Однако, когда повелитель хаоса станет всевластен, то и жизнь орков станет невыносимой. Нужно донести это до них. Им же свойственно, в конце концов, хоть какое-то самосохранение.

— Я говорю тебе одно, а ты слышишь совершенно другое, — Розгальд пронзил её ледяным взглядом. — Ты бы смогла биться, когда у тебя за спиной голодная стая волков? Пойми, в сражении часто случаются перевесы то в одну, то в другую сторону, а орки думают только о кратковременных переменах. Так что, если всё пойдёт совсем худо, то они переметнутся в лагерь врага. И никакие гарантии с их стороны не предотвратят этого. Оказавшись с ними по одну сторону, мы, несмотря на превосходящую численность, всё равно будем слабее. И это при условии, если допустить их преданность.

— Прости, я сглупила, — она поднялась со скамьи и подошла к нему.

— Я бы не сказал, что ты глупа, Тисса. Просто ты никогда не была на поле сражения. И потому ты не понимаешь, как важно воинам верить в тех, кто рядом с ними. Это и дает силу. Если в разгар битвы переживать о доверии между союзниками, то это не сыграет никому на пользу, кроме Узгулуна.

Тисса приложила ладонь мужа к своей щеке и ощутила её холод. Розгальд же стоял неподвижно, опустив глаза. После королева перехватила его руку, зажав ту между пальцами.

— Ты говорил с обер-гофмейстером по поводу финансов?

— Да, — хрипло ответил супруг. — Я приказал, чтобы люди из его комитета тщательно следили за ростом зарплат. Нужно регулирование. В такие времена нельзя допускать взлёта в одном месте. Рабочие нужны везде. А их и без того не хватает. Смертность чудовищная. Также попросил пустить по крупным городам патрули. Всех, кто может трудиться, но ничего не делает, будут в обязательном порядке устраивать в пустующие мастерские и обучать. Важно максимально сохранить экономическое и материальное равновесие.

— Наступили первые дни зимы. Из летописей наших предков мы знаем, что в холода чума слабеет.

— Да. Но весной есть большая вероятность того, что всё вспыхнет с новой силой, если не с большей. Её нападения невозможно предсказать.

— Я обменяла вчера многие драгоценности, которые у меня были, на зерно, мясо, эль и фрукты с последнего торгового корабля из Рельма. Даже рубиновое кольцо и серьги, которые ты мне подарил при первой встрече. И попросила слуг раздать продукты самым бедным семьям. А их так много, что всё это выглядело, будто песчинка в пустыне. Ты не сердишься на меня, что я с тобой не посоветовалась? Просто не хотелось тревожить тебя лишний раз.

— Ты правильно поступила, — он крепко пожал её пальцы. — Это ведь твои украшения. Ты вправе ими распорядиться, как пожелаешь. Мне тут не на что обижаться. Это было бы глупо с моей стороны и низко. Во всяком случае, ты повела себя как настоящая жена правителя. В трудные годы необходимо показать жителям, что мы делаем всё возможное. Люди должны видеть и понимать, что они не одиноки. Твой благородный поступок не всем помог, но зато некоторые семьи сейчас не умерли с голода.

Розгальд заметил, что взгляд у жены стал каким-то мечтательным. Как будто она была уже не здесь.

— А помнишь, как ты нанял певца, чтобы тот исполнил серенаду от твоего лица, играя на виоле под моим окном? — её губы дрогнули.

— Да... Помню. Я ещё совершил ошибку, так как твои родители находились в отъезде. А гувернантки не было дома. И ты находилась абсолютно одна в мансарде. Поставил тебя в крайне неловкое положение. Без позволения отца и матери оказала мне знак внимания. В тот момент ты, видимо, очень разнервничалась и, вся покрасневшая, швырнула из окна целый букет белых роз с такой силой, что мне прилетело им в лицо, словно жёстким венником.

Тисса склонила голову и улыбнулась.

— Всё так. Я жутко волновалась... Не стоило бросать в тебя букет. Хватило бы и одного цветка. Но это хорошо ещё, что я не вместе с вазой кинула.

Король не удержался и рассмеялся. Супруга подхватила его смех. Она впервые с обращения Розгальда видела в нём такие живые эмоции.

— Скажи честно! Ты специально дождался, когда я останусь одна?

— Да. Мне хотелось узнать правду. На самом ли деле я понравился именно тебе, а не твоей семье.

— Я так и думала. Ты потом спас меня, не сказав родителям о брошенном букете в их отсутствие. Девушкам нельзя оказывать своего внимания кому-либо без благословения.

— Если бы я им об этом сообщил, то твой отец прогнал бы меня. Но я, конечно же, в тот момент думал и о тебе.

Миледи подняла на него томный и выразительный взгляд. Она медленно поднесла пальцы мужа ко рту и принялась их целовать и посасывать. Правитель Дормана отскочил от неё, словно ошпаренный.

— Тисса, прости, но мне пора возвращаться к делам, — с этими словами тот быстрым шагом направился прочь.

Королева осталась стоять на месте. Некогда её естественный румянец сошёл с кожи. Она пошатнулась, но вовремя оперлась о мраморные плиты по краям фонтана. Его Высочество присела на них.

Сердце Тиссы придавило тяжёлым камнем. Ей трудно было дышать. Женщина понимала, что это поражение. Что их отношения разрушены страхами мужа насчёт её безопасности. Но миледи не хотела верить в такое безумие.

Она приложила руку к своему животу и понемногу начала приходить в себя. Отбросив всё отчаяние, королева сжала руку в кулак, твёрдо решив биться за любовь ради их ребенка. Тисса не представляла, как они будут растить наследника в напряженной обстановке между ними. Она не вынесет этого. Дитя короля и королевы должно воспитываться в благополучии и заботе. Ему же или ей потом стоять у власти.

— Ну уж нет. Ты меня так не оставишь, — высказалась вслух.

Миледи поднялась и поспешно принялась догонять Розгальда. Супруга намеревалась доказать ему важность их любви. Объяснить мужу, что его опасения только всё усугубляют. Но когда она домчалась до покоев, то дворецкий сообщил, что Его Величество направился в госпиталь, чтобы торжественно встретить правительницу Саркена при её выздоровлении. Тисса осознавала, что придётся отложить самый главный разговор, которого она так боялась.

Король же в сопровождении нескольких советников прибыл к лечебнице. Ему, как правителю, полагалось показать народу, что даже в тягостный период стоит сохранять своё лицо. В руках он держал плоскую шкатулку из синего атласа. В той находилась почётная золотая медаль с лентой, выдающаяся за самые великие поступки. В последний раз такую награду вручали дяде Розгальда за невероятную храбрость в одном из сражений против варваров.

Он вышел из белой кареты и остановился. По серым ступеням спускалась Ханна. Так как нос её был отрублен, место то прикрывалось хлопковой коричневой повязкой. Она очень удивилась такому вниманию к её персоне. Зрачки женщины на мгновение с любопытством расширились, но потом всё стало как прежде. Ханна уверенной и гордой походкой направилась к Розгальду, опираясь ладонями на рукоятку своего боевого топора, висевшего на поясе.

— Что всё это значит, Ваше Величество? — спокойным тоном спросила аливитянка.

— Как ваше здоровье? — вместо ответа король сам задал вопрос.

— Замечательно! А всё благодаря вашим чудесным лекарям и ведьмам-целительницам!

— Я рад, — кивнул Розгальд. — Ханна, мне бы очень сильно хотелось вручить вам самую ценную награду, которая существует в Дормане. Примите эту медаль как знак признательности моего народа. О вашей отваге при осаде уже ходят славные легенды. А мы

ценим и уважаем таких союзников, как аливитянки, — вокруг него пристроились улыбающиеся советники. Король прикрепил ее Ханне на платье возле левого плеча.

Воительнице пожали руку приближённые короля. А горожане, столпившиеся рядом, аплодировали. Для них традиции были небольшим лучом света в ужасе, творящемся сейчас повсюду. Розгальд пригласил Ханну в свою карету. Там они оказались вдвоём. Она сидела напротив него, не совсем понимая, чего ожидать дальше. И решила заговорить первой.

— До меня дошли слухи, что вы ищете поддержки для новой войны против Узгулуна. И полагаю, что вы хотели бы спросить то же самое у нас.

— Всё верно, Ханна.

— Что ж. Если повелитель хаоса вернётся, то мы в деле. Нужно подписать какое-то соглашение?

— В этом нет необходимости. Мне достаточно вашего слова. Однако я не только об этом хотел поговорить, — король поднял с сиденья вторую квадратную шкатулку. — Примите, пожалуйста, скромный подарок. Над ним работали нанятые мастера и также волшебницы, — он протянул ей коробку.

— Как-то слишком много подарков, — она подняла брови вверх, но взяла вещь.

— Вы меня оскорбляете этими словами, — заметил Розгальд, сцепив руки вместе. — Мы также непременно устроили бы в честь вашего выздоровления бал, но только не в данный период. Во времена голода не до веселья.

— Простите, Ваше Величество, если сказала что-то не то, — Ханна открыла шкатулку и увидела подарок.

Им являлся накладной нос под цвет её кожи, со специальными отверстиями и выполненный из неразрушимого материала. Аливитянка не видела на нём никаких креплений.

— Просто приложите его к месту, дальше всё сделает магия, — заметив её замешательство, произнёс Розгальд.

Воительница сняла повязку и сделала, как он сказал. Тот идеально подошёл.

— Вам удобно с ним?

— А... Я... — Ханна не сразу смогла подобрать слова. — Я его даже не ощущаю.

— Прекрасно. Он выглядит в точности как настоящий.

— Не знаю, как вас за это благодарить, — она развела руками и широко улыбнулась. — Я, конечно, могла бы и без него дальше жить. Я непритязательна к своему внешнему виду. Но всё равно так гораздо лучше. Это ведь, наверное, очень дорого!

— Ханна, прекратите, пожалуйста, оскорблять мои поступки. В Дормане не принято говорить о стоимости подарков. Главное, что вам он понравился. Это меньшее, как мы могли поблагодарить вас за вашу храбрость.

Правительница Саркена отвернулась к окну кареты, уставившись на главную улицу Остбона. Её глазам предстали деревья на аллеях, чьи листья уже осыпались. Сквозь вальс снежинок виднелись бюргеры, торопящиеся на работу и кутающиеся в шерстяные плащи.

— В битве за жизнь всегда приходится платить. Я лишилась носа, а вы стали вампиром, — размеренно заявила Ханна. — И это даровало лишь отсрочку. Что-то мне подсказывает, что при следующем столкновении придётся отдать всё! — аливитянка посмотрела на него прямо.

— И думаю, что мы с вами к этому готовы, — улыбнулся Розгальд. — Главное, чтобы всё было не зря.

— А куда мы едем?

— В мою загородную резиденцию. Я попросил всё там для вас подготовить. Вы сможете спокойно отдохнуть перед отъездом домой.

— Я не усидчивый человек и отдыхать не люблю. Мне хватило уже дней, проведённых в госпитале. Так что спасибо большое за гостеприимство! Но мне бы хотелось двинуться в путь уже сегодня.

Ханна вспоминала обо всём рассказанном ей Фридой. Конрада она совсем мало знала, но ей хватило этого времени, чтобы понять: он не может быть потрошителем. Ей хотелось поговорить об этом с королём, чтобы объяснить тому насчёт ошибочного мнения по поводу наёмника. Но она также осознавала, что не принято Розгальду перечить прямо в лоб.

— Как пожелаете. Во всяком случае, мы скоро будем на месте. Ваши люди тоже находятся там. И мы заготовили вам хороших скакунов. Так что можете сразу же трогаться в дорогу. Я выдам свое письмо с печатью. Его вы предъявите на границе, и вас пропустят. Признаков чумы ни у кого из оставшихся здесь аливитянок не обнаружено.

— Чудесно, — в его мимике она заметила какую-то недосказанность. — А я тут слышала, что в столице и в окрестностях орудует потрошитель. Это так ужасно. Наше существование слишком шаткое, словно пылинка на ветру. Сильный враг, чума, голод. И ещё добавились убийства. Как у вас проходят поиски, если не секрет?

— Никаких тайн здесь на самом деле нет, — карета въехала на мостовую. — Если учесть, что, не выходя из госпиталя, вам так многое удалось узнать. Молва летит быстрее языка. Что ж. Мои воины преследуют наёмника по имени Конрад. Возможно, вы его знаете. Весьма известное имя во всех землях.

— Конечно, я знаю его. И даже как-то раз наши с ним пути пересекались. Так вы считаете, что это он потрошит невинных людей?

— Я так предположил. Ему было бы выгодно. Он наверняка рассчитывал таким жестоким способом заполучить себе прибыльное задание. Наёмники любят лишь деньги. В этом вся их суть.

Ханна заметила, как Розгальд покосился на её выпирающие груди поверх платья.

— С таким замечанием трудно спорить, — после минутного молчания отозвалась правительница Саркена. — Но всё же странно, что он оставлял после своего зверства живых. К тому же при побеге из Остбона он тоже не добил одного из привратников. Если бы я была на его месте, то убивала бы всех. Зачем же лишние свидетели?

— Им просто повезло, не более. К тому же Конрад не всемогущ. Он всего лишь человек. Так что вряд ли всё всегда могло находиться под контролем. Но само собой должно было состояться судебное разбирательство. А тот просто-напросто сбежал. Это не играет в его пользу. Кстати, не хотел сразу говорить с вами об этом. Но одну из аливитянок видели в той самой ночлежке, где находился Конрад.

Ханна не понимала, как вести себя дальше. Но на лице всё же изобразила лёгкое удивление.

— Что означает ваш намёк? — как можно спокойнее задала она свой вопрос.

— Абсолютно ничего. Но не могли бы вы нам сказать, когда мы прибудем в резиденцию: кто из ваших сопровождающих воительниц отсутствует.

— А с чего вы вообще взяли, что девушка относилась к моему народу? — Ханна сощурила глаза.

— Потому что на ней имелась одежда, свойственная только аливитянкам. Никто из

местных жителей не носит кольчугу, едва прикрывающую откровенные места так скажем, — он прокашлялся.

— Э... В любом случае, это остаётся сомнительной информацией. Зачем кому-то из моих девушек с ним встречаться?

— Можно привести множество ответов, — король развел руками. — Но мы уже приехали.

Ханне не нравилось, что Фриду заметили. Она быстро соображала о том, как поступить далее. Не сказать правду об отсутствующей бы не вышло. Аливитянка точно не знала, что еще известно Розгальду. Может быть, Сальму тоже видели. В таком случае необходимо сделать вид, что играешь по правилам, и извлечь из этого только пользу для всех.

Его Величество спустился на землю первым и подал руку правительнице Саркена. Они направились по гравию к длинному карамельного цвета зданию с четырьмя этажами. Вдоль дорожки, у самого входа располагались статуи богов, крытые золотом.

— Какой большой! — заметила Ханна.

— Я так полагаю, вы не всё договорили, — оглянулся на неё Розгальд. — Вам, наверное, интересно: зачем же такая гигантская резиденция нужна? Зачем столько комнат? Если честно, то и сам не понимаю. Я очень редко здесь бываю. Это место построили при моём отце, — он только сейчас заметил, что аливитянка трясется от холода. — О боги! Ханна, чего же вы молчали? Я... Я совсем, видимо, глупец. Просто я вурдалак и ничего не чувствую, — он поспешно сбросил с себя меховое пальто и набросил спутнице на плечи.

— Не стоило. Мы же уже почти в помещении. Но спасибо. И обычно женщины не говорят о том, что их берёт озноб. Мужчины сами должны замечать, — она усмехнулась. — Однако это не вам в укор. Понимаю ваше положение.

Они подошли к главному входу, к высоким светлым воротам из дуба, сияющим от покрытия воском. Слуги отворили двери им и придержали. Из большого зала доносились негромкие голоса аливитянок. Ханна направилась к своим людям. Девушки сидели на разноцветных диванах с высокими спинками со скучающими видами. Увидев свою правительницу, те радостно поднялись с мест и направились к ней.

— С выздоровлением! — пронеслось со всех сторон.

Жительницам Саркена не терпелось отправиться в свои земли, чтобы увидеть детей, а затем вновь состязаться в ежемесячных боевых турнирах, добывая славу и почести.

— Благодарю! — Ханна обняла их и заметила на себе ожидающий взгляд короля. Она понимала, что ему требуется немедленный ответ.

— Что ж. А где Фрида? Что-то я её здесь не вижу, — беззаботно заявила она.

Сальма смутилась от такого вопроса воительницы, но догадалась, что всё это может означать, и подыграла. Она принялась озираться по сторонам, как бы делая вид, что сама не в курсе.

— Когда люди Его Величества нашли нас в гостиницах и попросили собраться для встречи здесь, то уже с того самого момента Фриду никто не видел, — ответила за всех пышногрудая и коренастая Моника.

Розгальд услышал то, чего и ожидал.

— Дамы, как вы могли заметить, в Дормане уже начались холода. И я вижу, что не у всех из вас есть необходимые с собой вещи. Я попрошу слуг доставить вам их сегодня как можно скорее. Это ещё одна благодарность вам лично от меня! Все же вас ждёт долгий путь по заснеженным землям, прежде чем вы доберётесь до прекрасного и теплого Саркена.

— За этот дар отдельное вам спасибо, — повернулась к нему Ханна. — Но знаете. Я бы всё же задержалась здесь. И, может быть, ещё некоторые из моих подданных. Просто если Фриду видели с подозреваемым потрошителем и пропали они тоже вместе. То я обязана разобраться, в чем дело. И я, как и вы, привыкла справляться с проблемами по большей части лично, раз уж позволяет время. Хочу тоже участвовать в поисках убийцы. Вы не против?

— Что ж. Признаюсь честно, такого поворота я не ожидал. Но не смею вам отказать, Ханна. В резиденции для вас и вашего оставшегося отряда воительниц имеется всё для удобного проживания. А на заднем дворе располагается конюшня с лошадьми. Так что распоряжайтесь.

— Благодарю!

Правительница аливитянок не собиралась искать Фриду и Конрада, потому что знала, что тот совершенно не при чем. Иначе ведунья бы с ним не отправилась. А за всю жизнь, что она с ней знакома, та никогда не ошибалась.

Ханна хотела найти настоящего убийцу, чтобы снять подозрения с наёмника и также с представительницы своего народа. Люди же короля идут по ложному следу, так что от них пользы в предотвращении смертей не будет никакой.

Мёртвая пустыня

Карлин улыбалась, вытирая искрящиеся на щеках слезы.

— Нет, ну вы это видели? Черт возьми! Тара, я горжусь тобой! — радостно кричала она, забыв о том, что они обе в плену.

Тара любила находиться в центре внимания. То, что ей удалось убить сильного противника на арене без помощи магии и без кольца Гильдегарды, повергло её в состояние эйфории.

Народ же на трибунах активно принялся что-то выкрикивать, указывая на сестер пальцами. Но красивый главарь поднял руку и попросил тишины. Он обратился к ним на родном языке. После чего толпа недовольно принялась покидать свои места. Проницательная Тара догадалась, что это добрый знак.

Чародеек заковали в кандалы вооружённые топорами люди в красных капюшонах и повели их по скрытой в одной из стен лестнице. Карлин продолжала брыкаться, стараясь выбраться, но, заметив спокойное выражение на лице у Тары, начала злиться ещё пуще.

— Да что с тобой! — огрызнулась она, в то время как её подталкивали по ступеням вперёд. — У тебя же в руках было оружие. Как ты им позволила снова себя поймать? Нужно, прорубая головы, выбираться наружу! А ты...

— Карлин, что за бред ты несёшь? У тебя у самой в руках находился меч на арене. И что?

— Тогда вокруг было полно его слуг. А сейчас никого нет, кроме нескольких молчаливых воинов.

Тара закатила глаза и сжала ладони в кулак, парируя ей:

— Иногда мне кажется, что ты умная, но потом проходит несколько мгновений, и всё становится на свои места.

Их привели в прямоугольный жёлтый зал, на стенах которого то и дело полыхали факелы. Там было душно и жарко. Девушки ощущали, как капли пота сливались в ручьи, обильно бегущие по коже. Тара поморщилась, так как рану на спине снова защипало. И от этого ещё и лоб пронзило резкой болью.

За каменным небольшим столом в кресле из такого же материала на красной подушке с кисеей сидел, откинувшись на спинку, тот самый мужчина в золотом плаще. Судя по его мимике: подвижным бровям и губам, можно было догадаться, что он пребывает в весьма довольном настроении. Их загадочный незнакомец попивал из жбана красное вино, придерживая крышку большим пальцем.

— Можете идти. Спасибо! — обратился главарь к своим людям.

— Кто ты такой? Верни сейчас же нашу магию! — в бешенстве, топая ногами, разразилась Карлин.

— Тише, — сестра ласково её осадил. — Здравствуйте, господин бог! — она с хитрецей взглянула ему в глаза. — Я смотрю, после того, как вы покинули небесные покои, вам стало очень скучно среди нас, смертных. Я вас прекрасно понимаю. Вы решили незаметно жить в своём отдельном весёлом мирке. Нашли паству среди жителей этих сухих мест. А я-то думала: почему об этих народах уже множество лет никто ничего не слышал. Я так полагаю, вам здесь нравится. Они преклоняются перед вами, а вы дарите им различные

подарки и устраиваете веселье. Что ж... Только очень отвратительно, когда развлечением служит смерть. Хотя мы для богов лишь насекомые. Так что вам на наши жизни наплевать.

— По вам сразу видно, что вы не инженер. Вы практически всё верно сказали, кроме одного. Те люди не знают, что я бог. Я не люблю шума вокруг себя. Но среди них я главный. Благодаря моим идеям существование обитателей пустыни стало гораздо лучше. Они теперь живут, а не выживают, — он поднялся с места, оперевшись локтем о вершину грубого трона.

— Я ведь правильно поняла: толпа хотела, чтобы мы с Карлин дрались друг против друга, — заявила Тара. — Это было бы увлекательное зрелище. Одна сестра против другой в смертельной схватке. Но, правда, они не знают, что мы родственницы. Во всяком случае, не обязательно понимать чужой язык, чтобы узнать, что на уме у других. Все мы похожи, несмотря на отдельные территории. Различаемся только выбором. Мыслим же одинаково.

— А ты мне нравишься, — тот кивнул. — Мне же всегда казалось, что знания определяют нас. А ты утверждаешь обратное: знания одинаковы для всех, только вот пользуются ими все по-своему. Я бы над этим поразмышлял в какой-нибудь из длинных вечеров.

Карлин наклонилась, потирая кожу на руках от причиняющих дискомфорт ржавых колец.

— Что всё это значит? — чуть не прорычала она, взирая на него исподлобья.

— Успокойся! Можешь не показывать здесь свою агрессию?

— Почему ты с ним так мило беседуешь, Тара? А? Этот ублюдок сделал нас пленницами. Мы могли погибнуть!

— Карлин, наши с тобой жизни сейчас полностью в его руках. Не самое лучшее решение — дерзить ему. Можно же договориться, — Тара прикоснулась к плечу сестры, брэнча цепями.

Мужчина, слышавший всё это, едва сдерживал улыбку.

— Смело с вашей стороны говорить при мне такое. И с чего вы взяли, что я оставлю вас в живых?

— Потому что вы бог! Вы почувствовали нашу магию и забрали ее. И сейчас привели нас к себе, чтобы поговорить. Полагаю, что вам уже надоело всё обыденное. И вам интересны лишь истории. Вы хотите знать, кто мы и куда направляемся.

— Да. И попрошу заметить: если ваш рассказ мне не понравится, то я вас убью, — он вновь уселся на прежнее место.

— Что ж. Нашу задумку вы точно оцените. В общем... Мы с сестрой были в Терминесе. И, как видите, успешно вернулись. Там мы узнали, что над душами волшебников издеваются. Им не дают перерождаться, а просто-напросто делают рабами. Это ужасно. Мы встретили свою мать. Она была очень доброй женщиной и не заслуживает того, что с ней совершили в пограничье. Поэтому мы собираемся с этим разобраться. И сейчас направляемся в долину вулканов, чтобы найти Мантикору. Она должна знать все об иерархии богов. И когда мы поймем, кто из них в ответе за перераспределение душ, то атакуем его, — Тара ожидала, что слушатель начнёт насмехаться над её речью, но тот на удивление был очень серьёзен.

Карлин тем временем уселась на пол, понутив голову. На этот раз страшное отчаяние охватило её. Она хотела сдаться и оставить борьбу.

— Как вам удалось покинуть мир мёртвых? — нарушил минутную тишину бог.

— С помощью кольца Гильдегарды, — Тара с большой жадой внутри взглянула на кувшин. — Можно, пожалуйста, попить? Иначе я рехнусь.

Мужчина кивнул. И чародейка, медленно волоча цепи, подошла к столу. Она пила будто целую вечность. Вино стекало по её щекам и шее, так как сосуд держать было весьма неудобно. Утолив потребность и громко рыгнув, она поднесла напиток сестре.

— Карлин, выпей! Вкусное вино. Ну же! Рано ты сдаешься, — девушка уселась с ней рядом на корточки.

Темноволосая ведьма уже совершенно не желала двигаться с места, но Таре удалось быстро её уговорить, и та тоже с жадностью принялась пить.

— Если вы отпустите нас, то я могу сообщить вам, где сейчас оно находится. И думаю, что вы знаете: эта вещь чрезвычайно ценная во всех смыслах, — волшебница вытерла рот рукой, поднявшись на ноги.

— Я не гонюсь за подобной властью и могуществом.

— А я думала, что все боги спесивые по своей природе, — удивилась Тара такой реакции.

— Когда ты с рождения обладаешь великой силой и оказываешься потом в кругу слабых, то рано или поздно такое превосходство делается крайне удручающим. Это как одна из причин, почему боги не любят жить среди людей. Поэтому, чтобы обрести вновь веселье и вкус, необходимо радоваться совершенно простым вещам. Я уже давно перестал стремиться к высоте. Меня прельщает моя уязвимость. Так что я редко пользуюсь возможностями. Совсем...

— А вы не скажете нам ваше имя? Вас ведь заинтересовала наша история?

— Полагаете: я помогу в этом безумном деле? — он усмехнулся. — Но вы страшно ошиблись... Я и есть тот самый бог, отвечающий за перераспределение душ. И мне нравится песок, как вы могли заметить. Превращу вас, пожалуй, в него с преогромным удовольствием, — тёмная оболочка его глаз вспыхнула ярким серебряным обручем.

У Тары и Карлин перехватило дыхание от горя. Они поняли, что теперь окончательно проиграли: не успели толком ступить на шахматную доску, как ту опрокинули. Чародейки глядели друг на друга, взявшись за руки. Из предсмертного прощания их вырвал громкий смех бога.

— Я же пошутил, — радужная оболочка опять стала кофейного цвета. — Само собой, король пограничья подчиняется не мне. Но зато я знаю, кто за это отвечает.

— И кто же? — грубо спросила Тара, разозлившись на него из-за дурацкой обманки. — Какие у тебя привилегии на небесах?

Мужчина поставил кружку на стол и замахал руками.

— А вот этого я сказать вам не могу. Не хочу быть причастным к данной истории. Однако я вас отпущу. Не знаю: доберётесь вы до долины вулканов или нет. И найдёте ли вы Мантикору — первого божьего ребёнка. А привилегий нет. Со временем они становятся нудными обязанностями.

— Значит, в твоих интересах уничтожить того бога. Если бы было наоборот, то ты убил бы нас. А помогать ты нам не собираешься, потому что боишься его.

— Всё так. Но вот личного интереса никакого нет. Просто мне немного любопытно. И задам вам мой долгожданный вопрос: как вы собираетесь справиться с одним из самых могущественных богов?

— Если мы узнаем его имя, то найдём информацию о нём. Это откроет все слабости.

— Поверьте мне: у него нет никаких слабостей.

— Под этим я подразумевала его поведение. Боги, во всяком случае, предсказуемы и

имеют связь с людьми. Как бы вы нас не презирали, но вы зависите от нашей веры. Так что знания станут оружием.

— Вы полагаете, что Мантикора так просто скажет имя?

— Тварь не обладает небесной силой. А вы вернете нам магию? С помощью неё мы выпытаем у существа все, что необходимо.

— Вот как, — бог зашагал по комнате. — Я не испытываю никакой, собственно говоря, выгоды из всей истории и того, чем она может закончиться. Но... Предлагаю некую концессию. Да. Я верну вам волшебные способности. Мои люди укажут вам лабиринт, который вас выведет отсюда. Там вы сразу же сможете колдовать. Также я предоставляю вам верблюдов. На своих лошадках вы бы всё равно далеко не уехали. И с меня провиант. Ах, само собой, оружие вам тоже отдадут.

— Странно. Обычно при концессии владелец, отдавший в пользование имущество, получает выплату с него.

— Так и есть. Но думаю, что вы уже достаточно оплатили за всё, пока пребывали здесь.

Тара протянула руки вперед, намекая на тяжёлые цепи. Бог щелкнул пальцами, и те со звоном упали с сестёр.

— А своё имя вы так и не назовёте? — ведьма оперлась ягодицами о стол, растирая руки и ноги.

— После того, что вы рассказали. Пожалуй, нет, — он широко раздвинул губы, оголив белоснежные зубы. — Но это уж точно не потому, что я вас боюсь. Просто ещё не настало моё время возвратиться к делам. Считайте, что я на очень длительном покое. Но когда-нибудь моё имя опять заиграет у всех на устах.

— Слушайте, а вы знали о том, что поведала Тара про Терминас? — наконец заговорила Карлин.

— Если вы имеете в виду: известно ли мне это было до встречи с вами, то нет. Я впервые слышу, что души магов поголовно страдают после смерти.

— Но... — она закусилла нижнюю губу. — Не думаю, что так должно было быть по задумке богов. Я ведь права? Это боги даровали нам волшебные силы. И с какой стати нас за это наказывать после смерти? Где же тут разумность?

— Создателям она вообще не свойственна, — подмигнул мужчина. — Чем больше бремени и власти, тем меньше времени на справедливость и логику.

— В таком случае, почему бы вам не поведать об этом другим богам? Пусть они спустятся в пограничье и узнают, что там творится.

— Оу, Карлин, я же объяснял, что бог, отвечающий за мир мёртвых — один из самых опасных. Если я начну против него заговор среди других богов, то боюсь, что успею за это поплатиться до того, как его приговорят к наказанию. Вы же созданы по-нашему подобию. Так почему вы не понимаете, что никто не хочет рисковать собственной шкурой ради неизвестно кого.

— Видимо, по-вашему подобию созданы только трусы, — съязвила Тара.

— Надо же. А мне казалось в самом начале, что вы боитесь меня. Но вам с сестрой страх совсем неведом.

— Нет, как раз наоборот. Но он нас не останавливает, если на кону судьбы близких. И если уж вы не желаете сообщить своим собратьям о несправедливости в пограничье, то поговорите хотя бы об Узгулуне. Я понимаю, что у богов является плохим тоном сильно

вмешиваться в жизнь смертных, но всё же, покончив с нами, тот доберётся и до вас. Вам ведь известно, что у него осколок звезды? С каждым днём повелитель хаоса становится мощнее. Этот осколок может питаться пустотой от взорвавшейся звезды. А это бездонная яма силы. Осознаете, чем всё закончится?

— Впечатлён вашими познаниями о звёздной энергии. Вы, люди, на месте не сидите, как я вижу. Вот за это-то мне и весело среди вас. Тем не менее, я не нахожу смысла, чтобы разговаривать на данную тему с остальными. Им явно уже всё давно известно.

— Так какого чёрта они не действуют? — выпучила глаза Карлин.

— Потому что боги не любят торопиться. Это свойственно только низшим созданиям.

— Низшим созданиям? — вспыхнула Тара. — Не-е-ет! — протянула ведьма, раскинув руки в стороны. — Просто богам наплевать на другие жизни. Вот и все дела. Они сдвинутся с места, только когда настанет острая необходимость для них. Это всё не признак мудрости, а признак тупости. Боги сами обесценивают свои способности.

— Очень грубое заявление с вашей стороны. Если учесть, что они создали вас.

— И что? — насупила та брови. — Я не собираюсь перед ними преклоняться. Они этого однозначно не заслуживают. Ещё не факт, что всех породил первый бог. Где доказательства?

— Никто точно ничего не знает, — размял шею мужчина. — Но всё же не все боги одинаковые. Так что ваша ненависть все равно неуместна. Разберитесь сначала, в чем дело, — он похлопал в ладоши, и внутрь снова вошли стражники. — Укажите девушкам выход отсюда и предоставьте им верблюдов, а также соберите с собой провиант. Не забудьте ещё вернуть лук и мечи.

Сестры последовали за подданными неизвестного бога, но Тара задержалась, обернувшись назад.

— Я перейду на ты. Скажи, ты убивал невинных людей?

— Ну, если можно так сказать. Все заблудшие путники сражались на арене, как и вы сегодня. Выживший отпускался на волю. В здешних краях правда стоит за тем, кто сможет за неё биться. Если кто-то слаб и не готов к яростной схватке, то это только его проблемы.

— Я рада, что ты не жестокий убийца. Потому что ты мне понравился. Ты очень красив. Я бы с тобой покувыркалась. И не один раз, — она улыбнулась. — Но красота не самое главное. Увы... Меня всё же смущают твои развлечения в образе кровавых состязаний. Сила и честный поединок в некой степени чудесны. Но от этого не должна зависеть жизнь невинных. Так что у нас с тобой всё равно ничего бы не вышло. Сострадание тебе явно не знакомо. Ответь: если бы не наша история с сестрой, то ты бы нас уничтожил?

— А какое это сейчас имеет значение? Раз уж ты сказала, что ничего бы не вышло, — он игриво сверкнул глазами.

Тара вышла и догнала Карлин. Бог сдержал своё слово. Им действительно предоставили все необходимое и указали верный путь. Они выбрались наружу, ступая по многочисленным ступеням.

Гребни дюн переливались в голубом звёздном сиянии. В пустыне царила тихая ночь после бури. И холод пробирал до костей. Чародейки закуталась в дорожные плащи, милостиво предоставленные похитителем. Карлин взмахнула рукой, и на песке запылало красное пламя.

— И зачем тратить силы на магию? — заметила Тара.

— Затем, что я проверяла, вернул ли он её нам. К тому же я не вижу поблизости сухих веток. Здесь ничего нет на многие мили. Не мёрзнуть же нам, — она принялась искать вход

обратно в подземелье.

— Зачем ты это делаешь?

— Чёртов бог скрыл его от обычного зрения с помощью иллюзии. Ну ничего. Я сейчас использую одно заклинание.

— Остановись, — Тара схватила её за ладони. — Карлин, не глупи! Собралась вернуться и наброситься на всех? Но ведь он сильнее нас с тобой. Возьмёт и отберёт способности вновь.

Сестра пошатнулась и, разрыдавшись, повалилась на землю.

— Ты права. Я уже не соображаю. Я устала. Мы ни на что не способны!

— Карлин, пойдём поближе к костру. Нужно перекусить и выспаться. В сумках на верблюдах полно еды. И ты всё преуменьшаешь. Мы с тобой вовсе не слабачки. Просто вокруг никому нет дела друг до друга. Но мы не обязаны быть такими безразличными. Обещаю: мы, черт побери, доберемся до долины вулканов и разговорим Мантикору.

— Но я до сих пор не понимаю, что делать потом с разоблачённым богом.

— Помнишь, в голодные годы отец брал нас с собой на охоту? Он говорил, что ловушку можно устроить абсолютно любому живому и подвижному существу. А создатели же живые и явно могут передвигаться. Они не призраки. Если и не убьём его, то навечно закроем в ловушке.

— Это же тебе не дикая птица, Тара!

— Какая разница? С каких это пор ты стала отрицать возможности? Я терпеть не могу людей, опускающих руки раньше времени. Мы ещё живы. А значит, не смей сдаваться! Мне плевать на то, что наша задумка безумна и даже, возможно, неосуществима. Важно лишь то, что мы здесь. И это явно всё неспроста.

— Ты ведь сама сдалась на границе.

— Да. Но уже успела снова передумать. Не позволяй постоянным падениям и подъемам сломать тебя! Бейся до самого конца! Мы ещё покажем этому миру, чего стоят Уиллгармские!

Две недели спустя

Верблюды с трудом передвигали свои ослабевшие ноги. Лица у ведьм были бронзовыми от загара. Всюду стояло горячее марево.

Запас воды во фляжках у девушек закончился ещё день назад. Вокруг же, кроме смертельного бесконечного песка ничего не встречалось. Тара и Карлин заранее пытались с помощью магии приумножить в сосудах воды, но её получалось создать совсем немного, и на животных бы её все равно не хватило. Поэтому сестры пробовали заклинаниями пробить землю, чтобы добраться до каких-нибудь глубоко пролегающих источников. Однако так и не нашли их. На всё это они затратили слишком много волшебной энергии.

Привыкшие же к засушливым условиям звери тоже после такого срока больше бы не смогли продержаться без питья. А чародейки так вымотались, что даже перестали брюзжать. Тара боялась поднимать глаза, чтобы не глядеть вперед, ведь там на протяжении многих дней рассыпалась сплошная безысходность.

— Верблюды идут ещё медленнее, — сиплым от обезвоживания голосом произнесла Карлин. — Ещё чуть-чуть и они повалятся. А мне кажется, что если я сейчас попробую колдовать, то сама грохнусь замертво.

Тара никак не прореагировала на её речь. Она пыталась сохранить последние остатки сил. Чудилось, что если сказать хоть слово, то станет ещё хуже.

Так они и ехали дальше, снова молча и забываясь от усталости во снах. После нескольких часов через уши Карлин до самого мозга добрались отдаленные звуки лая. Волшебница решила, что это призрачный шум. Она уже не различала явь и навь. Глаза застилал лик погибели. И очень сложно было их на чём-то сфокусировать.

— Тара, ты это слышала? Тут разве есть собаки? Но я ничего не вижу. Неужели я теряю рассудок?

Сестра подняла голову и огляделась. С её лица не сходила маска горя. Она тоже ничего не увидела. Но затем ее сухие губы, покрывшиеся коркой, слегка растянулись в подобие улыбки.

— Где-то там тьякают койоты, — заявила Тара. — А это значит, что мы почти добрались до каньона. Проклятая пустыня не победила! Мы спасены! — она хрипло закричала от радости, взмахивая руками.

— Но что, если за столько лет река в нём пересохла? Те легенды, что мы слышали, слишком стары, — Карлин до последнего боялась верить в благополучный исход, ибо её душевное состояние уже висело на волоске посреди пропасти отчаяния.

— Нет, — сестра помотала головой в ответ. — Там, где есть жизнь, точно есть и вода. — Она погладила верблюда по шее и ласково к нему обратилась: — Держись, дружище! Рано умирать. Пройдись ещё немного!

Вскоре перед их взорами предстали высоченные тёмно-зеленые кактусы. И как же приятно было увидеть среди уже пугающего песка хоть что-то иное. Подъехав к ним, девушки слышали трещание, издаваемое гремучей змеей, с любопытством уставившейся на людей.

— Никогда не думала, что буду так счастлива от встречи со змеей, — Карлин вытерла пальцами с глаз слезинки, появившиеся от облегчения.

Чародейки заметили разлом земли впереди и пологий спуск справа. Они спешили и повели животных. Девушки волновались, что те сейчас будут противиться идти и просто свалятся без сил. Но создания учуяли воду, ещё даже не узрев её, и сами охотно заковыляли в речную долину.

— Вода! Вода! — Тара бежала к руслу. Ноги её заплетались, и она много раз спотыкалась. Но при этом умудрялась пританцовывать на эмоциях.

Бирюзовая узкая река довольно петляла между склонами. Верблюды, вытянув свои длинные шеи, присосались к воде. Хлебая её, они от удовольствия прикрывали глаза. Девушки же рухнули рядом с ними на колени и с жадностью загребали руками живительный напиток.

Люди насытились гораздо быстрее зверей, так как те основательно запасались жидкостью в долгий путь. Поэтому сёстры ринулись купаться.

— Я отсюда не вылезу! — заявила Тара и широко улыбнулась.

— Как же хорошо, что в каньон не проникает сирокко. От этого жаркого ветра в пустыне мне было дурно. Казалось, что он высушивает во мне самую жизнь, — быстро проговорила вынырнувшая из-под воды Карлин.

После того, как самая главная потребность была удовлетворена, ведьмы соорудили простой навес из прутьев прибрежных кустов и, распластавшись на земле, задремали.

Проснулись они ближе к вечеру. Из запасов еды, что им давали с собой, осталось лишь несколько сушёных фруктов. В животах дико урчало. И болевые спазмы не давали покоя.

— С утра потихоньку двинемся в путь вдоль реки, — Карлин почесала лопатку.

— Да, больше никакой спешки. Будем делать привалы, — вздохнула Тара и подняла свой лук. — Я пойду на охоту. Нужно подкрепиться чем-то нормальным. Вскипяти воду, пожалуйста. И поищи что-нибудь из диких съедобных растений. Если я вернусь с добычей, то сразу сварим суп.

У чародейки не быстро получилось найти подходящую добычу, но, спустившись по реке чуть дальше, она заприметила одинокого страуса. Так что ужин девушкам был обеспечен.

Закутавшись в накидки, они слушали, как журчит вода при свете луны, и ели горячий суп.

— Если честно, не очень получилось, — вскинула брови Карлин. — Но я и этому рада. Из-за листьев горьковатый бульон. Однако овощей и более вкусных растений я здесь не увидела.

— Ничего страшного. На костре еще отдельно куски запекаются. Они почти готовы. Так мясо будет вкуснее. Но оно нежирное, а суховатое. Эх, — Тара сплющила губы. — Сейчас бы вино не помешало.

— Это точно, — отозвалась сестра.

Верблюды мирно спали, завалившись на бок.

— Тепло им, — съезжилась волшебница. — А вот нам без огня здесь никак. Мы сглупили и не забрали свою одежду с места, где рухнула повозка.

— Слушай, а как ты думаешь, почему тот бог говорил, что его имя будет у всех на устах? — Тара нахмурила лоб.

— Собирается, возможно, сделать что-то заметное. Выберется из своего подземного укрытия и примется создавать какие-нибудь штуки. В общем, без понятия... — Карлин развела руками.

— Лучше бы он чем-нибудь полезным занялся. У него все-таки имеются для этого

небесные силы, — ведьма почесала затылок. — Но из его слов тогда получается, что имя его сейчас никто не использует. Выходит он из забытых богов наших предков. Есть варианты?

— Тара, богов больше, чем на небе звезд. Только толку, как я заметила, от них мало. И тут предполагать придётся долго. А я спать ложусь.

Но её сестра ещё долго не смыкала глаз, так как перебирала в голове всех канувших в лету создателей, пытаюсь вспомнить о них истории из сохранившихся до нынешних дней манускриптов. Незнакомец из мертвой пустыни захватил её мысли. На неё подействовала не только его красота, но и то, что могло быть за ней.

За десять дней сёстры преодолели каньон, и им пришлось его покинуть, чего делать совсем не хотелось. О самой долине вулканов они ничего практически не знали. Будут ли там звери и озера, являлось самым важным.

Местность с вулканами выглядела не обнадеживающе, даже несмотря на то, что все они не извергались в данный момент.

— Если какой-то из них начнёт действовать, то нам придётся использовать порталы, — лицо Карлин покрывала гримаса плохого предчувствия.

— Это опасно, но выбор здесь вряд ли предоставится. Мы про мертвую пустыню слышали немного больше, и ты помнишь, чем чуть всё не закончилось на четвёртый день! Жаль, что мы не можем перемещаться с помощью магии в местах, которые плохо знаем.

— Да уж. Как твоя рука, кстати, Тара?

— Уже лучше. Но я действительно боюсь использовать здесь порталы. А то в следующий раз не успеем вовремя закрыть, и расщепит на куски.

— Хорошо, — Карлин спрыгнула на чёрную хрустящую землю. — Мы не знаем, где именно искать Мантикору. И у нас не так много воды и еды, чтобы мы могли оставаться в долине вулканов надолго. Поэтому давай проведем обряд, чтобы найти присутствие её божественной энергии.

— Что? Но... Ты ведь понимаешь, что он не действует совсем далеко? И для этого надо принести жертву.

— Да, — сестра оперлась руками о талию. — Поиск внеземных созданий зависит от чьей-то смерти. И чем больше крови, тем больше охват пространства. Поэтому придется убить одного верблюда.

— Н-е-е-т! — Тара закрыла глаза и тяжело вздохнула. — Может, мне удастся подстрелить кого-то из других зверей?

— Оглянись вокруг! Разве здесь хоть кто-то выживет? К тому же верблюд крупный. В самый раз.

— Кто вообще придумал такие кровавые обряды?

— Тара, ты шутишь? Хватит возмущаться. Ты что, забыла, для чего мы сюда пришли? На последних этапах обучения рассказывали, что найти божественный след помогают демонические силы. А они принимают только страдания, как плату.

— То есть демоны играют и на стороне добра? Они же могут помочь обнаружить божественного представителя и в хороших целях!

— Да. Так как раз часто и случается.

— Но... Зачем им это? Они же терпеть не могут их.

— Видимо, мы с тобой по очереди соображать перестаем, — усмехнулась Карлин. — Демоны за усиление своих сил готовы помочь и кому-нибудь из создателей.

— Я что-то перестала видеть, где здесь логика.

Карлин закатила глаза.

— Тара, иногда живые создания делают вещи себе же во вред, но только затем, чтобы получить пользу в будущем. Ты как будто первый день как родилась. Понимаешь...

— Чем это несёт? — перебила ее та, сморщив нос. — Черт побери, что за отвратительная вонь! — она огляделась. — Меня сейчас вырвет!

Они услышали вопль и взмах крыльев. Сверху на них мчались зловонные гарпии.

— Я думала, что твари давно вымерли, — Тара уставилась на них, раскрыв рот. — Ладно. Разберёмся! — ведьма выставила руку вперёд, раскрыв ладонь и растопырив пальцы. — Репальсива теннита!

Она запустила в полуженщин-полуптиц мощную шумовую волну. Но одна из гарпий создала магический ярко-жёлтый щит.

— Что? — Карлин вздрогнула. — Гарпии не могут обладать волшебными силами! Как она отразила атаку? Мне это не нравится!

Летучие враги приблизились и вцепились огромными изогнутыми когтями в горбы верблюдов. Животные в ужасе замычали и закричали. Чародейки попытались освободить их заклинанием, но гарпии уже подняли зверей и сбросили с высоты.

— Тара, бежим!!!

— Ну уж нет! — чародейка вырвалась из её рук. Её голубые глаза окрасились в пурпурный цвет. — Вененам небула!

Тара ожидала, что через ядовитый барьер твари точно не пройдут. Но заклинание не оказало на них никакого эффекта.

— Их слишком много, и они сильнее нас! Откуда у них такая устойчивость?

Гарпии спустились на землю. Одна из них, с седыми спутанными волосами и очень тонкими губами, шагнула навстречу к ведьмам, указывая на Карлин своим обугленным пальцем.

— Твоя душа... — её ромбовидные зрачки судорожно скользнули по волшебнице. — Отправится с нами!

— С чего бы это? — темноволосая ведьма старалась сохранить хотя бы каплю самообладания.

— Король пограничья ждёт тебя! Он нанял нас, и охота за беглянкой началась, — гарпия улыбнулась коричневыми зубами и почесала свою обвисшую до пупка грудь с тёмными большими сосками.

— Вот как? — вмешалась Тара. — И что он вам за это обещал? Наделил вас магическими способностями и всё?

Полуженщина-полуптица не стала ничего отвечать, а вместо этого резко раскрыла рот, выпустив оглушающую волну. Ведьмы отлетели назад на пару метров. Карлин ушиблась затылком о камни и не смогла сразу подняться. Таре пришлось одной отражать нападения с разных сторон. Она едва успела создать купол. Но заметила, как тот начал дрожать и трескаться.

Сестра пришла на помощь вовремя.

— Заряди лук! Я прикрою!

Карлин окутала всё дымом. И гарпии не могли их увидеть. Тара воспользовалась моментом и начала отстрел. Стрелы сами летели в нужную цель. Рядом послышались громкие звуки от падения трупов.

— Две есть!

Но оставшиеся наемницы короля Терминаса быстро рассеяли клубы дыма и начали прикрываться щитами.

— Мы их не одолеем! Нужно рискнуть и создать портал, — Карлин отбивалась от ударов, стоя спиной к сестре.

— Ты рехнулась? Нас расщепит! И кто тогда за нас завершит начатое? — прокричала Тара, едва сдерживая натиск. — Я попробую призвать на помощь каменных титанов! Если и это не поможет, то... — она не договорила и переключилась на заклинание.

Из жерла дремлющих вулканов начали выбираться титаны с лавой вместо глаз. У чародейки это отняло много сил.

Карлин ощущала, что больше не сможет долго сопротивляться. Гарпии не прекращали швыряться в них разрушающими вспышками.

Титаны приблизились. Земля содрогалась под их ногами, но они были неповоротливы. Загородив собой чародеек, принялись ловить тварей раскалёнными руками. Чтобы поразить титанов, требуется множество атак.

— Ты как? — Карлин посмотрела на Тару. — Пока они их удерживают, убираемся!

Та ей кивнула. Ведьмы ринулись прочь со всех ног. Две гарпии уже прорвались и принялись их преследовать.

Волшебницы обернулись только на жуткий крик. Титанам удалось переломить кости одной из них, сжав её в кулаке. Полуженщина-полуптица обмякла на каменных широких пальцах создания, а тело твари спалили лавой.

— Они нас догоняют! — Карлин тяжело дышала. — Без портала нам не выжить!

Тара видела, как руки сестры тревожно трясутся. Ведьма осознавала, что долго им не продержаться против тьмы гарпий.

— Перемещение в пространстве слишком рискованно в неизвестном месте. Нам с тобой вдвоём нельзя рисковать, — лицо Тары побледнело.

В это время наемницы короля мертвых вновь атаковали. Карлин из последних сил создала купол.

— Из двух зол придётся выбрать меньшее! Сейчас или никогда! — прокричала она.

— Нет. Не придётся. Послушай, Карлин, ты ведь помнишь, что я изучала вместе с Амелией переход использованной энергии из одной материи в другую? И я могу попробовать применить максимальные возможности всех заклинаний. Тебе придётся самой осуществить задуманное! Сражайся за права магов, Карлин! Найди бога и обхитри его!

— Что ты несёшь! Они пришли за моей душой! Значит, лучше я вернусь в Терминас. Ты им не нужна! Устраивать обманки можешь только ты! Я люблю тебя! И не позволю тебе такое совершить! — чародейка развернулась и подняла руки вверх. — Я готова добровольно вернуться в пограничье! — прокричала гарпиям, убирая сдерживающий и потрескавшийся купол.

Сестра полными боли глазами смотрела ей в спину.

— Прости, Карлин, — прошептала про себя Тара. — Но я не для того тебя спасала из мира мёртвых, чтобы ты так скоро снова очутилась там, — она щелкнула пальцами.

Темноволосая ведьма шла на встречу к ожидающей её с ритуальным кинжалом гарпии. Но застыла на месте, увидев, как все наемницы из Терминаса начали падать замертво на землю, изрыгая кровь. Карлин резко обернулась назад. Сердце девушки словно перестало шевелиться, окислившись и заржавев от ужаса.

— Тара!!! Зачем? — казалось, что от её вопля задрожали высокие черные вулканы в

округе.

Карлин подскочила к упавшей на спину сестре. Глаза её уже не двигались. Из них медленно лились струйки крови, а раскрывшиеся губы заволакивала серо-голубая тень.

— Ты дура!!! — чародейка кричала во всё горло. Тело Карлин пробивала дикая дрожь. — Зачем?!! — волшебница вцепилась в свои волосы, — Зачем?!!

По щекам хлынули горячие слезы. Она рухнула рядом с трупом, начав бить землю руками и швырять куски грязи. Взгляд у Карлин стал безумным.

Ведьма чувствовала, как начинает задыхаться. Она оттягивала от шеи тунику с такой яростью, что распорола её.

Карлин заглывала воздух ртом. Весь нос был забит слезами. Она потеряла себя. И не верила, что сдвинется с места. Всё вдруг стало таким призрачным... Пустым

Лес возле дороги на Бьюик

Наступил следующий день с того момента, как Конрад ускользнул из Остбона. Ночь выдалась суровой из-за снежной бури. Люди укрывались под шубами в самодельном шалаше из вечнозеленых веток.

Наёмник успел соорудить легкую бесколесую повозку. Он подвязал её к одному из скакунов и развесил на ней под покрывалом большую медвежью шкуру.

Пора было отправляться в путь. Поверх потников лошадям под сёдла постелили меховые чепраки. Бэбкок уже дожёвывал свой завтрак — солонину. Безмятежное голубое небо без единого облачка призывало к действиям.

Конрад прошёлся до линии леса, где, остановившись, внимательно, прищурившись вглядывался вдаль.

— Ждёшь её? — сзади подошла Фрида, обвив его шею руками.

— Она не оставит мать. Но я хотя бы через Сальму смог объяснить ей, почему покидаю эти края.

— Ты переживаешь за неё, — она потёрла по его груди ладонями.

— Бригида не глупая. Они вдвоём с матерью смогли преодолеть множество земель. Она не пропадёт. Смекалка у девчушки точно есть. Но... Ей, как и всем в её возрасте, нужны хорошие друзья. Я это по себе знаю. Нельзя ребёнку быть совершенно одному. А она везде чужая.

Фрида поцеловала его в щеку.

— Может, позже вы с ней встретитесь? Отправим к ней какого-нибудь посланника, когда сами очутимся подальше от Дормана? Как тебе идея? Мы позаботимся о ней.

Мужчина обернулся к ней и посмотрел в серые глаза.

— Ты же говорила о том, что ребёнку будет опасно рядом со мной. А теперь утверждаешь иное... И да... Что ты во мне нашла? У меня нет дома и золота. А ещё люди короля желают увидеть моё тело болтающимся на виселице.

— Всё так, — она улыбнулась, и Конрад, не устояв перед её очарованием, нежно поцеловал Фриду в губы. После чего аливитянка продолжила свою речь. — Ты ещё забыл добавить, что ты не очень красивый. Этот твой сломанный кучу раз нос и большие уши ужасны...

Наёмник усмехнулся.

— С нашей компанией у Бригиды не будет обычного уютного детства. Но зато мы всегда сможем её защитить и поддержать. А ты обучишь девчушку боевому искусству. Она ведь этого сама хотела. Всё же лучше ринуться в жестокий мир и быть готовым выстоять против его напастей, чем пребывать в одиночестве и бояться будущего. Так что ты верно поступил, решив дать ей этот шанс. Прости, что упрекнула тебя.

— Всё в порядке, — мужчина кивнул.

— А себя я уже давно видела рядом с тобой. Ты являлся ко мне в видениях, в которых мы занимались любовью. И я же тебя в ту пору еще не встречала. Когда я очутилась в Остбоне и впервые увидела тебя в живую, то поняла, что скоро наша с тобой история начнётся. Так и случилось... Ханна попросила меня помочь тебе, но если бы не она, то я всё равно бы так поступила. Ты мне нравишься, потому что у тебя доброе сердце, — Фрида

заметила за ним какое-то движение, и на её лице отразилось любопытство. — Кажется, в наших рядах пополнение.

Наёмник тоже оглянулся назад. По высоким сугробам, с большим трудом переставляя ноги, пробиралась Бригида. На её правом плече висел небольшой коричневый мешок с одеждой. Чёрная шуба была застегнута по самый подбородок, а голову покрывала красная шапка с белым мехом по бокам. Щеки девчушки раскраснелись. В носу и на ресницах виднелся иней.

Конрад замахал ей рукой. Фрида заметила в его взгляде большую радость.

— Ты как, Бригида? Сильно замёрзла? Хочешь есть? За тобой не было слежки? — наёмник забросал ребенка вопросами.

— Нет. У меня тёплые вещи. Я улизнула из города незаметно, — вяло проговорила она, понуриив голову.

— Бригида, что случилось? — переживая за неё, спросил Конрад.

— Мама умерла вчера, — тихо ответила она и сразу же вытерла рукой хлынувшие слёзы. — Её похоронили на прихрамовом кладбище.

Наёмник, плюхнувшись коленями на снег, крепко обнял её. К ним из леса вышел Иорик.

— Я так понимаю, это наш самый младший адепт в боевом искусстве? — весело заявил поэт, приветствуя девочку. Но, заметив у всех грустные лица, неуклюже замер на месте.

— У Бригиды умерла мама, — объяснил тому Конрад.

— Оу, соболезную, — Бэбкок протянул ей руку для пожатия.

Ученица вытерла рукавом мокрые глаза и протянула ему свою.

— Помнишь, я говорил тебе о друге, который мог бы научить тебя писать и читать. Так вот это он и есть, — наёмник указал на Бэбкока.

— К вашим услугам, — Иорик склонил голову. — Нет ничего лучше, чем открыть кому-то ворота в книжный мир. Ведь книги способны даровать великую силу, как и меч в руках храбреца.

— Почему король решил, что ты потрошитель? — Бригида обернулась к Конраду. — Он что, совсем глупый? Не может отличить ядовитую змею от обычной?

— Я не думаю, что он дурак, — тот приподнял одну бровь. — Просто некоторые взрослые развивают свои размышления в неверном направлении.

— Почему? — девчушка спросила с серьёзным лицом.

— Потому что такие люди слишком в себе самоуверенны. И привыкли, что им известно всё куда лучше, чем остальным вокруг.

— Что ж. Раз уж мы все в сборе, — заявил поэт, потирая руки. — То куда же мы направимся? Я уже в предвкушении от путешествия. Поглядим на красоту мира и примемся спасать жителей от всяких ужасов.

— На север. В Хайриан! — громко объявила Фрида.

Остальные уставились на нее так, словно она сказала какую-то несусветную ересь.

— Ты ведь в курсе, что я дорманец? — слотнул слюну Бэбкок. — Их король Хенрик пошёл на наш народ войной. И хайрианцев прогнали ценой множества жизней славных воинов Дормана. И ты предлагаешь пойти в земли тех безумных и кровожадных убийц? Ну уж нет. Давайте лучше в страны потеплее отправимся.

— Я родилась в Саркене, и моя мать была аливитяжкой. Но не отец... Он любил мою мать, а она любила обычаи и традиции южных племён. И мама никак не намеревалась покинуть свой дом, как и не могла нарушить правила. У нас запрещено жить с мужчинами. С

ними можно только спать вместе. Так что... Папе пришлось расстаться с ней. И как вы, наверное, уже догадались, он родом из Хайриана. Не все хайрианцы ярые сторонники короля. Я переписывалась с отцом довольно часто. Он писал мне перед тем, как Хенрик повел армию на Дорман. Отец не отправился в битву, так как не собирался, и к тому же был болен чахоткой. В том письме папа указал, что может умереть в любое время. И потому посчитал своим долгом передать его вотчину в мои руки. С тех пор он больше не отвечал на послания. Я собиралась приехать, но в Саркене у нас имелись серьезные стычки с другими племенами. А затем мы примкнули к войскам Розгальда для осады крепости. И сейчас, — девушка хлопнула себя руками по бёдрам. — Я собираюсь туда всё же добраться. В ваших взглядах застыл вопрос: "А при чем здесь мы?". Дело в том, что, Конрад, я видела тебя в тех землях вместе с собой. Ты был чем-то напуган, но говорил, что не уйдёшь из Хайриана. А раз уж Иорик и Бригида — твои ученики, то и они, как я полагаю, отправятся вместе с нами.

— Почему я не мог уйти? — Конрад нахмурился.

— Я не знаю, — аливитянка мотнула головой.

— Я ведь верно понял? — Бэбкок размахивал руками во все стороны. — Пойдём в место, в котором даже один из самых отважных наемников будет чем-то напуган? Я на это не согласен! С нами же ребёнок! Будьте благоразумны! Да и к тому же северные границы охраняются куда лучше, чем все остальные. А если вы вдруг забыли, то нас на секундочку преследует закон.

— Мне всё равно, — вздохнула Бригида. — В этом мире страшно абсолютно везде. Так что я в деле.

Конрад оперся руками о талию и, закусив нижнюю губу, задумчиво посмотрел на ученицу.

— Послушай, Бригида, я не только как учитель, но и... Как твой друг, должен нести ответственность за твою безопасность. Иорик прав... Я ещё сам не совсем понимаю, как пробраться через крайнюю границу Дормана.

— Но ведь вы хотите узнать, что вас ждёт в Хайриане. Судя по словам провидицы, это ваша судьба. Моя мама верила в способности визионеров. Так что не стоит беспокоиться обо мне. Я способна сделать выбор сама. И ответ держать за него собираюсь тоже сама.

— В таком случае выдвигаемся, — Конрад направился к лошадям. — Бригида тебе хватит места на повозке.

Иорик, широко раскрыв рот, смотрел им вслед.

— А... Моё мнение, значит, никому не сдалось?! Превосходно! — он взвизгнул и поплелся за ними, злобно пиная снежные насыпи.

Компания решила не высовываться из леса в такой близости от столицы, поэтому им пришлось идти прямо по нему, чтобы добраться до противоположной дороги, ведущей на север.

Путешествие по высоким сугробам на двух лошадях было утомительным и не быстрым. Периодически они останавливались передохнуть, и Бэбкок вычерчивал для Бригиды веточкой буквы на снегу. Ребёнок не очень проявлял упорство в обучении. Она то и дело отвлекалась, чтобы посмотреть, как Конрад, используя манок, ловит зимних птиц на обед. Ученице было сложно долго сосредотачивать внимание на непонятных черточках на светлом покрывале никса.

— Бригида, ты собираешься читать вслух эти буквы? — Иорик поджал губы, ожидая от ученицы хоть какой-то реакции.

Наемник заметил, что у поэта не всё идёт гладко с обучением девчущки, и догадался почему. Он подозвал её к себе.

— Да? — она приподняла брови, сморщив лоб.

— Как ты? — спросил Конрад.

Девочка ничего не отвечала, а устремила взгляд наверх и молча выпускала пары воздуха.

— Ты скучаешь по ней! — он сложил руки за спиной, склонив голову. — Ты должна знать: ты очень смелая. И ты была хорошей дочерью для твоей мамы. Вы через столькое вместе прошли, не прекращая поддерживать друг друга. Мало у кого есть такая сильная связь между детьми и родителями. Вы были чуть ли не подругами. Так?

Бригида кивнула.

— Ты сделала для мамы всё, на что была способна в своём возрасте. Больше бы никто сделать не смог. Поверь... — он заметил, как ученица пытается сдержать слезы. — Не надо их стыдиться. Эмоции не признак слабости, а признак того, что тебе действительно кто-то был дорог. Знаешь, в моей жизни тоже было два близких человека. Мой лучший друг Грегори и подруга Амелия... Они погибли совсем недавно. И я лил по ним горькие слезы, несмотря на то, что я взрослый воин. С Грегори мне всегда казалось, что мир не такой уж и плохой. Понимаешь? Он был очень весёлым, ворчливым, но добрым. Я знал, что тот всегда меня выручит, хоть из преисподней... А вот я не смог его спасти... Я не так силён, как проклятый Узгулун. Я думаю, что ты о нём уже явно слышала в Остбоне. А Амелия... Она являлась одной из самых сильных ведьм. И всегда стремилась спасти всех остальных, даже если для этого пришлось бы пожертвовать собой. Она умела любить и ценить простоту в людях. Амелия осознавала, что обладает мощными магическими способностями и хотела их верно использовать. Чтобы улучшить жизни людей.

— Это ведь та самая чародейка, что перенесла повелителя хаоса в другое измерение? — заговорила, наконец, Бригида.

— Да... Пожертвовав собой. Мне очень её не хватает. Хотя я не всегда понимал её взрывной характер. Но она умела приносить в этот мир свою любовь и уверенность. Лучшего бойца за человечество я не встречал никогда.

Ученица заметила, как в глазах наёмника засияли слезы, и обняла его сбоку за талию. Конрад тоже её приобнял, положив свою грубую большую руку ей на плечо.

— Амелия была моей первой настоящей любовью, — продолжил он. — Но я так боялся этого чувства, что не успел ничего ей сказать.

— Что такое любовь? Это дурацкая семейная жизнь? — Бригида взглянула на него.

— Почему сразу дурацкая? — он усмехнулся. — Просто ты жила в такой семье, где твои родители уж точно не были счастливы друг с другом. Поэтому ты не знаешь, что в ней прекрасного. Как собственно говоря, и я.

— А как тогда ты понял, что любишь Амелию, если ничего об этом чувстве не знал?

— Сам я, конечно, не знал. Но в моей жизни был человек, который помог мне сильно в детстве. Так я некоторое время жил у него в доме. И там увидел, что собой представляет любовь между мужчиной и женщиной. Это прежде всего, когда ты думаешь о том, чтобы другой человек чувствовал себя хорошо, потому что тебе самому с ним хорошо. Извини, я плохо, может, объясняю.

— Нет. Я всё поняла, — она запихнула руки в карманы и улыбнулась. — Когда я вырасту, то тоже встречу такого человека?

— Не знаю, — Конрад пожал плечами. — Но надеюсь, что встретишь.

— А Фриду ты тоже любишь?

Наёмник поперхнулся собственной слюной, не ожидав такого вопроса.

— Я просто видела, как вы с ней обнимались, — она хихикнула. — И аливитянка постоянно следит за тобой добрым взглядом.

— Что ж, — мужчина почесал затылок. — Фрида спасла меня от казни. И... Я пока ничего не могу сказать об этом. Но вот что, Бригида, вокруг нет никакого постоянства. Поэтому не стоит вести праздный образ жизни. Цени каждый миг. Я понимаю, почему ты отвлекаешься от уроков Бэбкока. Ты пытаешься заняться чем-нибудь более активным, чтобы горе от смерти мамы не так тяжело на тебя давило. Но не стоит убегать от этого чувства. Прими его... Смерть — часть любой жизни. И твоя мама, думаю, была бы рада, если бы узнала, что ты учишься чтению. Книги откроют для тебя множество знаний и даруют внутреннюю силу для борьбы с трудностями. Ведь сила должна быть как и физическая, так и духовная. Насыщай свою голову поступками других людей, о которых пишут писатели и историки, и тогда ты будешь угадывать действия наперёд.

— А Бэбкок разве сильный человек? — она закатила глаза.

— Определенно. Он избрал свой собственный путь, в то время как остальные смирились с тем, что имели. Иорик же готов за истину сложить голову. Его трусость обманчива. Запомни... Всё начинается с сердца. Если там пусто, то боевое искусство не сделает тебя храбрее, разве только злее.

— Тогда я пойду дальше учиться, — Бригида шмыгнула носом. — И извинюсь перед ним.

Через два дня они выбрались на дорогу, и продвижение значительно облегчилось. Никто из них не знал, как уже успели расползтись ложные вести о Конраде. Но на всякий случай все они придумали себе другие имена и общую историю.

Путники останавливались в удалённых тавернах, чтобы отогреться у тёплых каминов. Это было опасно, но холод слишком яростно бушевал снаружи. Платила за всех Фрида, так как ни у кого больше монет не водилось. А искать подходящее дело в Дормане выглядело бы весьма неразумным с их стороны. До Хайрина ещё совсем далеко.

Команде приходилось сходить часто с главной дороги, дабы незамеченными пробираться из одного селения в другое, так как местные постовые до сих пор проверяли всех на признаки чумы.

И весь этот суровый и долгий путь Конрад непрестанно обучал владению мечом своих учеников. Поначалу Бэбкок весьма отставал от Бригиды в скорости и мастерстве. Девчушка чуть было не зазналась из-за превосходства. Но наёмник по-дружески и для её же будущего блага объяснил ей, как плохо сказывается тщеславие на исходе боя. И так как она доверяла ему, то прислушалась и поубавила свою необузданную спесь.

Но вскоре поэт, усердно старающийся и даже больше не жалующийся на усталость, смог ловко отбивать молниеносные удары Бригиды. Наемник был доволен ими в одинаковой степени. И с каждым разом показывал друзьям новые приёмы. Однако не щадил их во время тренировок. Он хотел, чтобы они ясно понимали, как любая оплошность может стоить жизни в настоящем ожесточённом сражении.

За ужином у большого очага Конрад взглянул на безмятежное и тёплое лицо аливитянки. Он был ей благодарен.

— Фрида, когда мы покинем границу Дормана, то я сразу же найду какое-нибудь дело и возьму тебе все средства, что ты потратила за нас в ночлежках и тавернах.

— Мы возместим, — улыбнулся Иорик. — Я и Бригида же уже готовы к серьезным схваткам с подлецами?

— Да, — кивнул наёмник.

И поэт поперхнулся от такого ответа похлебкой из крупы и курицы. Девчушка же в радостном недоумении вперила глаза в Конрада, не веря своим ушам.

— Я сказал правду, — изрёк наёмник с серьёзным выражением лица. — Такими темпами вы скоро не будете уступать мне. В вас горит внутреннее пламя... У вас есть желания и мечты... Вы с большой охотой подходите ко всем занятиям. Ваши успехи не могли остаться незамеченными. Но закрепить изученное можно лишь в настоящем бою.

— Полностью согласна с Конрадом, — весело заметила Фрида. — Так как я аливитянка и с малого возраста уже познавала мир боевого искусства, то я удивлена тем, как вам удалось овладеть самыми важными вещами за столь небольшой период.

Конрад и его друзья уже достаточно далеко пробрались на север. Медвежья шкура была как раз кстати. Морозный воздух прокалывал кожу, словно шпагой. Но как же приятно дышалось в стужу. Грязь и зловоние остались в летних днях.

По дороге им повезло встретить подводу с местными скорняками, продающими остатки своих работ по сниженной стоимости, так как нынче даже мало кто из дворян мог себе позволить обычные траты. Фрида приобрела для всех меховые шапки, толстые, но лёгкие непродуваемые плащи, а также высокие сапоги с длинными волосами яка.

Они несколько раз сворачивали, чтобы сократить расстояние. И сейчас выехали на равнину, вытопанную табунами охотников. Примятый к умирающей траве снег успокаивающе похрустывал под ногами. Только серые стволы голых деревьев вдали навевали некую глубинную тоску.

Иорик Бэбкок декламировал стихотворение, ибо душа поэта не может долго молчать.

Прерогативы нужно добиваться

Холодным разумом с горячим кулаком.

Однако же не стоит забываться,

Что совесть любит отдалённый дом.

И не ищите вы ума в моих речах,

Ведь я всего лишь выпренный повеса.

Готовый с теми драться на мечях,

С чьих лиц спадёт добра завеса.

Но я ведь не шаркун, и это всё не пыль,

Чтобы прикрыть пустующий мой мир.

Наоборот, красуюсь на виду, как шпиль

И не боюсь я пропускать главнейший пир.

Конгломерат во мне из всех идей

А потому меня уже, возможно, нет.

Гоните плоть мою вы хоть взащей,

Но ждите мыслей рикошет.

— Изысканные строки! — заметила Фрида. — Чьё это творение?

— Благодарю! Я сам сочинил. А вы мне уже начинаете нравиться, — высоким голосом обратился к ней Бэбкок. — Хотя создавать нечто подобное стоит не ради одобрения, а потому, что того желает сердце.

— А я вот даже слов таких не знаю, которые ты использовал. Ничего не поняла почти, — выкрикнула из повозки Бригида.

— Ох, я сейчас постараюсь всё объяснить, — радушно улыбнулся Иорик, направив лошадь поближе к девчужке, чтобы побеседовать.

Наёмник с аливитяжкой так и ехали в обнимку на одной кобыле.

— Фрида, — шепнул ей на ухо мужчина. — Ты очень красивая.

— Я знаю, — она довольно на миг опустила глаза.

— Я это сейчас не про твою внешность. А про твою душу. В тебе есть необычайная лёгкость, но при этом и внутренняя сила. Не знаю, как описать лучше. Просто во мне никогда не было такого отсутствия напряжения. Как тебе это удаётся?

— Постой, а внешне я тебе, значит, не нравлюсь? — она рассмеялась.

— Особенности тела не зависят от человека, их ему даёт природа. Так что не вижу смысла обсуждать заслуги, которые ни к кому из нас не относятся по сути.

— Моя лёгкость заключается в том, что я ничего не боюсь. А такое чувство не самое отличное. Не испытывать страха — значит не ведать любви и ума.

— Хочешь сказать, что ты глупа? И не можешь кого-то полюбить? Тогда почему ты здесь?

— Не знаю, — Фрида закусил потрескавшуюся нижнюю губу, и из нее выступила яркая капля крови. — Может, мне слишком скучно. В этом мире так много всего. И чтобы не разбираться, что в нём вернее, а что нет, гораздо легче отказаться от поглощения всех даров. Я ничем особо не интересуюсь. А когда всё кажется однотонным, то поневоле начинаешь гнаться за тем, что подвернется.

— И как мне реагировать на твои слова? — усмехнулся Конрад.

— Радуйся, что повстречал человека, который не лжёт сам себе, — она ласково обхватила его ледяную руку.

Наёмник увидел выступающую из чащобы кавалькаду, состоявшую из шестнадцати вооружённых всадников.

— Поверх их пурпуэнов сияют латы, — высказался он. — Но нет герба на щитах. Они явно не из королевской армии.

— Это рутьеры, — спокойно произнесла аливитянка.

— Кто? — взволнованно попросила разъяснений Бригида.

— Разорившиеся рыцари. Превосходные воины, нанимающиеся в чьи-либо ряды во время битв. А в свободные моменты занимающиеся разбоем. И они абсолютно не имеют никаких принципов, — ответила ей Фрида.

— Тогда чего же мы стоим? — выпучил на друзей глаза Бэбкок. — Разворачиваем лошадей!

— Иорик, нас четверо на двух кобылах. А их шестнадцать, и у каждого отличные скакуны. Зачем тратить силы на бессмысленный побег, если можно принять бой на своих условиях.

— В каком ещё смысле? — вспльчивый поэт нервно задышал ноздрями.

— В прямом. Пора вам понять, что значит быть воином. Большинство не всегда гарантирует победу или правоту суждений. Спешиваемся! Снимите с себя длинные шубы! Оставьте только овечьи жилеты. Поверьте, замёрзнуть в схватке не получится. Бригида, ты пойдёшь в атаку самая первая.

Ученики уставились на него, как на безумца. Седоки же уже приближались галопом, громко присвистывая.

Конрад заметил в глазах девушки неподдельный ужас.

— Тебе страшно и так и должно быть. Но ты действительно уже готова для того, чтобы начать защищаться. Не забывай, что ты очень быстрая и знаешь множество трюков с мечом. Всё получится! Ты глядишь сейчас на них и думаешь, что какие же большие злые дядьки и их так много. И мне несдобровать. Но ни к этому ли ты готовилась? Твои свирепые соплеменники рано или поздно найдут тебя. Так станешь ли ты биться за свою свободу? Или расхнычешься? Нам не убежать. Но если я сейчас не дам тебе шанс проявить себя первой, то ты вряд ли уже рискнёшь. Побори в себе неуверенность. Как-то моя подруга мне говорила, что важно не думать и переживать, оказавшись в опасности, а стоит действовать. Так

поступи также! Ты знаешь, что нужно делать.

— А ты что будешь делать? — съязвил Иорик, опустив уголки губ.

— Наблюдать за мастерством своих подопечных.

— Нас же убьют!

— Если так, то значит, боевое искусство точно не для вас, — Конрад хрустнул шеей и невозмутимо уставился на окружающих их рутьеров.

Те гарцевали, окидывая команду хищными лицами.

— Вот это улов! — хрипло начал одноглазый блондин. — Отымеем бабу сегодня!

Славный день. А вас зажарим на костре и затем заставим её жрать ваше мясо.

Вся шайка разразилась отвратительным хохотом.

— Так и будешь стоять? — тихо обратился к Бригиде Конрад. — Я могу и сам ними разделаться. Только ты привыкнешь к трусости. А это не годится для твоего будущего.

— Держи лёгкий меч, — Фрида кинула его девчужке рукоятью вперёд, и та ловко подхватила. Аливитянка подмигнула ей. — Только целься, а не размахивай им, словно слепой котёнок.

Рыцари тоже покинули седла и обнажили клинки. Бригида глубоко вдохнула бодрящий воздух, но она до сих пор не верила, что всё вокруг настоящее. Ребёнок не мог шевельнуться с места, боясь сделать что-то не так. Но времени больше не оставалось. Двое дюжих латников с булавами в руках направились к Фриде. Девчушка догадывалась, что аливитянка и сама прекрасно сможет за себя постоять, но это был именно её час.

— А ну, отошли назад! — Бригида быстрым шагом преградила им путь, встав в ожидающую стойку.

Ратников поведение ребёнка раззадорило еще пуще.

— А тебя мы продадим за хорошую цену варварам! — зубоскалил главарь.

— Да? — брови ученицы поползли вверх. — Я сама варвар! И вас на кровяные колбаски пущу!

Конрад едва удержался, чтобы не рассмеяться от её слов.

Девчушка с криком набросилась на самого ближайшего из них. Булава рутьера взметнулась в воздух.

— Она нужна живой! — прокричал тому одноглазый.

Бригида уклонилась от наворачия с шипами и рассекла нападавшему краги. Из его ног засочилась кровь, и он упал на колени, изрыгая из своего рта поганые ругательства.

Пиит же, вдохновившись храбростью ребёнка, выхватил у Фриды меч и помчался на второго воина.

— Сейчас вы ответите, отщепенцы проклятые, за все свои эксцессы! — Иорик вопил во всё горло.

— Ты так и будешь бездействовать, словно провектор? — аливитянка окинула Конрада сбоку взглядом.

— Ещё рано. Но кажется, что их главарю уже не так весело, как в самом начале, — ответил тот, вынимая клинок.

Развязалась смертельная стычка. Лязг оружия разносился по всему полю. Бригида ранила двух рыцарей и одного убила. Лицо её было пунцовым. Она двигалась, словно фелука в бушующем и опасном море. Девчушку невозможно догнать и сокрушить.

Бэбкок долго отбивался от своего противника. У него никак не выходило ранить его. Сил, как оказалось, у поэта куда меньше, чем в разгоряченной крови Бригиды. Иорик краем

глаза видел, что у остальных дела идут лучше. Поэтому решил сменить тактику. Он резко выхватил из-за пояса обоюдоострый кинжал и проткнул им руку врага, попав прямо под латную рукавицу. Из утепленной перчатки рутьера хлынул ручей цвета ясписа.

Бригиду воин ударил с такой силой кулаком, что у той при падении выпал меч. Конрад заметил это. Он осознавал: её не убьют. Но всё равно ринулся в сторону ученицы, отбиваясь одновременно от нескольких рыцарей.

Девчушка же помнила о наставлениях наёмника. Медлить и сожалеть о случившемся в разгар битвы нельзя. Необходимо либо укрыться, либо искать другой способ защиты. Она нащупала в сапоге острый ланцет, который в свое время нашла на улице Остбона, и пырнула им нападавшего между латами в область подмышки. Мужчина взревел, как брыкающийся в агонии зверь.

Фрида боевой секирой уже успела отправить на другой свет четверых врагов. По безмятежным чертам лица было ясно, что для неё это являлось пустяком и не стоило особо никаких усилий. О серьёзной обстановке говорила только кровь поверженных, заляпавшая красивые волосы аливитянки.

Конрад остановился в двух шагах от Бригиды, где прикончил нескольких рутьеров. Когда он обернулся, чтобы проверить, как обстоят у неё дела. То увидел, как ребёнок боролся с новым противником. Оружие их валялось на снегу, окрашенном в кровавые горошины. Ученица пнула его ногой по заскорузлой щеке. И до наёмника донёсся отвратительный хруст. Из глаз воина хлынули солёные слезы боли.

Бэбкока окружили трое рыцарей. И он, невольно впад в смятение, выпустил меч. Вовремя к нему подросла Фрида. Ещё бы чуть-чуть и писатель лишился бы головы. Руки его дрожали. Он молча опустился на колени с опустошенным взглядом.

Всё довольно быстро закончилось. Двоим удалось сбежать. Остальных добились.

— Я думала, что раненых не стоит лишать жизни, — тяжело дыша от усталости, Бригида подошла к наёмнику.

— Ты же слышала, что мерзавцы говорили. Это не просто обедневшие и голодающие грабители. Они насильники. И не думаю, что хорошие люди стали бы предлагать зажарить человека на огне, чтобы скормить его мясо другому, — Конрад довольно оглядел своего запыхавшегося адепта.

— Да. Но... Может, не все из них настолько неисправимы? Что, если: мы их отпустили бы, и они бы изменили свои взгляды?

— Это маловероятно... Но в чём-то ты права. В следующий раз ты решишь, как поступить с невезучими подлецами, — он протянул ей руку для пожатия. — Ты как, Бригида? Смотрю, на тебе даже царапин нет. Очень горжусь тобой! Мой первый серьёзный бой и то не являлся таким успешным.

— Мне было страшно, но не представилось и секунды, чтобы об этом поразмышлять. В какой-то миг мне показалось, что ярость переполняет меня. А ты учил, что в схватке она неминуемо приводит к поражению. Пришлось просто двигаться... И я думала о смерти. Решила, что умру. И, как ни странно, но эта самая мысль и даровала мне спокойствие.

— Все мы когда-нибудь сгинем. И правильно, что у тебя есть понимание и принятие подобных вещей. Главное, чтобы ты точно была уверена в том, что сделала всё возможное для оттягивания своей кончины, — наёмник задорно рассмеялся, а затем продолжил с полной искренностью. — Бригида, я очень счастлив. Всё, что случилось здесь, конечно, только начало твоего пути. Но волновался я за тебя сегодня так, словно ты моя родная дочь.

— Знаю... Я заметила, как ты всё время косился в мою сторону, чтобы вдруг что успеть защитить.

— У вас очень душевная беседа, — прервала их, приятно улыбнувшись, Фрида. — Но, кажется, с Иориком что-то не так.

Они оглянулись и узрели поэта в самом подавленном состоянии. Бедолага не двигался с места. Конрад подбежал к нему, сначала подумав, что тот ранен. Но не найдя повреждений, встал рядом с ним, не зная, что предпринять дальше.

— Я поговорю с ним. Я догадываюсь, в чем дело. А вы пока поймайте лошадей рутьеров. Каждый из нас, наконец, сможет поехать верхом. А остальных продадим, — подмигнула Бригида наёмнику с аливитяжкой.

— Смотри-ка она уже даже раздаёт указания, — мужчина нежно приобнял Фриду за плечи, направившись с ней сгонять в одну кучу животных.

— Это же чудесно. А ты представь, что будет, когда девчушка вырастет, — та обвила его за талию.

Бригида уселась на корточки рядом с Бэбкоком.

— Ты так простудишься, — начала она. — Лучше подняться скорее с холодной земли. Тем более после горячей схватки, — тот ничего не отвечал. — Слушай, убивать людей ужасно. У меня чуть не дрогнула рука, когда я замахнулась лезвием. Но я не оставлю свое обучение. Эти разбойники хотели продать меня кому-нибудь в рабство, как вещь. И когда ты осознаешь, что твоя свобода и честь висят на волоске, то всё становится на свои места. Как ты думаешь: у меня когда-нибудь пройдет чувство... Не знаю даже, как его обозвать... — ученица закусила нижнюю губу. — Ощущение того, что я убийца. Оно такое тяжелое, хотя я не сделала зла. Я ведь просто защищала себя и друзей.

— Не знаю, — безэмоционально произнес поэт. — Я никого не убил здесь. Спроси лучше у Конрада. Он за свою жизнь многих негодяев отправил на тот свет. А ты... — Иорик повернул к ней подбородок. — Молодец.

— И ты тоже! Ты храбрый человек!

— Что? Я? Перестань! — недовольно проворчал тот. — Ты ребенок Бригида, но пока я дрался с одним, ты успела разобраться с несколькими. Я всего лишь пустой фанфарон. Всегда много болтаю и мало делаю. Ни на что не гожусь. Возомнил себе, что стану славным воином. Но я трус... И больше ничего. Я спасовал. Ты же сражалась, словно лев. Маленькая девочка отважнее, чем взрослый мужчина, — он покачал головой. — А мы ведь в обучении шли на равных. Но стоило только им меня окружить, как я перестал контролировать тело. Всё не то, чем кажется. Я обуза. Конрад зря потратил на меня время. Никогда не смогу заняться чем-то полезным. Когда я встретил впервые наемника вместе с его друзьями, которые затем стали и моими тоже, то сразу же прилип к ним. Потому что мне одному не выжить. Но я так не хочу... И не могу я больше чувствовать себя не растущим птенцом в гнезде. Понимаешь? У меня ничего нет. Зачем я только появился на свет?

Бригида громко расхохоталась с его слов. Пиита это смутило ещё больше.

— Извини, — она вытерла слезинки от смеха. — Я рассмеялась, потому что ты несёшь слишком нелепые вещи. Иорик, Конрад для того меня и учил, чтобы я побеждала взрослых воинов. А чего ты ожидал? Что я должна была при виде рутьеров опустить руки? Я их одолела, потому что я бегу от своих соплеменников. Бегу от них, но в то же время и к ним. Меня гонит огромный страх. Я не могу позволить себе быть слабой. Для меня это смерть. Ты же решил заняться боевым искусством по другим причинам. А они многое определяют.

Когда человек спасается от прошлого, которое может в любой момент его настигнуть, то он действует ярче. Нежели, чем человек, чьими помыслами движут лишь красивые мечты о приключениях. Так что весьма глупо, что ты принялся сравнивать себя со мной. Нужно глядеть на скрытые вещи, а не только на видимые. И в тебе много великолепных качеств. Конрад мне рассказал о твоих поступках. Ты не станешь стоять в стороне, когда происходит несправедливость. И рано или поздно ты сможешь и мечом защищать всё, что ценишь. Только не бросай в самом начале пути обучение... Ты гораздо лучше меня. Я думаю чаще всего только о себе. О своих страхах. О своём будущем. Ты же чаще думаешь обо всех. Ты дружишь с Конрадом явно не только потому, что беспокоишься об опасных дорогах в одиночестве. А потому, что доверяешь ему. Если понадобится, то ты можешь отдать жизнь за него. Ты умеешь дружить. Такие люди, как ты, не преклоняются перед обыденными потребностями, как достаток и кров над головой. Ты ценишь лишь истину. И любишь открывать её через свои произведения. А это стоит больше, чем всё золото, что есть на свете. К сожалению, мало кто понимает такие вещи. Но всё же, даже я — ребёнок, осознаю, что каждый человек имеет место быть. Мы ведь не рождены только для того, чтобы каждый день кому-то доказывать свою значимость. Это было бы слишком жестоко. Кто-то должен показывать людям то, что они упускают, пока заняты делом. Чтобы и их существование было наполнено всем, что только можно взять от жизни. Так что хватит грустить, Иорик. У тебя есть мы, а у нас есть ты. И нам-то точно не стоит ничего доказывать. Друзья любят за то, что в сердце, а не за звон монет в сундуке.

Бэбкок не выдержал и пустил струи слез. Он крепко обнял Бригиду. Веселье снова вернулось к нему благодаря детским, но таким верным словам.

Остбон

По тёмной улице, задыхаясь от слёз, шла девушка в зелёном шапероне, длинная ткань которого спускалась по бокам её лица, подчёркивая гладкость и красоту того.

Она поссорилась днём со своим женихом и теперь не могла уснуть. Сердце обливалось кровью в разгоряченной груди. Душа тосковала по его объятиям и учтивому вниманию... Но сейчас это всё осталось так далеко позади, за непробиваемой стеной обиды. Сколько злых слов они наговорили друг другу... И ничего уже не вернуть. Девушка не смогла бы его простить. Однако всё ещё любила. Невозможно вычеркнуть пылкие и сладкие воспоминания за миг, ибо таковые неизлечимо прожгли нутро.

Это прелестное создание должно остыть и отстроить себя заново, словно проглоченное пожаром здание.

Беззащитные карие глаза глядели на мрак с храбростью. Хоть девушка и знала, что потрошитель ещё не пойман. Она слышала о Конраде... Понимала: наёмник сбежал и вряд ли вернётся. Но всякое могло стрястись.

Часто случается так, что нам бывает всё равно, и голова совершенно отключается. Как и происходило тогда с ней. Только едкая боль от разрушенных отношений окутывала горожанку, будто вихрь пепла. И она пыталась вырваться из него, убегая от самой себя.

— Лучше бы я никогда не любила! Никогда... — с яркой пульсацией проносилось в её ещё неокрепшем и неопытном разуме.

В переулке серебром сверкнуло лезвие в чьей-то руке, обтянутой чёрной кожаной перчаткой.

Дорманка услышала незначительный шорох и быстро обернулась. Заметив силуэт с кинжалом, та глубоко вдохнула и, подобрав подол шерстяного большого платья, бросилась со всех ног прочь. Но каблуки на меховых женских сапогах сильно заскользили. Девушка рухнула на колючий снег и взвизгнула от испуга. Последнее, что она ощутила, как пальцы незнакомца самоуверенно обхватили её гортань.

И тёплая кровь с паром полилась из шеи, пока тело жертвы сотрясалось в судорогах.

Аливитянки же под предводительством Ханны патрулировали кварталы в столице. Король предоставил им полные полномочия для того, чтобы задерживать любую подозрительную личность. Что во всё другое время выглядело бы весьма странно, если бы не личная заинтересованность правительницы Саркена в этом деле. Розгальд не являлся глупым и очень ценил расположение столь сильных союзников.

В эту ночь случилось множество убийств. Трупы рассыпались по Остбону, как звезды по ночному небу. Оголодавшие и беспринципные грубые бюргеры, увидев свежие тела, распиливали их и варили мясо для того, чтобы съесть его.

Потрошитель вламывался и в дома, но каждый раз, когда на крики прибывали женщины-воины то было уже слишком поздно. Убийца умудрялся ловко ускользать вовремя.

— Какого чёрта происходит? — вырвалось у одной из аливитянок, стоявшей над грудой из тел. — Либо потрошитель действует не один, либо он...

— Всё знает о нас, — закончила за неё Ханна. — Не могу только понять мотива всего. Я не верю в то, что это Конрад. Жертв не грабят, а просто наносят смертельные раны и исчезают...

— Но кому известно точное расположение наших патрулей? Ведь мы меняем точки в оговоренные часы, — вмешалась другая девушка.

— Только Его Величество в курсе, а также командиры королевской армии. В вас же я точно не сомневаюсь, — ответила Ханна. — Так что, возможно, кто-то из людей Розгальда является сообщником потрошителя. Или родственником... Утром нужно опросить всех близких убитых. Необходимо найти между ними хоть какую-то связь. А пока что мы словно слепые кроты. Все-таки всегда должны иметься причины.

Пока они разговаривали, в одной из аляптовых хижин, выстроенных начерно между длинными кирпичными домами, на простецкой кровати, сколоченной из досок, сидел пожилой мужчина.

Он испытывал настоящую истому после того, как насытил желудок вкусным и жирным мясным пирогом, который смог приобрести на монеты, раздаваемые королевой беднякам. Развалившись на постели, старик довольно поглаживал живот. А ведь ещё утром он хотел лезть в петлю от отчаяния. Но благородная жена правителя пообещала позаботиться о всех в той мере, чтобы люди не выживали из ума от голода. Через пару дней Тиссе предоставят список с самыми нищими жителями Остбона, и та велит со своего собственного двора раздать им гусей, уток и кур.

Мужчина почесал свою подстриженную седую бороду и улыбнулся. Как же жизнь может молниеносно даровать тебе все, о чем ты и не мечтал ранее. Но у мира есть и противоположные стороны...

У его порога стоял человек в капюшоне и с трясущимися руками, на которых коркой застыла чужая кровь. Дверь тут же была выбита с ноги. Старик подскочил, раскрыв от неожиданности рот.

— Дахман, помоги! — непроизвольно вырвалось у него.

Потрошитель открыл свое лицо, подняв голову. И пожилой человек схватился за сердце, замотав головой.

— Что же это получается... — пролепетал он перед тем, как убийца метнул в его грудь кинжал.

Бедняк пошатнулся и повалился рядом с кроватью.

На рассвете в столице насчитали около тридцати трупов, но на самом деле их было больше, только оголодавшие и безнравственные жители растащили тела. В городе началось настоящее безумие. Такого страха еще никто из дорманцев не испытывал, даже перед самым повелителем хаоса. Ведь сложно бояться могущественной силы, которая сметет всех без разбора. Это как сравнение со смертью от старости. Нет никакого смысла беспокоиться насчёт её, так как она неизбежна. Но убийца был во плоти, а значит, с ним можно бороться. И потому тот вызывал ужас в сердцах. Уж так устроена жизнь... Человек всегда относится куда эмоциональнее к тому, на что он может повлиять.

Аливитянки подробно расспрашивали знакомых, друзей и родственников о прошлом и настоящем жертв. Хотя делать это было крайне тяжело, так как можно представить, в каком те пребывали состоянии. Но медлить больше нельзя...

Между несколькими погибшими действительно имелась связь. Однако это не являлось достаточным для каких-либо логических цепочек. Никто так и не смог понять, что объединяло абсолютно всех.

Ханна направилась во дворец. Там она столкнулась с королевой. Тисса была запыхавшаяся. Щеки её ярко розовели, а у корней волосы по бокам на лбу завились в

спирали от пота. Она выглядела прекрасно. Некогда осунувшееся тело приобрело приятную пышность. О ней можно сказать: кровь с молоком. Правительница Саркена поклонилась ей.

— Вы ведь та самая наша чудесная союзница Ханна? — жена Розгальда радостно ей улыбнулась.

— Благодарю за комплимент, миледи. Я бы хотела как можно скорее встретиться с Его Величеством. У меня к нему неотлагательный разговор.

— А что случилось?

— Сегодня ночью в Остбоне вновь орудовал потрошитель. И на этот раз количество его жертв просто-напросто удивляет.

— Выходит, это не наёмник по имени Конрад, — задумалась Тисса, опустив глаза. — Ведь он сбежал. Вряд ли бы он стал рисковать и возвращаться.

— Я тоже так думаю, — кивнула аливитянка.

— Что ж... Мой муж сейчас находится в главном храме на горе. Пройдите через задний двор замка. Так будет короче. Я бы вас проводила, потому что все эти смерти тоже меня очень беспокоят. Но я занята обедами для голодающих. Не могу помочь всем... Однако я должна делать всё, что в моих силах.

— Ваше Королевское Высочество, не моё дело, простите... И всё же вы в положении. А чума никуда не делась. Вам опасно лично контактировать с большим количеством жителей. Не стоит рисковать. От вас зависит будущее всей страны.

— Ханна, спасибо за слова беспокойства. Вы, конечно же, в чём-то правы... Но дорманцы должны видеть свою королеву в тяжёлые времена. Я их не оставлю. В этом мой долг в первую очередь. У царственных особ не может быть только один ребенок или несколько. Все жители для меня как родные. Я давала клятву заботиться о своём народе, когда короновали Розгальда.

— Вы вызываете восхищение, миледи. Дорману повезло, что у его руля стоит такая благородная женщина, как вы, — с полнейшей искренностью заявила правительница Саркена.

— Не люблю, когда меня слишком хвалят, — смутилась та. — Разве только когда это делает мой супруг.

— Возможно, вы правы, королева. Увы, мне неведомы бриллианты семейной жизни.

Ханна направилась по просторному коридору дальше. Она не встречала ещё таких необычных особ, как Тисса. Что-то в ней её очень тронуло. Миледи не являлась воином, но всё же испускала внутреннюю силу, которую аливитянка никогда не видела ни в себе и ни в ком-либо другом. "Неужели любовь может быть мощнее натренированных мускулов и хорошо заточенного лезвия топора?" — пронеслась, словно комета в разуме мысль.

Когда она прошла дворец насквозь, то вновь закуталась плотнее в короткую шубу из песка. Сочные ягодицы Ханны и упругие бёдра обтягивали коричневые брюки из кожи. Когда женщина-воин двигалась, она не специально заманчиво виляла ими, так что стражники у ворот, не отрываясь, смотрели ей вслед, будто замороженные.

Перед ней тянулась среди свежего снега протоптанная тропинка, ведущая вверх, к основанию высокого храма, макушка которого терялась между белоснежными кучерявыми облаками.

В стенах базилики её обдало теплом. Всюду с потолка свисали чаши с полыхающим пламенем. Она преодолела прямоугольное помещение с двумя продольными рядами колонн и приблизилась к полукруглой апсиде. Там, возле алтаря, среди трепыхающих огоньков

зажженных свеч, стоял на коленях король.

Ханна остановилась позади него. Женщина-воин не сомневалась, что он прекрасно её слышал. Не хотелось отвлекать Его Величество от молитв, поэтому та решила дождаться, когда он сам соизволит обратиться к ней.

— Вы верите в богов? — угрюмо произнёс Розгальд, не оборачиваясь.

Правительницу Саркена удивил такой вопрос.

— Я верю только в то, что женщины куда сильнее мужчин. Стоит только открыть им глаза на это.

Король поднялся в полный рост. Но продолжал сутулиться. Плечи его всё также выглядели поникшими.

— Не примусь с этим спорить, — король, наконец, посмотрел на неё. — О чем именно вы хотели поговорить, Ханна? Если про то безумие, что случилось сегодня ночью, то мои люди уже всё доложили мне.

— Милорд, в таком случае, вам не кажется, что ареопаг был весьма поспешно проведён по поводу наемника?

— Да. Я умею признавать свои ошибки. Конрад явно не стал бы врываться с такой дерзостью в Остбон после побега. Во всяком случае, даже если бы его заключили под стражу, то состоялся бы законный суд. Никто не стал бы казнить невиновного. Или вам кажется, что я не слежу за справедливостью в королевстве? — он пронзительно уставил на Ханну медовые переливающиеся глаза.

— Ваше Величество, я вас уважаю. И наслышана о вашем достойном правлении. Просто решила осведомиться, так как в данном деле замешана одна из моих воительниц.

— Что ж... Понимаю, — он сомкнул руки за поясницей. — Какой же глава государства не стал бы отстаивать честь своих людей. Я приказал военным отменить поиски Конрада. И если он когда-либо вернётся в мои земли, то я лично принесу ему свои извинения. Но, тем не менее, почему он решил сбежать? Как всё это случилось? Почему его предупредили? Для меня вышла весьма оскорбительная ситуация. Ведь выходит, аливитянка Фрида не доверяла закону Дормана. Стойте... Не стоит ничего говорить. Уж не знаю, что её натолкнуло на оное поведение и откуда у неё имелась информация. Однако не будем больше об этом. Зачем же копать в белье невинных? Неправда ли?

Правительница в знак согласия одобрительно моргнула. Розгальд приблизился к ней.

— Потрошитель же до сих пор разгуливает на свободе. И при том он стал вести себя куда аффективнее. Слышал, вы уже опросили близких? И безрезультатно?

— Да. Всё верно, — король подал ей из вежливости руку, чтобы она взялась за неё для прогулки. Ханна обхватила его в области локтя. — Жутко не знать причин.

— Но, я так полагаю, вы сейчас отправитесь в свои родные края? Раз уж вы исполнили свой долг относительно одной из вас.

— Если вам не нужна наша помощь, то мы бы действительно выдвинулись уже сегодня обратно.

— Вы очень хороший человек, Ханна. Благодарю... Но в Саркене вас явно заждались. Любая страна нуждается в правителе. Должно же иметься равновесие в мире. Необходимо, чтобы существовал человек, к которому можно обращаться абсолютно всем. Глава страны — это людской щит от них же самих. Он обязан принимать удары, чтобы спасти всех от вырывающегося иногда на свободу животного начала.

— Чудесные слова, Ваше Превосходительство. С вами приятно беседовать.

Король проводил её до конюшни, где они распрощались. Аливитянки покинули Остбон.

После чего Розгальд направился к жене. Он обнаружил её на главной площади. Тисса разливала по деревянным плашкам бульон для голодных дорманцев. Его очень злило, что супруга так глупо рискует своим здоровьем и здоровьем будущего наследника. На него и так уже из-за этого бросают в Совете грозные взгляды. Ведь он обязан вразумить свою женщину. Никто не имеет права так несерьёзно относиться к линии царской крови. Однако Розгальд слишком хорошо знал Тиссу. Она бы ни за что не стала его слушать и сидеть в страхе из-за чумы.

Королева всегда была нежной и покладистой с ним, но стоило только коснуться чьих-либо бед, как миледи бросалась сама в гущу событий, чтобы хоть кому-то оказать помощь. Правитель Дормана задумался: "А любил бы я её столь сильно, если бы она не являлась такой великодушной? Видимо, нет." Розгальд считал, что красивых и умелых женщин достаточно много. Но вот слишком мало бескорыстных и жертвенных. Король радовался, что судьба его свела с настоящим кладом среди эрзацев. И теперь страшился, потому что больше не так сильно ценит её. Мысли все занимал отныне только Узгулун. Мужское тщеславие — одно из движущих чувств планеты, но в то же время одно из самых разрушительных.

Правитель Дормана зацепился за превосходящего его во всём врага и желал совершить невозможное. Любви в этом безумном состязании совершенно не находилось места.

Перед Тиссой сложно устоять, особенно перед её тёмными глазами. От них исходил жар, как от раскалённых углей. Ему было больно из-за создавшейся стены между ними, которую по большей части он сам же и выстроил.

Она держала замерзшими раскрасневшимися пальцами половник и разливала им бульон. Розгальд завернул за жерди деревянной лавки, позади которых та стояла.

— Послушай, дорогая, мне нужно отлучиться по делам из столицы ненадолго. Так что не теряй меня, — он постарался улыбнуться.

— Любимый, ты поговорил с Ханной? — королева обтерла руки о полотенце. — Что со всеми этими убийствами?

— Да. Аливитянки отправились домой. Они и так уже слишком помогли нам всем. Достаточно того, что союзники сплотились против Узгулуна. А потрошитель — только личная забота дорманцев. Так что не задерживайся допоздна. У тебя есть охрана, но я ещё приставил к тебе пятерых личных стражников. Они также будут ночью охранять вход в покои. Это просто предосторожность. Так мне спокойнее. Что же насчёт поисков убийцы... Те активно продолжают. Я дополнительно нанял за плату из дальних городов ещё воинов для патрулирования окрестностей и также улиц Остбона. Надеюсь, что скоро его изловят и отрубят голову.

— А куда ты уезжаешь? Когда вернёшься?

— Мне нужно обсудить с новым представителем вурдалаков вопрос, касаемый будущего возвращения повелителя хаоса.

— Но ты же говорил: они прислали тебе ответ. Что вампиры из княжества понимают нынешнюю ситуацию и не будут требовать вознаграждения взамен на объединение, — нахмурила лоб Тисса.

— Все так. Но я бы хотел убедиться в этом сам. Одно дело вести разговор через письма, другое дело вживую. Я не могу сидеть на месте и просто ждать конца света. Стоит знать действительный настрой тех, с кем придется участвовать в кровопролитной битве, стоя плечом к плечу. А вернусь через несколько дней. Так что не стоит беспокоиться.

Тисса потянулась к нему, чтобы поцеловать в щеку перед тем, как он уедет. Розгальд же резко развернулся, сделав вид, будто ничего не заметил.

Королева ощутила, что ещё немного и она разрыдается, поэтому, развязав фартук, поспешно укрылась за занавеской, где располагался испеченный хлеб.

Миледи больше не могла выносить отстраненности человека, которого чуть ли не с самого первого дня знакомства любила всем сердцем.

Розгальд не чувствовал ни жара, ни холода, потому надел поверх белой рубахи только красный камзол, обшитый золотым галуном. Он объяснил своим людям, что хочет поехать не со свитой, а один, налегке. Приближённые начали отговаривать его, так как не подобает королю путешествовать без сопровождения. На что правитель Дормана резонно ответил: "Я и так мёртв, что ещё со мной может случиться хуже?". Ни у кого не получилось убедить Его Величество в обратном.

Он взял меч и сумку с ремнями из кожи. Оседлал же самого безумного из своих полностью чёрных коней. Мощные и красивые ноги жеребца самовлюбленно, на большой скорости простучали по подъемному мосту. Из тёплых ноздрей животного валили клубы пара. Зрелище было прелюбопытное. Милорд с угольными волосами и бровями на вороном скакуне скачет, словно черт из преисподней. Жители невольно провожали его взглядами. "Всё-таки у нас очень красивый и умный король!" — размышляли они про себя.

Внешность Розгальда действительно обладала природным магнетизмом. И вампирская бледность на угрюмом лице делала его ещё загадочнее и привлекательнее для дам. Народ принял своего короля в новом воплощении. А внутренняя ошибочная злость от потери близких на войне уже поутихла в их сердцах. Они всегда знали, что Его Превосходительство живёт ради дорманцев, а не только ради короны.

Покрывало из снега искрилось в лучах солнца так, что монарха чуть ли не слепило. Казалось: едешь среди урагана из умирающих звёзд, и сейчас все желания вот-вот сбудутся, или тебя поглотит, будто пылинку, голодное нутро Вселенной.

Розгальд хотел исчезнуть. Только неугомонная ярость против Узгулуна до сих пор заставляла его продолжать свой туманный путь. Правитель свернул на дорогу, ведущую к лесу Хэтона, за которым простиралось княжество вурдалаков.

Когда он преодолел милю, то заметил в канаве у дороги стаю серо-рыжих волков. Звери глядели на него такими же жёлтыми глазами, раскрыв рты и облизываясь. В какой-то миг Розгальду захотелось спешиться и подойти к ним, чтобы обнять. Он ощущал сильную схожесть с хищниками.

Пасти волков были заляпаны кровью. Рядом лежала их растерзанная добыча — пожилой и невезучий як. Милорд спрыгнул на снег и с безумной улыбкой подошёл к ним. Двое из стаи оскалились. Но вожак спокойно и бесстрашно наблюдал за человеческими движениями. Розгальд приблизился к туше и оторвал себе кусок, жадно высосав из него красные капли. Никто не стал атаковать его. Животные чувствовали, что он им не по зубам.

Король рассмеялся, вытирая свои губы, и вновь уселся на дерзкого коня. Мускулистого жеребца не стоило прищипывать. Он был не из тех, кто нуждается в подсказках.

Продолжив путь, Розгальд театрально завыл, подражая пушистым братьям. Сознание желало разрыдаться, но тело вампира не имело больше слёз.

Пропасть из его тоски мог понять только взрослый орёл со слишком отросшими когтями и не имеющий отныне возможности жить как прежде.

Розгальд пребывал в том состоянии, когда стоишь на краю вершины скалы и смотришь с неё вниз. А заигрывает и разговаривает с тобой только ледяной ветер. Прошое же покрыто серой непроницаемой дымкой. И из неё никогда не донесется смех и любовь. Ты один на один со своим страхом и ненавистью к себе.

Конь гарцевал, проезжая простирающиеся заснеженные бокажи справа. Монарх видел сон наяву. Перед разумом проносились воспоминания, связанные с единственным счастьем, которое до сих пор не исчезало из остановившегося сердца. В голове вырисовывалась их свадьба с Тиссой.

Она шла в храм по аллее из цветущих белоснежных яблонь, от коих веяло сладким нежным ароматом. Все их цветки в своём множестве очень походили на её муслиновое платье. Чудесную головку миледи венчала перламутровая диадема. В те далёкие дни жажду в груди короля вызывала только возлюбленная. И лишь небесам известно, что бы он отдал сегодня ради утекших из рук, словно песок, прожитых беззаботных часов блаженства рядом с ней.

Но взгляд Розгальда поник. В загнанном мозге яблони перевоплотились в обильно цветущие гранатовые деревья. Они высились над Тиссой, как кровавые жуткие облака. Милорд вздрогнул.

Лицо короля исказила боль, будто его со всего маху кто-то ударил по виску кувалдой. Он злобно стиснул зубы.

Вскоре из сугробов начали выбираться мертвецы — окостеневшие ветви ивняка. И на обочине кривились голые деревья. Скрывшись позади стволов, некто с сияющим лезвием оружия наблюдал за ним.

Неподалеку, на обширном поле у озера раскинулась совсем не большая деревушка, окружённая частоколом. Но у неё до сих пор не было названия. Так как там жили кочевые племена дорманцев, имевшие огромные гурты скота. Которые в данный момент сильно поредели из-за всеобщего голода. Ибо приходилось делиться с остальным народом государства, чтобы не начались распри, вызванные несправедливостью. Летом же дома их пустовали, потому что они странствовали с одного травяного моря к другому.

По пустынной улочке между хатами, ломая позвонки снежинкам, отчего те громко хрустели, крепким шагом двигался мужчина в капюшоне и с кинжалом в руке. Из-за скрипучей двери вдруг вынырнула полная женщина в шерстяной шали. Она поежилась на холоде и направилась в хлев кормить быков. Убийца подскочил к ней... Лезвие пронзило её шею насквозь. Потрошитель однозначно был не из слабых, чтобы нанести такой удар. Кровь полилась из горла жертвы. Мужчина вынул кожаными перчатками из-под плаща деревянный кубок и поставил его. А затем жадно проглотил содержимое.

— Окружаем, — тихо, но чётко отдала команду Ханна своим людям.

Аливитянки, как гром посреди неба грянули в селение. За считанные секунды воительницы со всех сторон обступили преступника. Он застыл на месте, смотря на копыта их лошадей, столпившихся рядом с ним.

— Снимайте капюшон! — прокричала правительница Саркена.

Отсюда выходит вывод, что Ханна солгала королю. Она не направилась домой, а решила довести всё до конца. Такая уж у неё имелась натура. Если кого и можно было назвать бретёром, так женщину-воина. Для неё вся жизнь представляла поединком. Стоило только аливитянке унюхать что-то подозрительное, как та уже не отступит, пока не покончит со всеми тайнами.

Потрошитель медленно выполнил, что она требовала, и поднял на неё голову. Жёлтые глаза безэмоционально смотрели, словно сквозь Ханну.

— Очень жаль, что мои догадки оправдались, — начала правительница Саркена. — Наверное, всегда куда тяжелее смотреть на то, как одни из самых лучших и достойных людей

втаптывают свою совесть полностью в грязь, нежели чем на заядлых предателей добрых истин.

— Что же меня выдало, Ханна? — измученным тоном спросил Розгальд.

— Все эти убийства не мог совершить один человек. Слишком быстро, слишком ловко. Группа же головорезов при этом бы грабила. Я до последнего не хотела верить, что это вы. Но жертвы в окрестностях и в столице натолкнули меня на мысль, что вурдалак вполне имел бы возможность незаметно обходить постовые вышки с привратниками. Однако, Ваше Величество, предупреждаю вас, что если решитесь ускользнуть, то это вряд ли выйдет. Я намерена доставить вас в Остбон, где вашу судьбу решит суд.

Милорд печально усмехнулся.

— Это не понадобится. Я устал, Ханна. Пора предстать перед моей королевой. Она знает свой долг. Зачем тратить время... Тисса отдаст справедливый приказ. Меня казнят. Такой великой миледи, как моя жена, у Дормана никогда не будет. Вы как-то сказали, что женщины куда сильнее мужчин. И Тисса тому яркое доказательство. Если поменять нас местами, то я бы никогда не смог подвергнуть её всей строгости закона. Я бы скорее отрёкся от всех и всего, сбежал бы вместе с ней. Но только она не такая, как я. Супруга ранимая, как молодой лепесток на цветке, однако она всегда готова защищать истину с несокрушимой энергией. Тисса лучше отдаст собственную жизнь, чем опозорит клятвы, приносимые дорманцам. А я... — он уселся на снег. — Я умру с улыбкой на лице. Ведь в моей жизни находилась самая лучшая женщина из всех, что когда-либо были или будут. Я глупец... Чего может ещё желать мужчина? Я должен был довериться ей раньше... До моего падения... Её близость и любовь не позволили бы мне сорваться...

— Но вы боялись причинить ей вред, — продолжила за него воительница. — И в результате пострадали другие люди. Ваше Величество...

— Уже просто Розгальд, — прервал её тот. — Не стоит больше пачкать королевскую власть. Я уже никто... Жалкий безумец. Все мои тщания для того, чтобы сохранить славную память рода, рухнули. Я уничтожил всё, что создавалось непосильным трудом.

— Я хочу заметить, — Ханна спешила и приблизилась к нему. — Если бы вы всё же решили сбежать, то, несмотря на численное превосходство моих воительниц, силы бы всё равно были равны. Я прекрасно осведомлена о вашем боевом искусстве. И это делает вам честь. Вы искренне готовы понести наказание за то, что совершили. Но... Розгальд, можно узнать... Почему вы не убили тогда девушку по имени Люси? Она бы точно не смогла спастись, если бы вы сами не прекратили своё преследование.

Розгальд скосил глаза немного вбок, стараясь припомнить одно из своих нападений, совершенных в приступе дикой жажды.

— Люси очень редкий мастер. Она сослужит отличную службу для народа Дормана своими изобретениями. Я бы советовал вам приобрести какие-нибудь из её творений. У неё удивительно работает мозг. Оружие, которое создаёт та, действительно будет очень полезным в будущем. Но я тогда едва смог с собой совладать, чтобы отпустить её. В своих ненасытных приступах я плохо соображаю. А Люси все же поразила меня...

— Розгальд, мне очень жаль... — искренне произнесла Ханна, положив руку ему на плечо. — Но... Зачем вы направились в княжество вампиров? Я слышала о вашей задуманной поездке от придворных слуг, поэтому и решила, что это удачный случай последить за вами.

— Я правда ехал, чтобы обговорить чёткие условия о будущем союзе на случай

возвращения Узгулуна. И... Ещё я хотел спросить у них, как можно контролировать себя. Но всё равно было уже поздно. Ханна, я не смог бы жить с кровью на руках дальше. После первого убийства уже ничего не вернуть назад. Совесть не отмывается.

— Зря вы так. Если бы вы только рискнули полностью доверить своё тяжёлое состояние жене, то всё ещё можно было исправить... Вы точно совершили бы и немало хорошего...

— К чему это сейчас? — правитель Дормана поднялся. — Свяжите мне руки! Пора отвечать за злодеяния!

Из домов начали высыпать любопытные жители. Они испуганно и без умолку перешептывались между собой.

— Розгальд, я не стану этого делать. Вы поедете сами! На своем коне! Может, вы и совершили ужасные вещи. Но уйдёте с достоинством! Прошое перечеркнуто окончательно, однако за своё правление вы доказали, чего стоит ваше слово. Кто-то запомнит грязь, но кто-то будет и помнить выдающиеся вещи о вас. Из разумных людских душ сложно бесследно стереть добро.

— Я этого не заслуживаю...

— А я так не думаю!

— Ханна, я не боюсь казни. Я мечтаю о ней! За всю любовь жены я отплатил ей ножом в сердце! Я убивал свой народ! Я... — руки его затряслись. — Я предал всех! Предал себя! Она ведь верила в меня! Дорманцы верили мне! — Розгальд закричал во весь голос. — Убей меня прямо сейчас! Прошу! Прошу!!! — король вцепился в её ноги руками, склонив голову.

— Вам нужно... Нужно сказать всё это ей... — аливитянка взяла его за ладонь.

— Ханна, спасибо вам... — монарх поднялся. — Вы тот самый меч правосудия! Если бы не вы, то скольких бы я ещё лишил жизни...

К нему подвели его гордого жеребца. Розгальд, не медля, уверенно вскочил в седло. И помчал во весь опор в Остбон, навстречу каре. Пришло время платить по счетам. Среди сильных людей не принято уклоняться от возмездия.

— Проводим короля в последний путь, — Правительница Саркена обратилась к своим воительницам. — На наших глазах закончится один из самых коротких, ярких и печальных правлений в истории.

Аливитянки, не торопясь, направились вслед за исчезнувшим уже из поля зрения Розгальдом.

Когда король прибыл в столицу, то первым делом сразу же пошёл к гроссмейстеру главного рыцарского ордена и во всём ему сознался, чем совершенно обескуражил того. Затем милорд попросил, чтобы его сразу же посадили в темницу и позвали прелата для исповеди.

Розгальда отвели в сырую камеру, где вместо кровати были две необтесанные доски, покрытые рогожей. Его Величество долго беседовал с духовным лицом, изливая всё, что держал в своей грешной душе.

Поздним вечером, священник покинул серые стены узницы, унося оттуда горячие, искренние слова раскаяния Розгальда. И для короля осталось последнее в жизни испытание. Прелат должен был сообщить шокирующую новость Её Высочеству. Так что правитель в напряжении ждал, когда супруга посетит его.

Тисса тем временем, ещё ничего не ведая о случившемся, сидела уставшая за книгой. Распушенные волосы слегка растрепанно спадали на плечи и грудь. На ней была белая длинная котта, поверх которой складками стелилось пышное серое сюрко.

Все боялись говорить ей правду первые. Так как имелись большие опасения, что она может от горя потерять дитя или снова слечь в постель. А при нынешних обстоятельствах, когда на рассвете Дорман лишится короля, особенно. Но это необходимо было сделать...

Ряса священника прошелестела по её покоям. Тисса очень злобно отреагировала на услышанное и чуть было не запустила в прелата книгу, не поверив ни единому его слову.

Её Высочество, не переодеваясь и нисколько не заботясь о своём неподобающем для королевы видом, почти бегом бросилась в камеру к мужу, по дороге громко крича на стражников, которые посмели заключить мужа. Она грозилась, что сама казнит их всех с первыми лучами солнца, а потому пусть убираются прочь, пока не поздно.

Она не верила, даже когда перед ней поспешно отворяли скрипучие двери темницы. Щеки её пылали яростным огнём.

Розгальд, издали услышав грозные речи жены, тоскливо улыбнулся. Он только сейчас осознал, как всё это время невыносимо скучал по ней, когда старался избегать встреч.

Увидев супругу, резво перешагнувшую через порог, он ощутил глоток свежего воздуха. Словно вновь стал человеком.

— Оставьте нас! — поднявшись на ноги Его Величество обратился к охраннику.

— Что ты им позволяешь, Розгальд? Что ещё за цирковые глупые представления? — она выпучила на него недоумевающие глаза.

— Тисса, послушай, прошу, остановись! — он взял её ладони в свои. — Всё... Что тебе сказали... Верно! Я и есть тот потрошитель... Я сорвался! И... Я отвечу за зло, что совершил!

— Ты не мог... — жена замотала нервно головой и вырвалась из объятий. — Ты бы не стал... Никогда!

— И столетние могучие горы могут рухнуть в один миг, — Розгальд опустил голову. Невыносимо больно было смотреть ей в лицо, говоря разрушительную правду. Но он сжал руки в кулаки и пересилил себя. — Ответь мне только на один вопрос сейчас. Ты бы смогла жить с убийцей невинных?

У Тиссы в горле встал ком. Король испугался за неё, что ей может стать дурно, и усадил супругу на грубую лежанку.

— Мне очень важно знать... — продолжил после минутного молчания, которое тянулось для него, как целая вечность.

— Нет! Не смогла бы! — резко изрекла она, пронзив его бушующим взглядом, сочетавшим все эмоции страдания разом.

— Если бы ты ответила иначе, то я бы был самым несчастным человеком в мире, — он уселся коленями на грязный пол возле её ног. — А сейчас я счастлив... Потому что ты самая идеальная женщина во Вселенной! И ты моя жена! Моя... Тисса, я очень виноват перед тобой! Виноват перед народом! Я знаю, что подвёл всех! Прошу тебя, завтра после казни распорядись продать моё личное имущество. И направь все деньги близким тех, кого я убил. Знаю, что это ничего не изменит... Но так будет лучше... Лучше, наверное, только для остатков моей мерзкой души...

Тисса вскочила и залепила ему пощёчину впервые в жизни. И тут же бросилась покрывать место удара поцелуями.

— Прости! Прости!

— Всё в порядке...

— Замолчи! — закричала она, стараясь из последних сил не впасть в истеричное

состояние. — Как ты мог?! Как ты смеешь оставлять меня одну? Мерзавец! Ты бросаешь меня! Неужели я заслужила это? — она разразилась слезами, чувствуя, что начинает задыхаться.

Тисса подошла к стене и со всей мочи ударила по ней ладонью. Рука сразу же покраснела. Розгальд подполз к ней, не поднимаясь с колен, и принялся целовать её щиколотки и ступни, задирая платье.

— Нет! Нет! Не говори так, молю! Ты заслуживаешь только самого лучшего, что есть на свете. Я подлец! Да! Всё так!

Королева начала пошатываться. Ей казалось, что она сейчас потеряет сознание.

— Я не могу... Не могу находиться здесь! Не из-за тебя, Розгальд, а из-за того, что знаю, что завтра ты умрешь!

— Тисса, стой! — правитель ухватился за её руку, когда она уже собиралась уйти. Та обернулась. Некогда розовое лицо супруги стало белее, чем снег. — Если когда-нибудь Конрад вернётся. То передай ему от меня личные извинения! Я хочу... Чтобы люди понимали... Я могу признать свои ошибки! Могу, Тисса! Стой! Это ещё не всё! Запомни... Не лей завтра слез по мне! Ты отдала мне свою любовь! Но... Когда меня не станет... То наступит время... Когда нужно отдавать свою любовь народу! Отдавать её всю! Лей слезы только по убитым мною невинным! Лей слезы по ним! Люди должны знать, что твоя любовь бесценна... Должны... Хотя я думаю, что они и так уже это знают. Они заслуживают любви... Не я! Никогда не стоит горевать, когда свершается справедливость... Запомни это!

Ледяная рука королевы выскользнула из его ослабшей хватки. Еехватило только на то, чтобы кивнуть ему. Она ушла...

Забрезжил хмурый рассвет. В день казни мороз пробирал до костей. Никогда ещё в Остбоне не были забиты так все улицы, как в то утро. И это неудивительно. Никто ни единого раза не видел, чтобы король добровольно шёл на эшафот.

Ладони и пальцы дорманцев сковывал коркой холод, словно лёд озёра. Мышцы содрогались, стараясь непроизвольно согреться. Люди жались друг к другу не только из-за тепла, но и из-за того, что свободного пространства совершенно не имелось вокруг. Волосы на предплечьях у всех, вне зависимости от одежды, стояли дыбом. Из носов тянулись хрупкие заиндевелые нити. Беспощадные руки никса проникали внутрь глоток и соскрёбывали с неё оболочки острыми ногтями.

Город был обездвижен. Всё замерло... Кузнецы затушили горны, гончары остановили круги, пекари покинули печи... Лишь рослый, заплечных дел мастер ступал твердым шагом по хрустящему снегу. Его глубоко посаженные карие глаза устойчиво окидывали даль. Он напоминал скалу в океане, что мчитя во времени сквозь человеческие воды, чтобы сокрушить чей-то корабль, сбившийся в бурю с курса. В ножнах палача беспокойным сном дремал превосходно наточенный меч. Будто клинок ощущал всем своим телом: сейчас наступит его знаменитый выход, и он не имеет права на ошибку.

Легисты, часто негодующие насчет поступков правителя, теперь стояли с заколдованным видом, повторяя одно слово: "Сир...". Они старались продолжить гложущие их, как собаки, мысли. Но оных было слишком много. Советников швыряло между противоречивыми ощущениями. Судно, можно сказать, уже разбилось... Законоведы пребывали щепками на огромных валах.

Бледная королева в чёрном манто направлялась к Розгальду по промёрзлым переходам из арок, чтобы в последний раз поговорить с ним. Заметив его, она остановилась. Её всю молниеносно охватила судорога. Тисса, дабы совладать с собой, сильно вдохнула, собрав кулаки.

Позади правителя Дормана шли двое стражников, но в них не было никакой необходимости. И это все понимали. Те сами не знали, куда себя деть, и потому старались держаться как можно дальше от заключённого. Никто даже не решился сковать его запястья цепями.

— Уходите! — приказала им Тисса.

Воины с большим облегчением и гремя доспехами, скрылись прочь, улизнув в ближайший переход.

Миледи медленно приблизилась к мужу. Множественные юбки платья печально шелестели над её ступнями. В этих звуках слышался шёпот Смерти, переминающейся с ноги на ногу в ожидании нового дела.

— Ты ведь обещал, Розгальд... Обещал, что всегда будешь рядом, — натянутым, как струна голосом изрекла она. Жилы нервно подрагивали на мраморной шее.

— Мы слишком обманывались с тобой, Тисса, — хрипло начал супруг, — когда думали, что у нас всё иначе, чем у других монархов. Это не наша жизнь... У правителей не может быть ничего своего. Я всегда принадлежал народу, как и ты, — он посмотрел в её раскалённые мукой глаза.

— В таком случае... — по щекам Её Высочества посыпался солёный град. —

Следующая жизнь будет только наша с тобой. Никаких больше короля и королевы. Только я и ты...

Розгальд обвил её пальцы своими большими ладонями.

— Я буду ждать тебя там... — он страстно припал к губам жены. В это мгновение Тиссе показалось, что всё происходящее вокруг — всего лишь кошмарный сон и только.

Когда Его Величество отстранился, то вновь продолжил:

— Я попросил, чтобы инвеституру провели сразу же после моей казни. Прямо на эшафоте... Тебе многое еще нужно сделать здесь, прежде чем мы снова увидимся.

Супруга, замешкавшись, кивнула в ответ. И уже собиралась отправиться на площадь, но обернулась.

— Розгальд, ты ведь знаешь, что я...

— Знаю, — перебил он её, так как понимал, что она хотела сказать без слов. — А ты?

— И я! — Тисса ушла. В голове разгорался чудовищный пожар. Оставалось надеяться, что он не поглотит разум.

Снаружи давно уже никто не переговаривался. Все с замиранием сердца ожидали самого шокирующего события, которое только можно было представить. Даже красногрудые снегири внимательно наблюдали за действиями короля.

— Мои слова, как и поступки, уже ничего не вернут! — прокричал Розгальд, обводя прямым взглядом толпу. — Но я хочу, чтобы вы знали: я раскаиваюсь... И сегодня я смою с Дормана тот позор, в котором я повинен!

Король рухнул на колени и опустил голову на плаху. Палач обнажил меч. Наступило время спеть песню вечных истин. Солнце всюду несло свою службу, но его скрывали облака. И потому небо до сих пор оставалось мутным и серым. Если склонить шею назад, то в нём можно заметить призрачные потоки, будто сами боги парят в вышине. Они желают узреть, как их дети вершат правосудие.

Опытный заплочных дел мастер исполнил свой долг. Один взмах... Один ровный и чёткий удар... Одна смерть...

Птицы, встрепенувшись, упорхнули с насиженных мест. Голова с широко раскрытыми глазами упала и, немного прокатившись, остановилась. Свежесть воздуха наполнил горький запах крови. Раздувающиеся ноздри дорманцев хорошо учуяли его.

Лезвие закончило петь. Мелодия правды всегда коротка. Но придётся пройти множество дорог перед тем как услышать её. И от нашего с вами выбора зависит: будут ли звуки той приятны или разрушительны для нас.

Тисса отпустила перила, за которые крепко держалась, и крепким шагом направилась к трупу. В её лице отныне не читалось никаких страхов и сомнений. Она знала своё будущее настолько, насколько это было только возможно. На канве королевства только что бесповоротно заполнилась ещё одна клетка. И миледи пора вышивать узор дальше, чтобы завершить картину.

Супруга Розгальда поднялась на эшафот и нарушила удушающую тишину.

— Тело бывшего короля не станут переносить в склеп славных правителей! — недрогнувшим голосом объявила она. — Он этого не заслуживает! Пусть его закопают в поле безымянным! А статую перед дворцом снесут! — по её коже поползли горячие слёзы. Она помнила, ради кого они должны литься. И невольно задалась в душе вопросом, не лжёт ли сама себе... Но поняла, что это правда единственная. Розгальд сказал вчера верные вещи. Ей действительно было жаль убитых. — Слёзы, что вы сейчас видите... Не по моему супругу...

А по невинным дорманцам, что пали от его рук! — лицо её так осунулось, будто Тисса состарилась за несколько минут.

Седобородый священник в белой ризе и пурпурной фелони выдвинулся к ней. Он нёс в руках тяжелую корону, а его помощник семенил сбоку, держа золотой меч. Тисса преклонила перед ним колени.

— Дочь Дормана, готова ли ты взять на свои плечи бремя царствования? Клянешься ли ты заботиться о братьях и сёстрах своих, покуда сердце твоё будет биться в груди? — несмотря на суровый вид, служитель богов обратил свою речь к ней очень благоговейно.

— Да, готова! Клянусь своей жизнью и душой! — без запинки отвечала миледи, воздев на него влажные чёрные глаза.

Пастырь водрузил на её голову корону, инкрустированную мириадами крупных бриллиантов. Основание коей оплетала филигрань из серебра. После чего взял меч и приложил его плашмя Тиссе сначала на одно плечо, а затем на другое.

— Да будет так! — продолжил он. — Если ты когда-либо нарушишь сказанное здесь, клинок кары найдёт тебя и низвергнет в преисподнюю!

— Я принесла обетование не из-за страха перед возмездием, а из-за любви! — резко заявила Тисса, поднявшись в полный рост.

Священник слегка улыбнулся и тихо сказал ей, чтобы услышала только она:

— Тогда мы в надёжных руках, Ваше Величество.

Все склонили перед ней колени. Толпа разразилась шквалом криков и аплодисментов.

— Да здравствует королева Тисса! Да здравствует королева Тисса! Да прольется на нас её любовь!

Миледи взяла в правую руку золотое оружие и подняла его высоко вверх.

— Да защитит она нас всех, как родная мать от бед!!!

Краем глаза она взглянула на голову супруга, понимая, что большего для него сделать не посмела бы.

Некоторые из жителей, которым не довелось потерять близких от злодеяний Розгальда, осудили её. Для их примитивного мышления казалось безумием, что Тисса не попыталась спасти мужа, и что она даже отказалась лить по нему свои слезы. Они думали: какую же любовь можно ожидать от женщины, так поступившей со своим близким. Но эти дорманцы не могли представить, что истинная любовь бывает и в отречении.

В перипетиях судьбы часто случается так, что высокодуховным особам приходится бежать от человека, которым дорожишь больше всех. Либо из-за опасения, что потянешь возлюбленного с собой на дно. Либо, как Тисса, которой пришлось доказать свою любовь к Розгальду таким способом. Тот ценил её за справедливость. Он любил супругу душой, а не только человеческими условностями.

Розгальду никогда не были нужны её жертвы ради него. К чему приукрашенные прыжки в пропасть вслед за второй половиной? Бывший правитель боготворил в ней лишь самое редкое, что повезёт иметь только исключительным личностям: силу истины, выжигаемую колесом времени среди звёзд.

Ночью в почивальне дворца, королева неподвижно смотрела на крепкую перекладину, проходившую под потолком. Она безэмоционально поднялась и, пошатываясь, с трудом сорвала балдахин. Скрутив его, перекинула через брус. Подставила стол, а на него стул. Затем обмотала ткань вокруг шеи, закрепив плотным узлом.

Камеристка Оливия тайком стояла за дверью. Нервно грызла ногти на пальцах и так же

судорожно, липкими руками теребила цепочку шатлена на юбке. Советники предупреждали её, чтобы она ни на миг не оставляла в ближайшее время Её Величество одну. Так как имелось достаточно опасений насчёт эмоционального состояния Тиссы. Никто не мог без страха относиться к данной ситуации. Мужчины предполагали, что любившая своего мужа женщина способна выкинуть что-то ужасное.

И теперь придворная дама не знала, куда себя деть, ибо миледи приказала ей уйти. Оливия в одинаковой степени не хотела ослушаться свою королеву, как и не могла не находиться подле неё в столь переломный момент.

Камеристка всё же собралась с духом и даже без стука распахнула дверь. Повезло, что Тисса ошибочно понадеялась на безропотное подчинение Оливии.

Когда фрейлина увидела происходящее внутри, она только и смогла громко охнуть, выпучив глаза. Её Величество словно очнулась ото сна наяву.

— Это не то, что ты подумала, Оливия! — королева поспешными движениями сбросила балдахин с шеи и принялась спускаться.

Женщина бросилась к ней, чтобы подать руку. Миледи покрылась красными пятнами.

— Вернее... Это то... Но... — Тисса замотала головой, будто отгоняя от себя все мысли прочь. — Нет. Я бы этого не сделала. Не смогла бы! Не говори никому! Прошу! Я же дала сегодня клятву! Я нужна наследнику и народу! И я Розгальду обещала, что... Оливия, мне так стыдно!

— Не стоит стыдиться глупых поступков, которые так и не совершили! — камеристка обняла её, прижав к груди, как растерявшегося ребёнка.

Тисса разразилась потоками слёз, вздрагивая в её объятиях.

— Вы ведь больше никогда...

— Нет! Я... Я никогда так больше не сделаю. Оливия, если бы вы не вошли, я бы всё равно одумалась. Правда...

— Как-то вы это неуверенно сказали, — дама печально взглянула на неё.

— Я обязана достойно воспитать наследника! Я обязана помогать дорманцам! Это было минутное помутнение! Минутное... Я не хочу, чтобы кто-то об этом знал. Так будет только хуже. Мне не нужна излишняя забота. Она вгонит меня в ещё более плохое состояние. Дайте мне шанс, Оливия. Вы увидите, что я сильнее, чем кажусь. Сильнее... Я это и себе докажу!

— Моя королева, то, что вы сильнее всех нас вместе взятых, мы и так все знаем! Какая бы женщина вынесла... В общем... Не станем больше об этом. Я вам верю! Но всё же надеюсь: вы не будете против, если я останусь при вас?

— Только на сегодня, — миледи взяла из её рук платок и обтёрла пылающее лицо.

Утром Оливия заметила у госпожи признаки лихоманки. Целую неделю Тисса не поднималась с постели. Все эти семь дней дорманцам казались вечностью. Однако королева не соврала. Она боролась за жизнь, как только могла. Прилежно пила все бульоны и отвратительные целебные травы, что ей заваривали.

Уже на восьмой день Её Величество вышла на прогулку во внутренний двор и сходила в храм, где посылала усердные молитвы богам, дабы те свели их с мужем в следующем перевоплощении.

А ещё через несколько суток Тисса провела совет, на котором узнала подробное положение дел, затрагивающих все структуры государства. Миледи велела прекратить поиски провинившихся перед бывшим правителем Тары и Йорика. Она вычеркнула их имена из проскрипции. Вещи Розгальда были распроданы, а драгоценности же, что не получилось

обменять в нынешней конъюнктуре, так и отдавали семьям погибших.

Её Величество продолжала усиленно оказывать помощь беднякам и голодающим. Также отправила официальные письма всем союзникам, чтобы заключить с ними договоры на будущее. Тем, кто уклонится от конкретного ответа, заранее сообщила, что они могут больше никогда не рассчитывать на какие-либо услуги со стороны дорманцев. Она соблюдала всю почтительность, но была непреклонна по отношению к хитрецам и трусам, ибо сама не являлась таковой.

Ханна поведала Тиссе в записке о мастерстве Люси. И она щедро осыпала ту золотом взамен на обширное производство новых видов оружия. Королева требовала всех имеющихся воинов старательно обучаться владению им и тренироваться в боевом искусстве в два раза больше, чем прежде.

Медленными, но увесистыми шагами у неё получалось создавать более профессиональную армию. Число людей, конечно же, оставляло желать лучшего, однако это не вгоняло миледи в отчаяние. Она намеревалась показать, что другие народы и расы многое потеряют, если захотят отсидеться в стороне от всеобщей беды в обличье Узгулуна.

Правительница приказала вести активные поиски драгоценных пород по всей территории Дормана, чтобы иметь возможность оплачивать наёмные войска в случае необходимости.

И Тисса попросила Люси работать совместно с остальными мастерами, дабы совершенствовать уже имеющиеся пушки.

Королева также лично занималась уходом и разведением живности и скота. Она думала о том, как прокормить свой народ. Не было и дня, чтобы сама не объезжала все фермы, предлагая собственные услуги. Помимо этого, Её Величество старалась распределить всем необходимые корма. Тисса гневалась, когда видела, что животных содержат в грубых и плохих условиях.

— Как можно так неуважительно и безрассудно относиться к тем, кто поддерживает в нас жизнь? — кричала и бранилась она на невежественных людей.

Вскоре её некогда нежные красивые руки изрядно испортились. Но на это Тиссе было абсолютно наплевать.

Королева возвращалась во дворец только под ночь и покидала его вновь с первыми лучами солнца. Приближенные просили госпожу побереечь себя, однако она лишь отмахивалась, не намереваясь даже выслушивать их до конца.

Как-то Оливия заметила на ней новое кольцо, которое та носила, не снимая. Камеристка обратила на него такое внимание, потому что камень на украшении не являлся совсем подобающим для царственной особы.

— Миледи, к чему вам недорогой цитрин на вашей бесценной коже? — удивилась дама.

— Это напоминание... — устало ответила Тисса. — Он такого же цвета, как вампирские глаза у Розгальда.

— Но зачем же помнить плохое? Не лучше было бы заказать кольцо с синим алмазом. Ведь такие глаза были у короля раньше.

— А затем, что прошлое на то нам и дано, чтобы извлекать из него уроки! — немного резко заявила правительница. — Мой муж серьёзно оступился. А я не имею на это права! Он лишил меня такой возможности.

— Но вы слишком строги к себе, Ваше Превосходительство, — взволнованно продолжила фрейлина. — Вы же человек. И...

— Достаточно! — холодно прервала Тисса. — Я не принадлежу себе! Другим доступно совершать ошибки, но не мне! Я нахожусь здесь и сейчас. В моих руках власть, от которой зависят судьбы жителей... И уж точно не мне позволены промахи!

Долина вулканов

Карлин шла пешком с мешком за плечами. Взгляд у неё был словно у хищной птицы. Она жадно и яростно искала свою цель, чтобы поразить её и навсегда забыть о других заботах. От потной и грязной кожи несло кислым резким запахом. Чёрные волосы на голове свисали сальными сосульками.

Сухая сыпучая земля под покрытыми кровавыми мозолями ногами дрожала, будто испугавшееся голодных ртов, желе. Вдалеке, справа от неё раздражённо пыхтел недовольный чем-то вулкан.

Она остановилась, чтобы отпить из меха воды. Сделав три глотка, рухнула на колени. Из рта ведьмы вырвался стон, перешедший в душераздирающий крик. Всё это напоминало скулёж и вой преданной своему хозяину собаки, после гибели оного.

Чародейка опустила голову и посмотрела вперёд. Между тёмными валунами промелькнуло нечто рыжее. Мозг девушки вновь схватил вожжи разума.

— Стой! — Карлин взметнулась на ноги и создала короткий портал, чтобы не отстать.

Выскочив из магического коридора напротив кривой небольшой пещеры, устланной коркой пепла, она замерла на месте. На неё равнодушно взирала Мантикора ледяными голубыми очами. Скорпионий хвост с шипами, таившими в себе убийственный яд, возвышался над львиным туловищем с мощными лапами.

Волшебница не знала, что сказать и как себя повести. Слишком многое должно зависеть от исхода разговора. И потому спешить совсем не хотелось.

— Что тебе нужно? — спокойным, но каким-то мёртвым тоном спросило существо с женскими чертами лица.

— Я... Я желаю задать лишь один вопрос. Кто из богов занимается перераспределением душ?

— Вайян!

Карлин опешила и замешкалась.

— Тебя удивляет то, что я так легко дала ответ? — одна бровь Мантикоры поползла вверх. — Мне просто наплевать на богов и на всех вас. А теперь проваливай прочь отсюда!

— Я привыкла, что каждый всегда ожидает какой-то профит взамен за услугу, — наконец смогла произнести ведьма.

— Ну ещё бы. Ты же человек, а у вас, у тупоголовых, так принято. Единственное, на что я могла бы рассчитывать, это на то, чтобы меня убили. Но этого никто не в силах совершить. Создатели, кстати, тоже весьма глупые. Богиня времени страшилась, что я захочу занять главенствующее место в иерархии. Считала, что я угроза для её наследников, — Мантикора усмехнулась. — И она изгнала меня.

— И, наверное, самое обидное то, что отец не вернулся за вами? — чародейка с тоской взглянула на неё.

— Да... — создание отвело взгляд. — Я уже сбилась со счета, сколько лет я провела в одиночестве. В одиночестве, которое будет длиться вечность.

— Мне очень жаль, — Карлин закусил нижнюю губу.

— Ты ведь хочешь что-то ещё узнать, но думаешь, что я уйду? Вы, люди, привыкли полагать: если кто-то пребывает в печали, то обязательно должен быть озлобленным?

— Это слишком огульное мнение.

— И мне теперь похвалить тебя за то, что ты не похожа на жалких сородичей? —

Мантикора звонко рассмеялась.

— Я ничего не слышала о Вайяне. А мне необходимо...

— Можешь не продолжать, — перебило её существо. — Мне несложно поведать о нём. Вы зовете его иначе... В вашей истории он известен как Аин. Покровительствует справедливости.

— Что! — вскричала ведьма. — Этот ублюдок обязан помогать, а он... Сволочь! Он не даёт переродиться магам. Создает из них рабов после смерти! — девушка сжала руки в кулаки.

— Так вот оно как, — Мантикора уселась, сложив задние лапы. — Не знала, что Вайян настолько бесстрашен. Скорее всего, другим богам ничего неизвестно насчёт этого. Хотя... Не думаю, что кто-то из них откликнулся бы на ваше горе. Вайян был влюблён в женщину по имени Гаппия. И она являлась волшебницей. Но Гаппии уж больно нравилось скакать на разных членах. Видимо, бедняга сильно озлобился на неё и с тех пор творит беззаконие в своих владениях.

— Из-за какой-то потаскухи пролил свой гнев на всех нас! — лицо Карлин покрылось гримасой отвращения. — Дерьма кусок!

— Ты ведь осознаешь, что одного создателя может убить только другой создатель? — Мантикора зевнула.

— Да... Но как я могу раскрыть его преступления другим небесным правителям?

— Тебе это всё равно ничего не даст. Боги вступают в любое дело только в самом конце. Такова их суть. Они любят собирать лавры, а не делать работу за других. Чтобы что-то изменить, стоит самой подать им Вайяна на блюдечке, и тогда магов освободят.

— Но какую ловушку я могу устроить? — ведьма с надеждой на неё взглянула.

— Используй войну. Боги переманивают на свою сторону ваши души, а демоны на свою. Когда произойдёт значительный перевес, то кто-то из них исчезнет. Надеюсь, ты догадалась, к чему я это говорю?

— Если честно, то не совсем.

— Дьявол с огромным удовольствием захватил бы кого-то из создателей. Так как один бог может заменить множество человеческих душ. Но для этого ему потребуется кто-то из людей. А ещё тебе придётся заключить с кем-то из его демонов договор, что после исполнения ты сразу же отправишься в преисподнюю и сама станешь рабом. Никто так не любит выгоду, как сатана. Если уж желаешь спасти бедных магов от мытарств, то без подвижничества никак.

— Я готова!

— Видимо, ты точно не была в аду, раз так спокойно согласилась.

— Моя сестра и мои родители страдают. Если мои муки способны помочь им, то так тому и быть. У нас, у людей, с такими решениями всегда всё обстоит просто. Ради любви к ближним не стоит долго раздумывать. Но, во всяком случае, здесь что-то явно не сходится. Ты сказала, что перевес опасен для богов. Не обозлятся ли они на меня, если я отправлю Вайяна в преисподнюю. Тогда всё, ради чего я пожертвую жизнью, развеется прахом по ветру.

— Никогда не забывай: создатели, как и вы. Те способны сами играть себе во вред ради соблюдения небесных законов. Поверь мне на слово, боги своих родственников в своё время

сами низвергли в ад, чтобы те страдали. Битвы небесных правителей такие же жестокие, как ваши. Так что не думаю, что они разгневаются на тебя. Скорее лишь восхитятся твоей схожестью с ними.

Карлин уселась на землю, облокотившись о колени.

— За своё существование я поняла только одно, что я абсолютно ничего не поняла.

— Жизнь не создана для того, чтобы что-то в ней понимать. Она создана для того, чтобы чувствовать, — сентенциозно заключила Мантикора.

— И то правда, — чародейка повернула к ней голову. В глазах её читалось облегченное смирение к судьбе. — Слушай, а тебе не надоело быть одной? Может, выпьем вместе пива?

Существо поднялось на все четыре лапы.

— Ты скоро умрёшь. Не хочу пить пиво с тем, с кем дружить осталось недолго. На моём пути никогда никого не будет. Потому как все гибнут, а я всегда остаюсь.

— Я считала, что ты ненормальная и ешь людей. Так про тебя писали в книгах.

— Не стоит верить всему, что пишут.

Карлин тоже встала на ноги и взяла свой мешок с вещами.

— Спасибо тебе огромное! Ты даже не представляешь, как ты мне помогла.

— Верно... Не представляю. Мне неведомы ваши никчемные переживания, — она улыбнулась и, перепрыгнув через несколько насыпей, помчалась прочь вдоль возвышающихся вулканов.

Ведьма смотрела ей вслед и понимала, что та солгала в своих последних словах. Никто не чувствует так чужую боль, как забытый всеми одиночка.

Карлин вынула кинжал и провела лезвием по пальцам. Кожу пронзило колючее чувство, словно она срывала голыми руками расторопшу. И принялась вычерчивать на песке круги и древние знаки.

— Инскрибе! Фенестра тэ экспектат! Инскрибе! — словно мантру повторяла чародейка, разжигая возле себя пылающие синим пламенем костры. — Фенестра тэ экспектат! Инскрибе! Инскрибе!!!

Кровь на земле стала чёрной. В самом центральном круге закружился вихрь. Волшебница отрезала от одежды кусок и перевязала раны. Она с замиранием сердца ожидала слугу сатаны.

Сначала появились серые с изумрудными бугристыми венами ноги, а затем остальная часть тела, закутанная в серебристую тунику. Лица демона она не увидела из-за его железной бурой маски, завершающейся штыками над головой. Лишь ультрамариновые бездонные глаза уставились на неё.

— Чем ты готова заплатить? — первым делом спросил он бесплотным голосом.

— Отправлюсь сразу же к вам в рабство после исполнения договора. И помогу вам заполучить одного из богов.

— Его имя!

— Вайян.

— Тебе необходимо попасть в святое место. В храм. Начерти на полу письмена со скрижалей, оставленных вам небесными правителями, а затем добавь к ним нужное имя. И там ты должна пролить его кровь. Всё остальное мы сделаем сами. Подойди ко мне.

Карлин приблизилась.

— Дай свою руку.

Она вытянула её вперёд. Демон длинным загнутым ногтём до мяса вывел на той

квадрат. Девушка стиснула зубы, чтобы не закричать от давящей боли. Всё тело трясло, будто в лихорадке.

— Договор заключён, — после этих слов он исчез.

Чародейка была настроена решительно, но не могла себя обмануть. Её доводила до ужаса перспектива пребывания на веки вечные в преисподней. Она взглянула на голубое мирное небо, словно уже прощалась с ним навсегда. В нём беспечно резвились два воробья.

Карлин мучил вопрос: имелась ли вообще хоть малая доля вероятности, чтобы всё сложилось иначе. И поняла, что Уиллгармские никогда не стали бы стоять в стороне от чужих бед. Эта мысль заставила девушку печально улыбнуться. "Во всяком случае, за свою жизнь мне никогда не будет стыдно. Я прожила её достойно по отношению к другим людям. Вымоченное в бочке с добром сердце заставляла биться ради всех," — пронеслось в разуме волшебницы.

Карлин открыла портал, чтобы переместиться назад к реке в каньон. Там она сделала привал. Задремав ненадолго возле костра, ведьма во сне увидела сестру. Тара подошла к ней, взяв за руку, и прошептала: "Всё будет хорошо. Верь мне."

Волшебнице не хотелось больше просыпаться. Она старалась вновь погрузиться в грезы, дабы увидеть её. Но попытки оказались тщетными...

На рассвете Карлин поднялась разбитой телом, однако не душой. Девушку ожидал самый главный этап в судьбе. Отступать или бояться уже казалось глупым. Вселенский шаман бросил кости на карту.

Ведьма искупалась и почистила свои вещи. Выдвинулась дальше прямо в сыром. Одежда при палящем солнце сушилась прямо на ней. Дорога, ведущая назад, всегда легче. Теперь она могла без опасений использовать магические коридоры для перемещения по мёртвой пустыне.

Когда впереди завиднелась длинная стена Юго-Западной границы Дормана. Она подумала о том, как бы выкрасть какую-нибудь лошадь. Однако одно дело использовать волшебство просто в пространстве, нежели с помощью него пробираться в запланированное место. Ей в любом случае придётся столкнуться лицом к лицу со стражниками. Карлин не желала прибегать к воровству и нарываться на стычки. Но у неё не имелось больше денег с собой, а в прошлый раз они с Тарой навели достаточно шума, чтобы встретиться на сей раз с агрессией.

Чародейка ударной волной разнесла ворота. Из облаков пыли послышались озлобленные речи и лязг оружия. К ней высыпала толпа воинов в шлемах.

— Кажется, это одна из тех сук, которые разгромили здесь всё при прошлой смене! — обратился мужчина с щетиной к остальным.

Карлин развела руки в стороны.

— Пускайте по твари стрелы!

Девушка окружила себя щитом. В ладонях запыльхали ярко-жёлтые сферы.

— Ложись! — раздалась команда.

Было поздно. Ратников раскидало по песку, словно вырванные с корнями деревья. Она их оглушила, но не стала убивать. Через несколько мгновений Карлин уже мчалась на лошади красивой игреневого масти.

Два дня спустя

Ведьма добралась до ближайшего городка под названием Ховик. Там имелся храм. Она переживала, что её станут искать, но выбирать не приходилось. Ей необходимо было

дождаться ночи, когда в молельне не останется людей. Поэтому Карлин рискнула и продала лошадь. Это получилось сделать не сразу. У жителей тоже не находилось лишних средств. Так что та выручила за неё совсем малую сумму. Но больше и не нужно.

Волшебница остановилась в таверне, пропахшей дешёвым отвратительным пивом. И пропустила несколько кружек. Когда же на небе засияли звезды, она отправилась в храм, ёжась от жуткого холода, ибо шубы и подобающей обуви у неё не было.

Карлин медлила у входа и смотрела, как замороженная навверх, вдыхая морозную свежесть. Ей не верилось, что уже прямо сейчас придётся умереть. Что пора оставить всё позади. Она попыталась вспомнить счастливые моменты.

Вот отец учит ездить их с сестрой маленькими на пони, добродушно смеясь над детской неуклюжестью... Мама читает им сказки перед сном и ласково целует в лоб, закутывая в тёплые одеяла... Директриса Эрлин, шутя отчитывает их за опоздание на занятия... Она гуляет под круглой, как блин, луной со своим первым парнем Оливером... Он целует её в щеку горячими губами. Сердце расширяется от приятной жгучей волны в груди... Её страстный секс со вторым своим парнем Беном... Уютные объятия с новым кавалером Луи... Их путешествия и прогулки с Амелией... Улыбка пьяной Тары после одержанной победы над хайрианцами... Знакомство с Конрадом и с Грегори... Вечерние посиделки у них дома с Терезой... Удивительная ночь с двумя воинами после битвы при Йеразеле... Добрый повеса Иорик, декламирующий стихи... Их шутки с Конрадом... Сестра спасает её из мира мёртвых, вселяя в душу надежду на лучшее... Тара расправляется с противником на арене под песками мёртвой пустыни... Её смех...

По щекам Карлин хлынули слёзы. Она обтерла их. Рядом послышались шаги сторожа. Ведьма усыпила его магией и взломала дверь.

Внутри царила тьма. Девушка зажгла свечи. Она напрягла память, стараясь воскресить письма с потрескавшихся скрижалей, которые их заставляли учить наизусть в школе. Вновь разрежала пальцы и принялась чертить. Карлин тяжело вздохнула и вывела в конце имя ненавистного бога. Ничего не произошло. Чародейка начинала нервничать и кусать сильно губы. Ладони заливал липкий пот... Раны горели...

Девушка крепче сжала кинжал. Перед её глазами вспыхнула ослепляющая молния. Пришлось невольно зажмуриться.

— Что случилось, дитя моё? — раздался зычный голос. — И где твои дары, бедняжка?

Она открыла глаза. Рядом, с оголённым белоснежным торсом стоял покровитель справедливости. Лишь синяя ткань с золотой каймой прикрывала его чресла. Волшебница изо всех сил старалась напустить на себя доброжелательный и раболепный вид.

Карлин рухнула перед ним на колени, склонив голову.

— Великий и славный Аин! О, самый честный из богов! Только вы сможете помочь мне, жалкой твари! У меня есть множество подношений! Я всё готова отдать только...

В этот же миг ведьма совершила резкий выпад вперёд и резанула тому по голени. На пол упали серебряные капли крови.

— Что ты творишь, ничтожество! — глаза создателя засветились фиолетовым пламенем.

Дальше она уже ничего не помнила. До её сознания успела донестись единственная фраза:

— Сделка исполнена!

Придя в себя, чародейка не могла понять, где находится. Вокруг было слишком много

красного... Что-то шевелилось в стенах давящего на чувства лабиринта. На ней совершенно не было одежды. С чёрных лобковых волос спадали капли пота. Жар душил тело. Карлин чудилось, что она находится в раскалённой печи. За спиной находился тупик. Пришлось идти только вперёд. В горле от страха застыл комок.

Чем дальше девушка продвигалась по скользкому, воняющему испражнениями полу, тем чётче могла разобрать чьи-то будоражащие, несчастные вопли.

Она увидела, как справа, словно живое ограждение тянулось к ней. Но затем поняла, что кто-то просто с той стороны его сильно толкает. Через него пробилось лезвие клинка. А затем через разрез пробрался темноволосый мужчина с бакенбардами и бородкой.

— Леди, — он поклонился и снял с себя лимонный плащ, бросив ей. — Прикройтесь! Нам пора уходить отсюда! Вам же не хочется провести всю жизнь в аду? Верно?

— Что? Кто вы?

— Если для вас так важно узнать имя спасителя, то представлюсь, — задорно улыбнулся. — Меня зовут Сальвадор Рубио!

— Непокосимый? Знаменитый маг! — выпучила, не веря, глаза Карлин.

— Тот самый! Давайте руку!

Она выбралась с ним из лабиринта. Малиновое небо дрожало в громовых раскатах.

— Где мы?

— Сейчас нигде! Видите тот жёлтый портал? Нам нужно туда! А затем я вам всё объясню.

Магические ворота привели их обратно в Ховик.

— Мы же в храме! А... А где Вайян?

— Что ж... У вас получилось сделать то, чего вы так хотели. Бог низвергнут в преисподнюю.

— А...

— Понимаю, что вас интересует, — перебил он её. — Перераспределением душ уже занимается другой создатель. И можете поверить мне, тот собирается исполнять свои обязанности как следует. Все же прежние рабы освобождены. У них началась новая чудесная жизнь.

— Я ведь заключила договор и должна отправиться в ад.

— Карлин, — усмехнулся Сальвадор. — Дьяволы любят обманывать. Нет ничего страшного в том, что и их тоже обманут.

— Моя сестра! Тара! Что с ней?

— У неё, как и у всех, новое перевоплощение.

— Её уже не вернуть?

— Милочка моя, да вы явно помешались? Боги не могут вернуть душу, начавшую иной путь. У неё теперь другая судьба. И она вас не помнит. Уже слишком поздно. Такие вещи проворачивают только в первые сутки после смерти. А они, как вам известно, прошли. Не волнуйтесь вы так. Главное, что все маги свободны и имеют возможность жить так, как хотят.

— А вы почему до сих пор не погибли? Сколько вам лет? — с осунувшимся лицом спросила она.

— Я и не умирал. Я служу у богов тысячи лет. Однако никому этого не говорите. Людям не стоит знать, что среди них есть бессмертные собратья. Просто мне повезло. В своё время я помог создателям в их кровной войне. Тогда они-то меня и наградили бессмертием. Сейчас

я их личный рыцарь. Когда вы расквитались с Аином, другие небесные правители сразу узнали об этом. Его грехи всплыли наружу. И те попросили меня спасти вас от преисподней в знак благодарности.

— Разве мне это нужно? — она пошатнулась, и Рубио подхватил её за плечи.

— Милая Карлин. Ваша жизнь, можно сказать, только начинается. Нужно любить себя.

Вы герой! Все боги вами восхищаются.

— Но её больше нет...

— Ох. Да неужели вы никак не поймете, что Тара очень счастлива! Вы ведь дали ей чудесную возможность... Подарили новую судьбу. У неё будет новая семья, новые друзья и любовь... А значит, и вам стоит подумать о своей жизни, — Непоколебимый вывел её на улицу. — Не ступайте на снег. Я вам добуду тёплые вещи чуть позже. А сейчас лишь взгляните на эти прекрасные звезды. Как вам? Вы ведь молоды. Где-то за поворотом ждёт любовь. И приключения. А также удивительные знакомства. Только не врите больше сами себе, будто не боялись потерять всё это. И теперь оно вновь ваше... Такими вещами не разбрасываются. Держитесь за жизнь крепко. Я полагаю, что ваша сестра точно желала бы для вас счастья.

У северной границы Дормана

— Знаете, что-то совсем не хочется покидать место, в котором сеньориальные поборы давно заменили небольшой фиксированной податью, — Иорик тяжело вздохнул, устремив взгляд на чёрную высокую стену, отстроенную в некоторых местах заново.

— Ты так сказал, будто платил когда-то в казну! — Конрад усмехнулся.

— Конечно, нет! Я не владею землёй. Это всё к тому сказал, что Хайриан пугает меня своей дикостью. Там же совершенно отсутствуют законы! Что мы вообще будем делать? Нас же сразу убьют! Я не понимаю, почему вы так спокойны?

— Ты заблуждаешься, — вмешалась Фрида. — У хайрианцев очень сильно почитаются кровные узы. Отец выслал в письме заверенное печатью завещание. И никто не посмеет препятствовать мне, а также моим друзьям. Их правда на нашей стороне. Даже ненависть, обращённая против дорманцев, не позволит им напасть на нас.

— А ничего, что когда-то мы были единым народом. У нас с ними общая кровь и прошлое. Но это им не помешало пойти на наше королевство войной!

— Не путай такие разные по масштабу вещи, — аливитянка насупила брови.

— Иногда мне кажется: некоторым людям совершенно не знакомо слово логика, — Бэбкок скорчил презрительную гримасу.

— Он что, только что оскорбил меня? — удивилась вслух жительница Саркена.

— Хватит вам уже препираться! — не выдержал наёмник. — Всю дорогу ворчите друг на друга, как два кабана, не поделившие жёлудь!

— Всё же весьма поразительно, что о логике говорит именно поэт, — не останавливалась женщина.

— А кому ещё об этом говорить, как не таким, как я? Без писателей вы бы давно уже все превратились в хищных зверей! — парировал Иорик.

— А не слишком ли ты высокого о себе мнения? — Фрида злобно на него взглянула.

— Я, конечно, не собиралась мешать вашему глупому, бессмысленному разговору, но никто не подумал, как преодолеть гарнизон последнего рубежа? Весть о Конраде уже явно донеслась сюда, — колко съязвила Бригида.

— Хвала небесам! — рассмеялся наёмник. — Ребёнок оказался умнее опытной воительницы и учёного мужа.

Те двое укоризненно покосились на него.

— Фрида, мы с тобой пойдём первые! Иорик и Бригида, вы сразу за нами! Щить приготовьте заранее!

Конрад спрыгнул с коня.

— Стой! Кто идёт? — раздался с вышки грубый голос.

— Я лекарь, а это моя семья! — дружелюбно прокричал наёмник в ответ, задрав голову.

К привратнику подошёл командир и, прищурившись, хитро уставился на путника.

— Уж больно ты не похож на целителя, — рассмеялся он, почесав каштановую пышную бороду. — Карающий меч без рода и прошлого! Думал, я тебя не узнаю? Помнишь, в засаде с тобой вместе сидели, охотясь на Фенрира? Мы вдвоём тогда с тобой только и уцелели!

— И я рад тебя видеть, Талейран! Ещё бы я забыл такое! Если бы ты тогда ко мне не подоспел на подмогу, то я бы больше не ходил по брэнной земле!

— Верно! Так что с тебя до сих пор должок! А ты, значит, решил прикинуться врачом, потому что ещё не знаешь, что тебя больше не преследует закон? Можешь спокойно проходить! Потолкуем! — командир обернулся к своим людям. — Запустите их!

Конрад взглянул на друзей и тихо сказал:

— Будьте начеку. Я доверяю его словам, но лучше не отпускать рукоять меча.

Огромные, обитые железом ворота уныло закрипели. Всадники спешили и, взяв лошадей под уздцы, зашагали по снежной хрустящей корке.

Внутри, с лестниц, выходящих из башен, на них с любопытством смотрели воины в чёрных шубах. Талейран направился к ним навстречу с распростертыми широкими руками. Под его кустистыми бровями искрились мудростью зелёные глаза. Они с Конрадом обнялись.

— Так меня больше не считают потрошителем? — с напускным спокойствием поинтересовался наёмник.

— Именно. Сокол из столицы принёс весточку по приказу королевы. Ты не поверишь, когда узнаешь, кто был убийцей! — он сплюнул на землю буро-рыжий харчок от табака. — Сам покойный Его Величество!

— Покойный? — Конрад сморщил лоб.

— Да. Сам добровольно отправился на эшафот. Вот такие вот дела. А теперь ответь-ка мне вот на что. На кой черт тебя понесло в Хайриан?

— Это касается только меня и моих друзей.

— То, что они не твоя семья, это я уже и так понял, — усмехнулся командир. — Но это ещё как касается меня. С проклятыми хайрианцами не было подписано никакого мирного договора. А потому довольно странно, что ты направляешься в их земли!

— Слушай, Талейран, ты разве думаешь, что я собираюсь перейти на их сторону? Ты ведь знаешь, что я сам по себе! Не моё это занятие: служить в чьих-то войсках.

— Я ничего не думаю, дружище! Но ты так и не сказал толком того, что я хотел услышать.

— Они сопровождают меня! — вмешалась Фрида. — Мой отец родом оттуда. Я еду, чтобы забрать законное наследство.

— Судя по узорам на вашем топоре, вы, верно, из Саркена!

Женщина кивнула ему.

— А девчушка тоже телохранитель? — Талейран скрестил руки на груди, приняв шутливо-серьезный вид.

— Ещё какой! — ответил Конрад.

— Если обучаешь её ты, то я в этом не сомневаюсь! — заключил он.

— Так твои люди пропустят нас дальше?

— Само собой! Но я думал, что вы хотя бы на день задержитесь у нас! Открыли бы бочку с элем. Вспомнили бы былое! А то меня здесь такая тоска берёт, хоть на стену лезь.

— Благодарю за приглашение! Но не могу сидеть спокойно на месте перед путешествием в такие края!

— Вот она, настоящая душа наёмника. В мыслях только тяжелый путь. Понимаю!

— Талейран, за мной должок! И я твою шкуру спасти должен! — Конрад широко улыбнулся, оголив зубы. — Значит, свидимся ещё, когда судьба призовет меня к тебе!

— И то правда.

Они пожали друг другу руки. Командир отдал подчинённым приказ. Большие мохнатые

яки двинулись поворачивать колесо. Двойные ворота медленно начали отворяться. Путники вскочили на коней и галопом помчали в серую пустошь.

Высокие заснеженные горы тянулись к небу, скрывая в нём свои вершины. Снежинки не спеша, но неизбежно разбивались о людской мир.

— И далеко ли нам до ночлега? Мы же заживо окоченеем! — Бэбкок уныло всматривался в даль.

— А как по твоему наши предки жили, умник? — кольнула его Фрида. — Вечером остановимся в какой-нибудь из пещер и разожжем огонь. Я изучала карту Хайриана. На следующий день, если ехать в быстром темпе, доберемся до первого поселения.

— Ты мне снова не нравишься! — нахмурился поэт.

— Я и не должна тебе нравиться, — аливитянка обскакала его и, ловко выпустив одну ногу из стремени, схватила руками горсть снега, а затем швырнула в лицо Иорику.

Поэт съежился от холода.

— Что за ребячество! — фыркнул он.

Бригида не смогла совладать с собой и спрыгнула на землю.

— Давайте поиграем! — радостно предложила ученица. — В моих краях не было снега!

Они с Фридой принялись забрасывать мужчин снежками, громко хохоча. Конрад улыбнулся. Бэбкок же тоже вскоре сдался и сам присоединился к ним. Задорный смех разносился по мрачной мёртвой округе. Щеки их порозовели от погони друг за другом. Только наёмник не спешил. Он довольный наблюдал за ними. На душе у него стало вновь тепло, как до того момента, когда не потерял ещё Грегори и Амелию. Друзья выпестовали в нём любовь к жизни, вдохнули в него нечто ценное и очень важное, чего не дали родители. С ними Конрад смог увидеть то, что раньше казалось лишь химерическим неуловимым туманом. Он считал, что с ним им всем слишком опасно. Но теперь понимал, что они для него будто щит, прикрывающий от жестоких ударов. И ему было без них слишком тяжело находиться.

— Знаете, а я только что сочинил стихотворение, — объявил запыхавшийся Бэбкок, рухнув спиной в сугроб.

Девчушка со всего разбега прыгнула на него сверху и насыпала за шиворот колючих хлопьев. Поэт комично закричал и, схватив её за шубу, кинул в мягкую кучу.

— Рассказывай давай свой стих, Иорик, — лучезарно верещала Бригида, отряхиваясь. — Только я, наверное, опять ничего не пойму.

— Ничего страшного. Я если что, объясню тебе, — он поднялся и прокашлялся.

Я застыл в несокрушимых цепких льдах.

Копьё и молот на нём не оставляют трещин.

И скоро сердце захрустит у тьмы в зубах.

Мне не поможет мудрость всех старейшин.

В глазах моих уже давно туман железный.

Я задыхаюсь покинутой с собой наедине.

А жизни дар сейчас и вовсе бесполезный.

Откроет кто-нибудь врата мне в тишине?

И вот плеча коснулись добрые ладони.

Они оковы вечности все растопили в воду.

Пускай нам с ними не умчатся от погони.

Но всё же мы найдём хорошую погоду.

С друзьями нестрашны неведенья судьбы.

Да и к чему мне знать, что будет дальше.

Ведь здесь, сейчас, мы больше не рабы.

Мир с каждым днём для нас сияет ярче.

Фрида, внимательно выслушав, с улыбкой обернулась к Конраду. Лицо её омрачил испуг. Она кинулась к его коню, на котором он лежал без сознания.

— Что это с ним? — взволнованно вслух вырвалось у Бригиды.

— Я не знаю! Помоги мне его спустить вниз! Вот так! Аккуратно придерживай за руки!

— С ним раньше такое было? — спросила девчушка у поэта, когда наёмника уложили поверх медвежьей шкуры.

— Я ни разу не видел, чтобы он падал в обморок, — замотал головой Иорик. — Он же силён, как бык!

— Бригида, подложи ему что-нибудь под ноги! — жительница Саркена откинула свои волосы за плечи и подставила к носу ухо. — Он дышит! Подождём! Бригида, и захвати бурдюк с водой ещё!

Через несколько минут наёмник открыл глаза.

— Что происходит? Чего вы вокруг меня все столпились? — он приподнялся на локтях.

— Сделай несколько глотков, — Фрида протянула ему сосуд из козьей кожи. — Ты нас всех напугал! Ты лишился чувств, сидя прямо в седле! Пей же.

Конрад поднялся на ноги, Бэбкок на всякий случай подхватил друга подмышками.

— Всё в порядке, Иорик! Я могу идти сам! Я просто так давно не ел ничего хорошего. Я будто уснул. И мне чудился огромный сочный пирог с кроличьим и голубиным мясом.

— В таком случае, давайте поищем укрытие в ближайшей пещере, — предложила ученица. — У нас нет пирога, но пора перекусить вяленным мясом и салом с сухарями. Я тоже есть хочу. А потом мы с Иориком поохотимся на какого-нибудь лося.

— Я не умею охотиться, — отмахнулся поэт.

— И что? Я тоже! Но копьё-то бросать мы можем!

— Бригида, что за вздор ты несёшь? — усмехнулся бледный Конрад. — В охоте мало уметь владеть оружием. Нужно уметь читать следы и иметь терпение. Которого у вас с Бэбкоком точно ещё не достаточно. Я потом вас как-нибудь научу.

Всадники добрались до скалы и нашли в ней небольшую расщелину, однако они все могли в ней уместиться. Аливитянка отправила остальных собирать ветви кустарников, растущих у подножия, и сухой мох для костра. Оставшись наедине с наёмником, она пронзительно на него посмотрела.

— Что такое, Фрида? Я, конечно, тоже не прочь заняться с тобой любовью, но боюсь, что отморожу себе всё достоинство здесь, — мужчина улыбнулся и обнял женщину за талию, прижавшись лбом к её шее.

— Конрад, не пытайся уйти от разговора.

— От какого разговора? Ты о чём? — он отпрянул назад.

— Что с тобой произошло на самом деле? Я понимаю, ты не хочешь говорить об этом при них, чтобы не беспокоить. Но мне можно сказать правду! Ведь если это нечто важное, то кто-то из нас должен быть в курсе.

— Фрида, послушай, — Конрад провёл по лицу холодными ладонями. — Если бы я сам понимал, что всё это значить... А так я даже не знаю, что сказать.

— Самый верный и действенный метод, чтобы в чём-то разобраться — говорить как

есть!

— Ты решишь, что я рехнулся.

— Давай, я без тебя определюсь с тем, как мне реагировать. Ну! — брови её сдвинулись в ожидании.

— Наверное, стоит начать ещё с моего пребывания в городе Торианвиль. Пару месяцев назад мы остановились там с друзьями, так как выполняли задание короля по поводу поисков осколка звезды, чтобы остановить Узгулуна. Там я впервые ощутил, что со мной творится что-то странное. Будто в моей голове поселился кто-то ещё. Не знаю, как конкретно описать. В общем, во мне проснулась удивительная ярость. Я не мог понять, из-за чего это. Со мной такого никогда ранее не было. Даже в битве я всегда сохраняю хладнокровие. К нам только недавно прибился Бэбкок. Я относился к нему нормально, но один раз вышел и себя и со злобой набросился на него. Иорик, конечно, чуть нас всех не подвёл. Но... Он это не специально. Я не имел права срывать на нём. Однако всё обошлось. Я быстро взял себя в руки. Ничего страшного не стряслось. Затем мой порыв жуткой злобы вновь повторился через несколько дней возле города Гринстоун. Я думал, что это можно всё списать на переживание за друзей. Так как местный бальи захватил их в заложники. Чтобы освободить их, мне пришлось отыскать жену и сына наместника. И когда я нашёл их, то вступил в схватку с тридцатью волколаками. Разум то и дело напоминал мне, что я умру. Я не представлял, как в одиночку возможно выстоять против такой стаи сильных оборотней. Но кто-то в моей голове был уверен в победе. И я всех их убил. А после... Этот некто заговорил со мной с помощью моих же мыслей. Когда я отправился спасать Амелию из логова, где ту заключили слуги повелителя хаоса, я тоже чуть не погиб. Я прощался с жизнью, когда тонул в огромной ловушке. Я бы ни за что не успел выбраться. Воздух в лёгких закончился бы раньше. И там-то голос обратился ко мне. Он назвал моё имя и попросил, чтобы когда я очнулся, то начал грести на поверхность изо всех сил. Открыв глаза, я увидел свет и всплыл. Я не помню ничего о том, как смог доплыть до выхода, — Конрад нахмурил лоб, закусив нижнюю губу. — Покинув логово, я сцепился с суккубом, чей взгляд загипнотизировал Грегори, но на меня он не подействовал. Тварь, перед тем, как я пронзил её ножом, сама не понимала, почему со мной это не сработало.

— А сегодня он тоже с тобой говорил? — мягко спросила женщина.

— Да, — Конрад сомкнул руки в кулаки. — Он звал меня к себе. Но куда именно? Знаешь, мне кажется, что этот некто захватывает моё сознание с каждым разом всё больше... — наёмник вздрогнул.

— Выходит, он спасает тебя от смерти. Только чего же он еще хочет от тебя? И кто он? Ты никому об этом не рассказывал?

— Нет. Я не хотел говорить друзьям, так как сам не имею никакого понимания, что со мной творится.

— Возможно, всё это как-то связано и с моими видениями, — проложила она. — В них ты узнал что-то от себе. Нашёл ответы, Конрад!

— Фрида, мне страшно... И вы...

— Прекрати, — аливитянка погладила его по щеке. — В моих предсказаниях тебе тоже было страшно... Но человек должен понимать, что с ним происходит. Иначе ты попросту сойдёшь с ума. Узнав, что всё это означает, ты сможешь с этим бороться. Сможешь это отпустить! А насчёт нас хватит волноваться. Пути друзей всегда пролегают рядом. И никто не в силах помешать этому. У тебя не выйдет просто так отвязаться от нас. Мы будем рядом,

Конрад! Мы всё узнаем вместе и справимся с тем, что бы то ни было, тоже вместе!

С первыми лучами слабого солнца кавалькада двинулась в дорогу. Они проскакали весь день. Все были очень измучены и чуть не дремали в седлах. Вскоре Фрида заметила первое поселение под названием Скив. Приблизившись к его постовой вышке, друзья смутились. На ней не было стражников. Ворота находились распахнутыми.

— Мне это совсем не нравится, — Конрад обнажил меч. — Будьте готовы ко всему.

— Может, они все бежали вглубь страны, когда дорманцы их прогнали прочь? — предположил Иорик. — И с тех пор так и не вернулись.

— Кто знает... Кто знает... — Фрида взялась за рукоять боевого топора.

Въехав внутрь, наёмник спешил первым. Крыши домов, улицы, трупы людей покрывал пепел. В воздухе пахло смертью. По лицу мужчины пробежала судорога. Аливитянка это заметила.

— Конрад, что происходит?

Наёмник ответил не сразу. Она видела, как его бьёт дрожь.

— Конрад! — женщина подбежала к нему.

— Фрида... — чуть не задыхаясь, изрёк тот. — Я видел это в своих кошмарах. Пустынные земли, усеянные пеплом. Моя... Моя мать... Она говорила, что здесь мой дом. Он... Чей голос был в голове! Он рядом! Я чувствую!

Бригада с Иориком, недоумевая, переглянулись друг с другом.

— Кто-нибудь что-нибудь объяснить нам? — не выдержала ученица.

— Не сейчас! — отрезала аливитянка.

Она подошла к одному из мертвецов и отерла лицо от пепла.

— Как они умерли? — Бэбкок нервно сглотнул слюну.

— Глаза выжжены.

Жительница Саркена принялась подбегать к каждому телу поблизости.

— У всех выжжены глаза...

Из-за угла обуглившегося здания к ним навстречу полз человек.

— Бригада, принеси воду! — крикнула Фрида и подскочила к раненому. — Мы друзья! — сказала она ему, так как его глазницы тоже были пустыми. — Что здесь произошло? Кто на вас напал? Прошу, скажите!

Девчушка поднесла бурдюк, но он, хрипя, отмахнулся. Вода хлынула на серую землю.

— Ко... Кон-рад... Конрад, — прошептал хайрианец. — Где он?

Наёмник приблизился к ним.

— Я Конрад, — он ощущал, как начинает задыхаться от жутких чувств. — Откуда вы знаете меня?

— Они ищут тебя...

— Кто они? — воин заскрежетал зубами. Крылья носа раздувались со всей мощью.

— Безмолвные... Ты сын одного из них. Ты... Ты наша смерть! — после этих слов мужчина громко застонал и рухнул головой в снег.

— Без... Безмолвные? — поэт осенил себя святым знаменем. — Нет! Их же изгнали наши предки! Они... Они не могли вернуться.

— Нет ничего такого, чего бы не могли безмолвные, — аливитянка пошатнулась. Мысли в её голове дико били в барабаны. — Если вспомнить легенды... Наши предки лишь задержали их. А боги сами пребывали в ужасе... Безмолвные не являются небытием. Они исключение. Боги боятся их. Создания не из нашего мира. Раньше их было восемь. И та

битва, где полегли многие, была лишь отвлекающей уловкой. Боги с большим трудом перенесли одного из безмолвных в другое измерение. Существа полны сил, когда их восемь. Они и есть бесконечность. А остальных удалось заключить только во временную ловушку. И для этого пришлось пожертвовать сотнями тысяч богов.

— Но зачем им Конрад? — чуть не вскричала в страхе Бригида.

Фрида повернулась к нему. Наёмник стоял, опустив голову вниз. Взгляд у него стал стеклянным, как у безумца.

— Вот почему она хотела убить меня... Мать хотела убить меня, но не смогла... — только и выговорить он.

— Ты нужен им, чтобы занять пустующее место восьмого... И тогда... — у жительницы Саркена в горле встал ком. — Их уже никто не остановит... Никогда!

— Туман! Туман! — Иорик, словно бешеный, указывал на переливающуюся, как парное молоко дымку через забор.

— Уходите! Убирайтесь отсюда! — завопил на них Конрад. От его вопля кровь стыла в жилах.

Он повалился на землю, начав биться в конвульсиях. Из рта выплескивалась пена.

Друзья старались его поднять, чтобы увезти с собой, но всё тщетно. За него невозможно было ухватиться. Тело наёмника извивались, будто живая змея на раскаленной сковороде.

Туман приближался. В нём виднелись тёмные очертания семи безмолвных. Когтистые руки, испещренные язвами, тянулись к ним.

Ученики и Фрида расступились от яркой вспышки света. До виска наёмника дотронулись чьи-то нежные пальцы. Воин, немного успокоившись, покосился в бок.

— Амелия?

Ночь и день — одно и то же,

Лишь стоит солнцу умереть.

И уже совсем негоже

Гили песни петь.

Конец второй книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net